

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2018 / № 1

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и археологии (07.00.00) и политологии (23.00.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Archeology (07.00.00) and Politology (23.00.00).

ISSN 2072-8360 (print)

2018 / № 1

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Научный совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. – к. филол. н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления МГОУ (зам. председателя)

Клычников В.М. – к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д. пед. н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д. псих. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д. ф. н., проф., Российский университет транспорта (МИИТ)

Клобуков Е.В. – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Маноило А.В. – д. пол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д. э. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д. пед. н., проф., МГОУ

Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. – д. ф.-м. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д. филол. н., проф., МГОУ

Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. – д. и. н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. – д. и. н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. – к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Багдасарян В.Э. – д. и. н., проф., МГОУ; **Воронин С.А.** –

д. и. н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В.В. – д. пол. н., к. ю. н., проф., Башкирский

государственный университет (г. Уфа); **Гонзалес Дж.** – док-

тор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Журавлев В.В. – д. и. н., проф., МГОУ; **Захаров В.Н.** – д. и. н.,

проф., Институт российской истории РАН; **Каширина Т.В.**

– д. и. н., доцент, Дипломатическая академия МИД России

(г. Москва); **Ковалев В.А.** – д. пол. н., проф., Сыктывкар-

ский государственный университет; **Михайловский Ф.А.**

– д. и. н., проф., Московский городской педагогический уни-

верситет; **Наталици М.** – д. и. н., проф., Университет Сиена

(Италия); **Панкратов С.А.** – д. пол. н., проф., Волгоградский

государственный университет; **Сулакшин С.С.** – д. пол. н.,

д. ф.-м. н., проф., Центр научной политической мысли и идео-

логии; **Фукс А.Н.** – д. и. н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2018. – № 1. – 126 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

Индекс серии «История и политические науки» по Объединенному каталогу «Пресса России» 40712

© МГОУ, 2018.

© ИИУ МГОУ, 2018.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru, cyberleninka.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

— Issued 5 times a year —

Series editorial board «History and Political Sciences»

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

S.A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V.V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T.V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V.A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F.A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy);

S.A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

S.S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Science council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, chef of information and editorial management (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Russian University of Transport

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2018. – № 1. – 126 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26139

Index series «History and Political Sciences» according to the union catalog «Press of Russia» 40712

© MRSU, 2018.

© Information & Editorial Office of MRSU, 2018.

The Editorial Board address: Moscow Region State University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru, cyberleninka.ru), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Плужников Д.А. ПРАВОПИСАНИЕ СЛОВА «ЮГОСЛАВИЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ И ЛИТЕРАТУРЕ	6
---	---

Всеобщая история

Удодова А.Д. О ЛОКАЛИЗАЦИИ И ЭТНИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ ИРАНОЯЗЫЧНЫХ ПЛЕМЕН В КОНТЕКСТЕ РАННЕКИФСКОЙ ИСТОРИИ	14
Нурисламов Р.Р. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В АНГЛИИ СЕРЕДИНЫ 1937 Г. И ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИСТСКОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СООБЩЕНИЙ БЮРО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ «ГАМБУРГ-БРЕМЕН») ...	22
Орлов Н.С. МЕТОДЫ БОРЬБЫ АНТИВОЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В США В 60-Е ГГ. XX В.	30
Барабанов М.В. ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ГОДЫ «РАЗРЯДКИ»; ЕГО ГЛУБИННЫЕ ИНТЕРЕСЫ В РАЗВЕРТЫВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	37
Курyleв К.П., Цаканян В.Т. ЦИФРОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ НАТО	45

Отечественная история

Давыдова Ю.А., Платова Т.В., Кокоулина О.П. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО НА ПЕРЕПУТЬЕ: ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ 1917 Г.	54
Меньшиков А.Э. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ В ОБЛАСТИ ПООЩРЕНИЯ НАУЧНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ В СССР НА ПРИМЕРЕ ПРЕМИИ ИМ. В.И. ЛЕНИНА	61
Горлов В.Н. МОСКОВСКИЕ ЛИМИТЧИКИ 1960 – 80-Х ГГ. КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ЖИТЕЛЕЙ СТОЛИЦЫ.	72

РАЗДЕЛ II ПОЛИТОЛОГИЯ

Подвигин Е.А. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ: ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ВЛАСТНЫХ ЭЛИТ	81
Рудаков А.В. О ПРОБЛЕМАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	91
Соловьева Т.Н. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ В РОССИИ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	100
Куркин В.А. РОЛЬ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ.	111

CONTENTS

SECTION I HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

D. Pluzhnikov. THE SPELLING OF THE WORD "YUGOSLAVIA" IN THE ENGLISH-SPEAKING SOURCES AND LITERATURE	6
--	---

General History

A. Udodova. ON THE LOCALIZATION AND ETHNIC ATTRIBUTION OF THE IRANIAN-SPEAKING TRIBES IN THE CONTEXT OF EARLY SCYTHIAN HISTORY	14
R. Nurislamov. INTERNAL POLITICAL SITUATION IN GREAT BRITAIN IN THE MIDDLE OF 1937 AND THE PROSPECTS OF NAZI TERRITORIAL EXPANSION (ON THE REPORTS OF ECONOMIC INFORMATION BUREAU "HAMBURG-BREMEN")	22
N. Orlov. THE STRUGGLE METHODS OF THE ANTI-WAR MOVEMENT IN THE USA IN THE 1960S	30
M. Barabanov. EUROPEAN UNION AND SOCIALIST COUNTRIES OF EASTERN EUROPE IN THE YEARS OF "DÉTENTE"; IT'S DEEP INTERESTS IN THE ECONOMIC COOPERATION DEVELOPMENT	37
K. Kurylev, V. Tsakanyan. DIGITAL DEPENDENCE OF NATO	45

Native History

Y. Davydova, T. Platova, O. Kokoylina. THE RUSSIAN SOCIETY AT THE CROSSROADS: FROM FEBRUARY TO OCTOBER 1917	54
A. Menshikov. ACTIVITIES OF THE COMMUNIST ACADEMY IN THE FIELD OF PROMOTING SCIENTIFIC ACHIEVEMENTS IN THE USSR ON THE EXAMPLE OF THE LENIN PRIZE	61
V. Gorlov. THE MOSCOW QUOTA WORKERS 1960 – THE 80TH AS SPECIAL CATEGORY OF RESIDENTS OF THE CAPITAL	72

SECTION II POLITOLOGY

E. Podvigin. COMPARATIVE ANALYSIS OF FOREIGN ELITOLOGICAL APPROACHES: THE PROBLEM OF EVALUATION CRITERIA STATE-POWER ELITE	81
A. Rudakov. THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE STATE POLICY IN THE FIELD OF PATRIOTIC EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION	91
T. Solovieva. POLITICAL PLURALISM AS ONE OF THE MAIN OF PRINCIPLES OF LAW-BASED GOVERNMENT	100
V. Kurkin. THE ROLE OF SCHOOL HISTORY EDUCATION IN THE POLITICAL SOCIALIZATION OF STUDENTS	111

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 81'35(497.1); 903.2: 003.074(407.1)
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-6-13

ПРАВОПИСАНИЕ СЛОВА «ЮГОСЛАВИЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ И ЛИТЕРАТУРЕ

Плужников Д.А.

*Московский государственный областной университет
105005 Москва, Радио ул., 10А, Российская федерация*

Аннотация. Выделяются и описываются характерные особенности правописания слова «Югославия», которые помогут начинающему исследователю истории Югославии при работе с англоязычными источниками и литературой. В статье приведены возможные варианты написания слова «Югославия» из англоязычной литературы и источников. Работа носит междисциплинарный характер и может использоваться как исследователями и специалистами по новейшей истории стран Европы и США, так и лингвистами, изучающими современный английский язык. Автор стремится проследить процесс становления, изменения и оформления норм правописания слова «Югославия» в английском языке, источниках и литературе.

Ключевые слова: Югославия, английский язык, исторический источник, орфография.

THE SPELLING OF THE WORD “YUGOSLAVIA” IN THE ENGLISH-SPEAKING SOURCES AND LITERATURE

D. Pluzhnikov

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The characteristic features of the spelling of the word “Yugoslavia” are identified and described, which will help the beginning researcher of Yugoslavian history to work with English

sources and literature. The article presents possible spelling variants of the word “Yugoslavia” in the English literature and sources. The work is of interdisciplinary nature and can be used by both researchers and specialists in the modern history of European countries and the USA and by researchers of modern English. The author tracks the process of the formation, modification and standardization of the spelling norms of the word “Yugoslavia” in the English language, sources and literature.

Key words: Yugoslavia, English, historical source, spelling.

К концу XX в. английский язык закрепил за собой статус международного во всех сферах современного общества и стал главным языком коммуникации в современном мире. Его используют на дипломатических встречах, во время деловых переговоров и как язык межнационального общения. Большинство выбирает английский язык как первый и основной иностранный. При устройстве на работу в международную компанию требование знания английского языка стало нормой. А развитие компьютерной техники, появление Интернета и всё большая зависимость современного человека от информационных технологий заставили изучать английский язык людей, ранее им не владевших.

К началу XXI в. он стал и языком современной науки, оттеснив как традиционные греческий и латынь, так и «не прижившийся» эсперанто. Связано это не только с экономическим, политическим и культурным лидерством США, проявившимся после Второй мировой войны, но и с тенденцией, оформившейся ещё после Первой мировой войны — планомерным перемещением научных центров в Соединённые Штаты. В 30–40-е гг. XX в. — после прихода Гитлера к власти в Германии и после начала Второй мировой войны — число ученых, покинувших Европу и нашедших работу за океаном, резко возросло.

После окончания Второй мировой войны и в период «холодной войны» перемещение научных кадров в США не прекратилось, а в отдельных отраслях науки даже увеличилось. Мощное вымывание научных кадров в США, Европу, а позднее в Китай и Индию, произошло после развала социалистического лагеря во главе с СССР в 1991 г. При этом стоит отметить также и то, что, во-первых, работу и применение за рубежом находят научные работники всех специальностей, а во-вторых, из-за отсутствия серьёзных вложений в науку и образование в современной России и невозможности самореализоваться в науке отток учёных не прекращается.

Исследователю, работающему с источниками и литературой по новейшей истории, следует быть готовым к трудностям с их анализом, обработкой и систематизацией. Политическая карта мира в XX в. неоднократно претерпевала значительные изменения. Исчезали одни государства, на их месте возникали другие. Как следствие, происходили изменения границ, форм территориального устройства, форм правления и их названий. Такие изменения и их последствия хорошо просматриваются на примере Германии и России в XX в. Помимо этого, происходили и продолжают происходить изменения в образе жизни людей, вызванные не только войнами, рево-

люциями, реформами, но и научно-технической революцией (НТР). Эти изменения также нашли отражение в языках народов мира.

Промышленный переворот и НТР привели к необходимости сделать общее школьное образование более доступным для населения. Это вынуждало руководство стран, желавших успешно экономически развиваться, проводить реформы. Они охватывали не только систему образования, но и сам язык. Так, в России XX в. прошло две реформы русского языка. И первая, и вторая, прежде всего, устанавливали правила орфографии и пунктуации. Реформа 1918 г. для обывателей запомнилась введением нового алфавита, и, как следствие, новой орфографии при написании слов, а также использованием апострофа (') в качестве разделительного знака вместо твёрдого знака (ъ). Реформа 1956 г. сделала замену твёрдого знака апострофом недопустимой. После поражения в Гражданской войне русскоязычная эмигрантская среда не приняла этих реформ и продолжала использовать дореволюционные алфавит, орфографию и пунктуацию. И сейчас есть публикации, выходящие и на бумаге, и в Интернете без учёта реформ 1918 и 1956 гг. Поэтому, работая с отечественными и зарубежными источниками на русском языке, проводя их анализ, исследователю необходимо это учитывать.

НТР вводила и вводит в повседневное общение новые слова, понятия, выражения. Одни из них, войдя в обиход, остаются неизменными. Другие уже успели стать устаревшими и малоупотребительными. Вспомните, часто ли теперь используют аббревиатуру «ЭВМ» (электронно-вычислительная

машина)? За последние тридцать лет её повсеместно вытеснил англицизм «компьютер». Растёт поколение, которому уже нужно объяснять, что означает «ЭВМ».

И английский язык, самый востребованный в наше время, не избежал изменений в XX в. Если открыть какой-либо русско-английский словарь, изданный в последние двадцать лет, на слове «Югославия», то по английским правилам правописания оно начинается с буквы Y, y [wai] и пишется как Yugoslavia [1, с. 488; 7, p. 339]. Для уточнения произношения смотрим транскрипцию слова в англо-русском словаре: [ju:gou'sla:vjə] [1, с. 249]; / ju:gə'sla:viə/ [7, p. 731]. Точно такое же правило правописания слова «Югославия» на английском предлагают электронные интернет-переводчики и словари Google, Microsoft, Yandex.

Пожалуй, теперь исследователь смело может приступить к работе с англоязычными источниками и литературой о Югославии, обрабатывать и систематизировать их. Но, впервые занявшись этой тематикой, приступив к сбору материалов, спустя время он обнаружит, что вариантов написания топонима «Югославия» на английском языке больше, чем нам предлагают современные словари. Чтобы облегчить работу исследователя, в данной статье рассмотрены встречающиеся чаще всего варианты правописания слова Югославия, которые возможно встретить в письменных работах на английском языке, вышедших в 20-е – 80-е годы XX в.

С момента образования в декабре 1918 г. Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (Королевство СХС), ради удобства в речи и на письме исследо-

ватели, журналисты и политические деятели использовали для обозначения нового государства другое название: «Югославия». Такая практика получила распространение как внутри королевства, так и за его пределами. Устоявшегося правописания слова «Югославия» в англо-саксонском мире тогда не существовало. В хорватском языке пользуются латиницей, и слово «Югославия» начинается с буквы, соответствующей в английском языке J, j [dʒei], поэтому соответствующий вариант написания перешел и в английский язык [8; 9; 11; 26; 27; 31].

Английский язык допускает образование составных основ различными способами. Один из них — при помощи дефиса. Именно такой способ выбрали авторы книги о проблемах государств, новообразованных после окончания Первой мировой войны, а также частей бывшей Австро-Венгерской империи [31]. Другой способ — это слитное написание двух или более слов с целью образования нового [8; 9; 11; 26; 27]. Но так как установившегося правила не существовало, то в текстах можно встретить как написание через дефис *Jugo-Slavia*, так и слитное *Jugoslavia*.

Точно такая же ситуация сложилась с правописанием по-английски «Югославия» с привычной для нас буквы Y, y [wai]. С самого начала сосуществовали слитное написание *Yugoslavia* [4; 10; 12; 16; 17; 20–25; 28–30; 32–39] и *Yugo-Slavia* [3; 5; 6; 18; 19]. Нечасто, но возможно встретить на английском языке и сокращённую форму написания слова Югославия: *Slavia* и образованные от этой формы слова [2; 13; 14; 15]. Таким образом, при поиске источников и литературы о Югославии на англий-

ском языке исследователь должен использовать все эти пять форм.

Теперь нам остаётся кратко рассмотреть, с какого момента правописание слова «Югославия» принимает единственные привычные нам норму и вид. К концу Второй мировой войны написание через дефис перестаёт использоваться авторами. Наглядным примером служат публикации одной из влиятельнейших газет Британии “*The Manchester Guardian*”. Если в 1941–1942 гг. в публикациях газеты используется написание слова Югославия с буквы Y, y [wai] через дефис [3; 5; 6; 19; 20], то к концу войны авторы уже используют форму слитного правописания [10; 12; 23], давно принятую в “*The Times*” [21; 24], “*The New York Times*” [20; 25] и “*Daily Worker*” [4; 22]. В то же время в печати, литературе и науке продолжается использование слитной формы написания слова «Югославия» через букву J, j [dʒei] [8; 9; 11; 26; 27]. При этом такую форму правописания использовали авторы как в Англии [8; 9; 11; 26], так и в США [27] вплоть до середины 70-х гг. XX в.

После разрыва дипломатических отношений между Советским Союзом и социалистической Югославией из-за конфликта между Иосифом Сталиным и Иосипом Броз Тито в 1948–1949 гг. руководство югославской республики вынуждено было проводить реформы. Изыскивались различные источники пополнения казны валютой, так необходимой для проведения модернизации страны. Брались кредиты у стран капиталистического блока. Стал возможен выезд «на заработки» граждан Югославии за границу, прежде всего в ФРГ и Италию, а югославское побережье Адриатики превратилось в место

недорогого и качественного отдыха для иностранных туристов из Европы и США. Это стало стимулом для поддержки государством изучения иностранных языков жителями Югославии.

После зимней олимпиады в Сараево 1984 г. руководство Югославии было вынуждено объявить страну банкротом, так как не могло выполнить обязательства по взятым кредитам. Но туризм и трудовая миграция продолжали являться источником доходов для граждан и государства вплоть до начала 1990-х гг. Поэтому руководство страны не скупилось на издание красочных рекламных изданий на английском языке, рассказывающих о достижениях Югославии, о истории её народов, о лучших курортных местах и достопримечательностях [30]. Публиковались переведённые на английский язык законодательные акты

государства и его республик и, конечно, Конституция Социалистической республики Югославия [16]. Тогда же сложилась традиция издавать на английском языке научные исследования и сборники документов Белградского университета по истории Югославии, а также другим научным дисциплинам [17; 28; 34; 35; 36].

Во всех источниках и литературе, выходявших на английском языке в Югославии с конца 70-х и до начала 90-х гг. XX в., название государства писалось в соответствии с принятой сейчас нормой правописания, через букву Y, y [wai] – **Yugoslavia**. Несмотря на это, исследователь всегда должен помнить, что эта норма правописания не сразу стала общепринятой и единственной, что ранее существовали и другие формы, некоторые из которых представлены в данной статье: **Jugo-Slavia, Jugoslavia, Slavia, Yugo-Slavia**.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский и русско-английский словарь с грамматическими приложениями. М.: Издательский дом «Диалог», 1998. 524 с.
2. Allied planes aid Slavs to rout Germans // Daily Worker. 1943. Dec. 16. Pp. 4.
3. American aid first supplies for Yugo-Slavia // The Manchester Guardian. 1941. Apr. 9. Pp. 5.
4. Fascists lose 8000 in Yugoslavia // Daily Worker. 1943. Apr. 6. Pp. 3.
5. Greece and Yugo-Slavia // The Manchester Guardian. 1942. Jan. 14. Pp. 2.
6. Nazi maneuvers in Yugo-Slavia // The Manchester Guardian. 1941. Mar. 31. Pp. 2.
7. Oxford Russian Minidictionary. New York: Oxford University Press, 2006. 742 p.
8. Red Army has crossed into Yugoslavia // The Daily Telegraph and Morning Post. 1944. Sept. 7. Pp. 1, 6.
9. Regency likely in Yugoslavia // The Daily Telegraph and Morning Post. 1945. Jan. 4. Pp. 5.
10. Russians in Yugoslavia // The Manchester Guardian. 1944. Sept. 8. Pp. 5.
11. Russians thrusting to Yugoslavia // The Daily Telegraph & Morning Post. 1944. Sept. 2. Pp. 1.
12. Seton-Watson R.W. "The New Yugoslavia" // The Manchester Guardian. 1945. Apr. 24. Pp. 4.
13. Slav guerillas win back initiative – retake town // Daily Worker. 1943. Apr. 2. Pp. 3.
14. Slavs attack on all Fronts // Daily Worker. 1943. Dec. 23. Pp. 4.
15. Slavs told "Surrender or be shot" // The Manchester Guardian. 1941. Apr. 21. pp. 6.
16. The constitution of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. Belgrade, 1989. 248 p.
17. The National liberation war and revolution in Yugoslavia (1941-1945). Selected documents. Beograd, 1982. 796 p.

18. Terms of not to Yugo-Slavia // *The Manchester Guardian*. 1941. Mar. 27. Pp. 2.
19. Yugo-Slavia and Germans // *The Manchester Guardian*. 1941. Mar. 22. Pp. 4.
20. Yugoslavia, Axis partner? // *The New York Times*. Section 4. 1941. Mar. 23. Pp. 1.
21. Yugoslavia recognizes // *The Times*. 1945. Mar. 31. Pp. 3.
22. Yugoslavia's army // *Daily Worker*. 1945. Mar. 2. Pp. 3.
23. Yugoslavia's future // *The Manchester Guardian*. 1945. Jan. 12. Pp. 5.
24. Yugoslavia sings // *The Times*. 1941. Mar. 26. Pp. 4.
25. Yugoslavia stand praised by rabbis // *The New York Times*. 1941. Mar. 30. Pp. 8.
26. Alexander J. *Yugoslavia before the Roman conquest*. London, 1972. 176 p.
27. Barry Farrell R. *Yugoslavia and The Soviet Union 1948-1956. An Analysis with Documents*. Yale (Michigan), 1956. 220 p.
28. *Financial institutions in Yugoslavia*. Belgrade, 1977. 96 p.
29. Franc C. Littlefield *Germany and Yugoslavia, 1933-1941. The German conquest of Yugoslavia*. New York, 1988. 162 p.
30. *Handbook on Yugoslavia*. Belgrade: Exptpress, 1987. 280 p.
31. Lockhart D., Birkhill R. *Seeds of war: a political study of Austria, Hungary, Czecho, Slovakia, Roumania and Yugo-Slavia*. London, 1925. 170 p.
32. Seton-Watson R. W., Auty Ph., Clissold St., Darby H. C., Laffan R. G. D. *A shot history of Yugoslavia from early Times to 1966*. Cambridge, 1966. 280 p.
33. Shores Ch., Cull B., Malizia N. *Air war for Yugoslavia, Greece and Crete*. London, 1987. 446 p.
34. Stojkovic L., Martic M. *National minorities in Yugoslavia*. Beograd, 1952. 228 p.
35. *The Theatre in Yugoslavia*. Beograd, 1955. 88 p.
36. *The Third Reich and Yugoslavia 1933-1945*. Belgrade, 1977. 800 p.
37. Vucinich W. S. *Contemporary Yugoslavia twenty years of Socialist experiment*. Berkely and Los Angeles, 1969. 442 p.
38. Wheeler M. C. *Britain and the war for Yugoslavia, 1940-1943*. New York, 1980. 356 p.
39. Wilson D. *Tito's Yugoslavia*. Cambridge, 1979. 270 p.

REFERENCES

1. *Anglo-russkii i russko-angliiskii slovar' s grammaticheskimi prilozheniyami* [English-Russian and Russian-English dictionary with grammar application]. Moscow, Izdatel'skii dom «Dialog» Publ., 1998. 524 p.
2. Allied planes aid Slavs to rout Germans. *Daily Worker*, 1943, Dec. 16, pp. 4.
3. American aid first supplies for Yugo-Slavia. *The Manchester Guardian*, 1941, Apr. 9, pp. 5.
4. Fascists lose 8000 in Yugoslavia. *Daily Worker*, 1943, Apr. 6, pp. 3.
5. Greece and Yugo-Slavia. *The Manchester Guardian*, 1942, Jan. 14, pp. 2.
6. Nazi maneuvers in Yugo-Slavia. *The Manchester Guardian*, 1941, Mar. 31, pp. 2.
7. *Oxford Russian Minidictionary*. New York, Oxford University Press, 2006. 742 p.
8. Red Army has crossed into Jugoslavia. *The Daily Telegraph and Morning Post*, 1944, Sept. 7, pp. 1, 6.
9. Regency likely in Jugoslavia. *The Daily Telegraph and Morning Post*, 1945, Jan. 4, pp. 5.
10. Russians in Yugoslavia. *The Manchester Guardian*, 1944, Sept. 8, pp. 5.
11. Russians thrusting to Jugoslavia. *The Daily Telegraph & Morning Post*, 1944, Sept. 2, pp. 1.
12. Seton-Watson R.W. "The New Yugoslavia". *The Manchester Guardian*, 1945, Apr. 24, pp. 4.
13. Slav guerillas win back initiative – retake town. *Daily Worker*, 1943, Apr. 2, pp. 3.
14. Slavs attack on all Fronts. *Daily Worker*, 1943, Dec. 23, pp. 4.
15. Slavs told "Surrender or be shot". *The Manchester Guardian*, 1941, Apr. 21, pp. 6.

16. The constitution of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. Belgrade, 1989. 248 p.
17. The National liberation war and revolution in Yugoslavia (1941–1945). Selected documents. Beograd, 1982. 796 p.
18. Terms of not to Yugo-Slavia. The Manchester Guardian, 1941, Mar. 27, pp. 2.
19. Yugo-Slavia and Germans. The Manchester Guardian, 1941, Mar. 22, pp. 4.
20. Yugoslavia, Axis partner? The New York Times. Section 4, 1941, Mar. 23, pp. 1.
21. Yugoslavia recognizes. The Times. 1945, Mar. 31, pp. 3.
22. Yugoslavia's army. Daily Worker. 1945, Mar. 2, pp. 3.
23. Yugoslavia's future. The Manchester Guardian. 1945, Jan. 12, pp. 5.
24. Yugoslavia sings. The Times. 1941, Mar. 26, pp. 4.
25. Yugoslavia stand praised by rabbis. The New York Times. 1941, Mar. 30, pp. 8.
26. Alexander J. Yugoslavia before the Roman conquest. London, 1972. 176 p.
27. Barry Farrell R. Yugoslavia and The Soviet Union 1948–1956. An Analysis with Documents. Yale (Michigan), 1956. 220 p.
28. Financial institutions in Yugoslavia. Belgrade, 1977. 96 p.
29. Franc C. Littlefield Germany and Yugoslavia, 1933–1941. The German conquest of Yugoslavia. New York, 1988. 162 p.
30. Handbook on Yugoslavia. Belgrade: Exptpress, 1987. 280 p.
31. Lockhart D., Birkhill R. Seeds of war: a political study of Austria, Hungary, Czecho, Slovakia, Roumania and Jugo-Slavia. London, 1925. 170 p.
32. Seton-Watson R. W., Auty Ph., Clissold St., Darby H.C., Laffan R.G.D. A shot history of Yugoslavia from early Times to 1966. Cambridge, 1966. 280 p.
33. Shores Ch., Cull B., Malizia N. Air war for Yugoslavia, Greece and Crete. London, 1987. 446 p.
34. Stojkovic L., Martic M. National minorities in Yugoslavia. Beograd, 1952. 228 p.
35. The Theatre in Yugoslavia. Beograd, 1955. 88 p.
36. The Third Reich and Yugoslavia 1933-1945. Belgrade, 1977. 800 p.
37. Vucinich W. S. Contemporary Yugoslavia twenty years of Socialist experiment. Berkely and Los Angeles, 1969. 442 p.
38. Wheeler M. C. Britain and the war for Yugoslavia, 1940-1943. New York, 1980. 356 p.
39. Wilson D. Tito's Yugoslavia. Cambridge, 1979. 270 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плужников Дмитрий Анатольевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета, преподаватель кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета, преподаватель истории института дополнительного образования, Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: dpluzh@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Pluzhnikov – postgraduate student of the Department of modern and contemporary history and methodology, Moscow Region State University. Lecturer of history of the Department of History of Russia and Moscow region, Moscow Region State University, Lecturer of the Institute of Supplementary Education of Russian State University for the Humanities;
e-mail: dpluzh@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Плужников Д.А. Правописание слова «Югославия» в англоязычных источниках и литературе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 6–13.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-6-13

FOR CITATION

D. Pluzhnikov. The Spelling of the Word “Yugoslavia” in the English-Speaking Sources and Literature. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2018, no 1, pp. 6–13.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-6-13

Всеобщая история

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-14-21

О ЛОКАЛИЗАЦИИ И ЭТНИЧЕСКОЙ АТТРИБУЦИИ ИРАНОЯЗЫЧНЫХ ПЛЕМЕН В КОНТЕКСТЕ РАННЕСКИФСКОЙ ИСТОРИИ

Удодова А.Д.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы этногенеза ираноязычных племен Евразии; уточняется по данным комплексных источников локализация исседонов и массагетов; устанавливается их место в ранней истории скифов царских. Переосмыслена связь античных нарративных источников и археологических памятников конца II – первой трети I тыс. до н.э. с использованием классической методики. Использована классическая методика соотнесения данных письменных и археологических памятников. Концепция 4-х индоевропейских прародин и локализация индоиранской прародины в Центральной Европе является теоретической основой для авторских коррективов по направлениям миграций иранцев в степях Евразии.

Ключевые слова: раннежелезный век, исседоны, массагеты, скифы, Средняя Азия, Аракс, Аму-Дарья.

ON THE LOCALIZATION AND ETHNIC ATTRIBUTION OF THE IRANIAN-SPEAKING TRIBES IN THE CONTEXT OF EARLY SCYTHIAN HISTORY

A. Udodova

*Moscow Region State University
10A, Radio ul, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract. The article considers some issues of Iranian-speaking tribes' ethno genesis. The localization of Issedons and Massagets is specified according to complex sources; their place in the Early Scythian history is established. The interrelation of the ancient narrative sources and the archeological monuments of the late II – first third of the I millennium BC is established through the classical methodology. The classical method was used to correlate the data of the written and archaeological monuments. The concept of four Indo-European pre-homelands and the localization of the Indo-Iranian pre-homeland in Central Europe is the theoretical basis for the author's adjustments about the directions of Iranian-speaking migrations in the Eurasian steppes.

Key words: Early Iron Age, Issedons, Massagets, Scythians, Central Asia, the Arax, the Amu Darya.

Исседоны (Ἰσσηδόνες) – это древнейшие племена иранского происхождения, впервые упомянутые Гекатеем и помещенные Геродотом со ссылкой на Аристея из Проконнеса (VII в. до н.э.) в степях за Уралом [Hdt, IV.25]. Геродот соотносит ареал исседонов с областями расселения других племен, не приводя четких географических привязок. По рассказам исседонов, известным скифам, «за исседонами и к северу обитают *аримасы* – одноглазые люди; за аримасами – *стерегущие золото грифы*, а еще выше за ними – гипербореи на границе с морем» [Hdt, IV.13, 25–27]. Возникает вопрос, какое направление имеет указанная последовательность – меридиональное или широтное, и к какому времени относится эта диспозиция племен.

Европейская привязка ареала исседонов читается в связи с областью обитания аргипеев. «За аргипеями **к востоку** живут исседоны... Поскольку аргипеи живут в предгорьях высоких гор, а в горах – козлоногие люди, то исседоны, которые находятся за ними, живут восточнее за этими горами» [Hdt, IV. 25–27]. Рипейские горы отождествляются в данном контексте с Уральскими горами [4, с. 34]. Однако подобные допущения о локализации исседонов за Уралом ненадежны и гипотетичны.

Территории соседей исседонов, аримаспов определены относительно положения гипербореев, о которых, кроме указаний на места их обитания у Северного океана, практически ничего неизвестно. К тому же, в античных источниках для гипербореев указываются самые разные территории, но всегда где-то на севере от основной территории античного мира. Современные

исследователи, сторонники центральной-европейской прародины индоевропейцев, высказывают, например, возможность отождествления гипербореев с культурой воронковидных кубков, занимающих территорию от Южной Скандинавии, Рейна на западе до Прикарпатья [7, с. 89]. Учитывая расплывчатость локализации гипербореев, которых помещают и на севере Центральной и Восточной Европы, и к северу от степей Евразии [7, с. 89], этот этноним не может быть надежным репером для аримаспов и, следовательно, для исседонов. Среди исследователей нет определенности в представлениях о направлении перемещения этих племен: запад-восток или юг-север. Но мы будем исходить из предположения о широтных перемещениях азиатских иранцев, принимая во внимание широтное направление в перечислении последовательности нескифских этносов, проживающих к северу от скифов, принятое Геродотом [Hdt, IV.18, 20], за которыми также живут гипербореи.

Геродот сообщает очень важные сведения из истории исседонов: «Все эти народы, кроме гипербореев, *постоянно воюют с соседями* (причем *первыми* развязали войну аримасы). Аримасы изгнали исседонов из их страны, затем **исседоны вытеснили скифов**, а киммерийцы, обитавшие у Южного моря, под натиском скифов покинули свою родину» [Hdt, IV.13]. Таким образом, согласно этому фрагменту устанавливается направленность импульса от аримаспов к исседонам, а от них – к скифам за Араксом» [Hdt, IV.11], т.е. движение шло с севера или с северо-востока на юг к великим рекам Средней Азии.

Локализация массагетов древними авторами более надежна, чем

представления о «гипербореях», для определения ареала исседонов. Геродот довольно детально сообщает о массагетах, описывая поход Кира против них. «Массагеты живут на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив исседонов» [Hdt, I.201]... На востоке по направлению к восходу солнца к нему (Каспийское море. – *Прим. авт. А.У.*) примыкает безграничная необозримая равнина. Значительную часть этой равнины занимают упомянутые массагеты, на которых Кир задумал пойти войной» [Hdt, I.204].

Южная граница массагетов, таким образом, проходит по Араксу, который может быть только азиатской рекой, которая усилиями многих ученых идентифицируется как дополнительное русло, которое выбрасывается Аму-Дарьей в Каспийское море при условии многоводности. Это – современный Узбой. Из описания Аракса следует, что там водятся тюлени-эндемики, а обширная дельта реки соизмерима с дунайской [Hdt, I.202], что указывает на связь Аракса с Аму-Дарьей или что Аракс и есть Аму-Дарья, представлявшая серьезную преграду для Кира [Hdt, I.204].

Массагеты, таким образом, живут, с одной стороны, к востоку от Каспия, а с другой стороны, к северу от Аракса. Но только русла Аму-Дарьи при обводнении ее, что наблюдалось в разные периоды, в том числе и в античную эпоху, сбрасывали свои воды в Каспийское море. В сухие периоды эти русла пересыхали. Поскольку Геродот говорит об одном русле Аракса, то его эквивалентом может быть только современный Узбой, а не Аму-Дарья и не Сыр-Дарья. Тем более Араксом не может быть Волга.

Другой вопрос, где проходит северная граница массагетов и как по отношению к ней располагались исседоны, к северу или северо-востоку от нее, по степям или на пограничье лесостепи. Кроме того, исходя из сведений Геродота, скифов теснили и исседоны, и массагеты.

По третьей легенде Геродота, скифов за Араксом=Узбоем вытеснили массагеты [Hdt, IV.11]. Датировка более раннего появления этнонима «исседоны» не позднее X в. до н.э. зависит от решения, каких скифов вытеснили исседоны или массагеты. Мы принимаем тезис, что «скифы за Араксом» – скифы царские, по Геродоту. Время ухода скифов, живущих за Араксом, связано с системой дат для всей истории скифов, завязанной на древневосточную хронологию VIII-VI вв. до н.э. Письменные источники связывают этноним «скифы» с VII в. до н.э.; этноним «саки» относится к ахеменидской эпохе, поэтому, придерживаясь строго терминологии, нельзя называть скифскими археологические памятники Приаралья раньше этого времени. Тем не менее вполне убедительна гипотеза о вероятной прародине скифов царских в Приаралье, в которой определяется уход скифов из Приаралья в X в. до н.э. через Средний Урал на Кавказ [2, с. 503], исходя из дат скифо-киммерийского конфликта [Hdt, IV.11] на рубеже IX/VIII вв. до н.э.

Отсутствие этнонима «массагеты» в древневосточных источниках может объясняться тем, что массагеты, по мнению ряда ученых, скрываются под вуалью этнонима «саки-тиграхуда», которых некоторые исследователи помещали на Сыр-Дарье (В.В. Струве, И.В. Пьянков, Л.А. Ельницкий). По

нашему мнению, это не противоречит соседству массагетов с царскими скифами по Узбою и может говорить о перемещении части массагетов в восточном направлении как результат военного давления аримаспов. Объединенный рассказ Геродота и Аристея, согласно которому скифов вытеснили и исседоны, и массагеты может также свидетельствовать о смещении части массагетов и о прямом контакте скифов с исседонами, поскольку сведения Аристея на два века древнее рассказа Геродота.

Суммируя сведения Геродота и Аристея, мы получаем факт последовательности военных столкновений, начиная от аримаспов: аримаспы – исседоны – массагеты – скифы – киммерийцы, т.е. миграционные импульсы шли с востока или с северо-востока на запад и юго-запад. Это подтверждается археологически [6, с. 60–61].

Л.А. Ельницкий предполагает местонахождение массагетов за Яксартом=Сыр-Дарьей, который он идентифицирует с Араксом. Он приводит дополнительные аргументы, ссылаясь на карту Птолемея, который помещает массагетов за Яксартом, а между ними и исседонами – хребет Имав [3, с. 78]. Исследователи идентифицируют хребет Имав либо как хребты Восточного Казахстана, или Алтая [3, с. 80], что указывает на локализацию исседонов за Желтым хребтом (каз. Сары-Арке = Центрально-Казахстанский мелкосопочник). Этнонимы «исседоны», «масагеты» этимологически примыкают к этнониму «царские саки» [3, с. 80]. Ираноязычность исседонов и массагетов вытекает из концепции 4 индоевропейских прародин [7, с. 87–89]. Распад праиранской

общности ямно-полтавкинских племен дает несколько линий ираноязычных миграций (срубная на запад до Днепра=скифы-земледельцы и КМК к западу от Днепра=киммерийцы, андроновская (синташтинско-петровская и позднее алакульская, андроновская и федоровская андроновская=сако-массагеты и на юг – тазабагьябская культура на юг в Приаралье=скифы царские). При всех отличиях в перечисленных культурах, обусловленных разным культурным субстратом, который на такой огромной территории не может быть одинаковым, налицо сходство материального комплекса в названных памятниках генетического характера. Следовательно, движение царских скифов из-за Аракса происходило в родственном по языку массиве племен евразийских степей. Это подтверждается и характеристиками материальной культуры массагетов, исседонов и царских скифов у Аракса как смешанной срубно-андроновской культуры.

Более фундаментально обращаясь к теме локализации исседонов в связи с уточнением этнокультурной атрибуции савроматских памятников такой авторитетный исследователь, как Д.А. Мачинский. Он возражает против расширения Б.Н. Граковым [1, с. 100–121] и К.Ф. Смирновым области, занимаемой якобы савроматами степных областей за Уралом, Зауралья. К.Ф. Смирнов разводит термины «геродотовские» и «археологические» савроматы [10, с. 4, 293, 375–377], включая в савроматские территории степи Зауралья, несмотря на разность культур Поволжья и Южного Приуралья. Для установления археологического эквивалента геродотовским савроматам

Д.А. Мачинский обращается к проблеме локализации исседонов. Д.А. Мачинский видит основания для выводов о перемещениях жителей степи с востока на запад [4, с. 32]. Он аргументирует тезис, что ко времени появления скифов в европейских степях ближайшими соседями их были не савроматы, а исседоны. Об этом свидетельствует и Павсаний (II в. н.э.), использующий более ранние источники: «В Прасиях есть храм Аполлона. Рассказывается, что сюда приходят жертвенные начатки от гипербореев, что гиперборей передают их аримаспам, аримаспы — исседонам; от этих последних скифы доставляют их в Синоп, а затем через земли эллинов они доставляются в Прасии, а затем уже афиняне везут их на Делос...» [Pausan. GD, I.31.2]. Этот путь является искаженным отзвуком реальности, существовавшей не позднее начала VI в. до н.э. [4, с. 34]. Д.А. Мачинский делает вывод, что на «древнейшей карте европейских степей, отраженной у Геродота, Дамаста и Павсания, восходящей к Аристее из Проконнеса, на карте, где савроматы еще не отмечены, исседоны отчетливо помещены к северо-востоку от скифов и к юго-западу от южной части Уральских гор, т.е. в степях по течению р. Урал, а также, возможно, на левобережье Волги в районе Самарской луки» [4, с. 34]. Что касается западной границы исседонов, то на этот счет у Геродота имеются некоторые косвенные указания. Из описания знаменитого пути от берегов Меотиды к Рипейским горам свидетельствует, что где-то в северной части заволжских степей и лесостепи, западнее Урала жили скифы, отколовшиеся от скифов царских [Hdt, IV.21-27], а неподалеку располагались исседоны [4, с. 34].

Далее идет очень существенный вывод о времени этого соседства скифов и исседонов. Д.А. Мачинский приходит к выводу, что отрыв части скифов от основной орды, вероятнее всего, мог произойти в результате борьбы скифов с исседонами в период движения исседонов на юго-восток [Hdt, IV.13], что разделило скифскую орду надвое. «В таком случае западная граница исседонов должна проходить где-то возле Самарской луки к югу и юго-западу от Уральского хребта, в бассейне р. Урала. Этот период охватывает время от появления «царских скифов в Европе до возвращения их из походов в Закавказье и датируется концом VIII (или ранее) – началом VI в. до н.э.» [4, с. 34]. Обоснования этих дат Д.А. Мачинский не привел.

В отличие от других авторов, которые считают, что «отложившиеся скифы» ушли от основного массива после походов в Переднюю Азию, после 535 г. до н.э. [9, с. 252], Д.А. Мачинский указывает на ситуацию и характеризует ее качественно иначе. Он первым высказывает мысль об остановке скифов в процессе движения из Азии на Кавказ, которая позднее была поддержана исследователями и названа 2-й скифской прародиной [4, с. 59, 61]. К сожалению, задача исследования Д.А. Мачинского не позволила ему объединить эти выводы в концепцию о происхождении скифов. Если исседоны относятся к андроновской культуре, согласно Мачинскому, то аримаспов обоснованно рассматривать как эквивалент карасукской, учитывая агрессивность носителей этой культуры и продвижение ее до Центрального Казахстана в X в. до н.э. [6, с. 61; 2, с. 504].

Вывод 1. В двух сообщениях Геродота о причине ухода скифов и обна-

ружении скифов-«отщепенцев» в Волго-Уралье, в разноэтничном массиве, где говорили на семи языках, можно видеть два хронологически *разновременных* события: скифо-массагетскую войну и уход скифов с 1-ой прародины «за Араксом», которую следует датировать X в. до н.э., а также скифо-исседонскую войну и уход части скифов в IX в. с волго-уральской прародины на Кавказ, при этом скифы-«отщепенцы» остались в Приуралье. Вопрос, были ли исседоны, до столкновения со скифами, у Самарской луки или они появились из Европы, пройдя через Волгу и При-

уралье в степи Казахстана, (эквивалент – саргаринско-алексеевская культура) [8, с. 84], остается пока нерешенным.

Вывод 2. Исседоны, как частично и массагеты, на протяжении IX–VI вв. до н.э. меняют свой ареал, расширяясь на восток, но проследить их ареал к III вв. до н.э., когда их этноним меняется на «усуни» – задача другой работы.

Вывод 3. Этноним «исседоны» – более ранний, чем этноним «массагеты», поэтому скифы за Араксом могли иметь непосредственные контакты с исседонами, как на это указывает Аристей из Проконнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.
2. Гудина Л.В., Жадобнова М.С., Николаева Н.А. Начальная история киммерийцев и скифов // Наука на благо человечества – 2017: сборник научных статей бакалавров и магистрантов по итогам Международной конференции (Москва, 17–28 апреля 2017 г.). М.: МГОУ, 2017. С. 498–506.
3. Ельницкий Л.А. Скифия Евразийских степей. Новосибирск: Наука, 1977. 254 с.
4. Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сармат в Поднепорье по свидетельствам античных письменных источников // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1972. Вып. 13. С. 31–54.
5. Мусбаховак В.Т. К вопросу о достоверности свидетельства Геродота о времени жизни Аристея из Проконнеса и времени создания «аримаспеи» // Аристей: Вестник классической филологии и античной истории. 2012. Вып. V. С. 21–52.
6. Николаева Н.А. Некоторые замечания к гипотезам о происхождении скифов // Иранский мир II–I тыс. до н.э.: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского. Выпуск VI. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 56–63.
7. Николаева Н.А. Происхождение мифов «северного цикла» древних греков, иранцев и индийцев в свете поздней индоевропейской и арийской прародины в Центральной Европе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 5. С. 82–89.
8. Николаева Н.А. К начальной истории киммерийцев // Этнокультурное развитие Ближнего Востока в IV–I тыс. до н.э.: материалы научной конференции, 26–27 октября 2017 г. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. С. 80–88.
9. Погребова М.Н. Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М.: Наука, 1992. 268 с.
10. Смирнов К.Ф. Савроматы: ранняя культура и история сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

REFERENCES

1. Grakov B.N. [The remnants of the matriarchy of Sarmatians] In: *VDI*, 1947, no. 3, pp. 100-121.
2. Gudina L.V., Zhadobnova M.S., Nikolaeva N.A. Nachal'naya istoriya kimmeriitsev i skifov [The initial history of the Cimmerians and Scythians] In: *Nauka na blago chelovechestva: sbornik nauchnykh statei bakalavrov i magistrantov po itogam Mezhdunarodnoi konferentsii* (M., 17–28 aprelya 2017 g.) [Science for the sake of humanity: the collection of scientific articles of undergraduates in the outcome of the International conference (Moscow, 17–28 April 2017)]. Moscow, MGOU Publ., 2017, pp. 498–506.
3. El'nitskii L.A. Skifiya Evraziiskikh stepei [Scythia of the Eurasian steppes]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1977. 254 p.
4. Machinskii D.A. [On the times of the first active marches of Sarmatians in Podniepor area according to the testimony of ancient written sources] In: *Arkheologicheskii sbornik Gos. Ermitazha*, 1972, no. 13, pp. 31–54.
5. Musbakhovak V.T. [To the question of reliability of Herodotus's testimony on the life time of Aristeya from Proconnesus and the time of "Arimaspea" creation]. In: *Aristei: Vestnik klassicheskoi filologii i antichnoi istorii*, 2012, no. V, pp. 21–52.
6. Nikolaeva N.A. Nekotorye zamechaniya k gipotezam o proiskhozhdenii skifov [Some comments on the hypotheses about the origin of the Scythians]. In: *Iranskii mir II-I tys. do n.e.: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati E.A. Grantovskogo i D.S. Raevskogo. Vypusk VI* [Iranian world of II-I Millennium BC: proceedings of the international scientific conference dedicated to the memory of E.A. Grantovsky and D.S. Raevsky. Issue VI]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2013, pp. 56–63.
7. Nikolaeva N.A. [The origin myths of the "Northern loop" of the ancient Greeks, Iranians and Indians in the light of later Indo-European Aryan homeland in Central Europe]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2015, no. 5, pp. 82–89.
8. Nikolaeva N.A. K nachal'noi istorii kimmeriitsev [To the early history of the Cimmerians]. In: *Etnokul'turnoe razvitie Blizhnego Vostoka v IV-I tys. do n.e.: materialy nauchnoi konferentsii, 26–27 oktyabrya 2017 g* [Ethno-cultural development of the Middle East in the IV-I Millennium BC: proceedings of conference, 26–27 October, 2017]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2017, pp. 80–88
9. Pogrebova M.N., Raevskii D.S. Rannie skify i Drevnii Vostok [The early Scythians and the Ancient East]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 268 p.
10. Smirnov K.F. Savromaty: rannyya kul'tura i istoriya sarmatov [Sauromats: early culture and history of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 380 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

FHG – Fragmenta historicorum Graecorum (отрывки работы Гекатея «Землеописание»)
FGH – Fragmente der griechischen Historiker (отрывки работы Гекатея «Землеописание»)
Hdt – Herodotus. Histories, (Геродот «История»)
Pausan. GD. – Pausanias. Graeciae Descriptio, (Павсалий «Описание Эллады»)
Plin. NH. – Gaius Plinius Secundus. Naturalis Historia, (Плиний «Естественная история»)
Ptolem. Geogr. – Ptolemaei Alexandrini Geographia, (Птолемей «География»)
Steph Byz. Eth – Stephani Byzantii. Ethnica, (Стефан Византийский «Этника»)
Strabo – Strabonis. Geographica, (Страбон «География»).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Удодова Анастасия Дмитриевна – аспирант кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: AnanasYd@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya D. Udodova – post-graduate student of the Department of Archeology, Ancient and Medieval History, Moscow Region State University;
e-mail: AnanasYd@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Удодова А.Д. О локализации и этнической атрибуции ираноязычных племен в контексте раннескифской истории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 14–21.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-14-21

FOR CITATION

A. Udodova. On the Localization and Ethnic Attribution of the Iranian-Speaking Tribes in the Context of Early Scythian History. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 1, pp. 14–21.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-14-21

УДК 327:94 (4)

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-22-29

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В АНГЛИИ СЕРЕДИНЫ 1937 г. И ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИСТСКОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СООБЩЕНИЙ БЮРО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ «ГАМБУРГ–БРЕМЕН»)

Нурисламов Р.Р.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье на основе сообщений бюро экономической информации «Гамбург-Бремен» рассматривается оценка внутреннего положения Англии нацистской политической элитой. Указанные материалы, которые хранятся в составе трофейных фондов Российского государственного военного архива, дают объемную картину военно-политического и экономического статуса Англии. Автором делается вывод, что специфика внутривнутриполитического положения Англии могла оказать влияние на ускорение развития нацистской территориальной экспансии.

Ключевые слова: англо-германские отношения, бюро экономической информации «Гамбург-Бремен», Невилл Чемберлен, перевооружение, причины Второй мировой войны, рецессия 1937 г.

INTERNAL POLITICAL SITUATION IN GREAT BRITAIN IN THE MIDDLE OF 1937 AND THE PROSPECTS OF NAZI TERRITORIAL EXPANSION (ON THE REPORTS OF ECONOMIC INFORMATION BUREAU “HAMBURG–BREMEN”)

R. Nurislamov

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article deals with the Nazi political elite's evaluation of the internal situation in Great Britain based on the reports of economic information bureau “Hamburg-Bremen”. The specified sources stored in the trophy funds of the Russian State Military Archive give a comprehensive account of the military, political and economic status of Great Britain. The author concludes that the peculiarities of the internal political situation in Great Britain could have influenced the acceleration of the Nazi territorial expansion.

Key words: Anglo-German relations, economic information bureau “Hamburg-Bremen”, Neville Chamberlain, rearmament, origins of the Second World War, recession of 1937.

Международные отношения в 1930-е гг. развивались со стремительной скоростью. Нацистская Германия за четыре года превратилась в тоталитарное государство, где была полностью уничтожена оппозиция. В стране был дан старт ускоренной ремилитаризации и вместе с тем появился шанс применить новые вооруженные силы и военную технику на практике в начавшейся летом 1936 г. гражданской войне в Испании. Все более осязаемой для лидеров Третьего рейха становилась возможность не только частичной ревизии Версальской системы, но и реализации тех глобальных намерений по переделу мира, которые были обозначены в «Майн Кампф» А. Гитлера. Подтверждением этого стала разработка «четырёхлетнего плана», который предполагал перевод экономики Германии на военные рельсы и завершение создания боеспособной армии [8, S. 536].

Следует признать, что динамика развития нацистской экспансии могла зависеть от реакции и действий других стран, в частности Англии. Лондон должен был сыграть важную роль в реализации нацистской внешнеполитической программы, но характер англо-германских отношений в 1933–1936 гг. мало соответствовал тому, что было задумано в «Майн Кампф». Нацисты не смогли построить англо-германский союз на основе антисоветизма. В Англии с опасениями воспринимали формирование оси «Рим-Берлин-Токио» и разрастание конфликтности в международных отношениях. Таким образом, Англия могла стать помехой в случае усиления агрессивности внешней политики нацистов.

В данной статье мы попробуем определить, как в нацистской Гер-

мании оценивали военно-политический и экономический статус Англии в середине 1937 г. и, соответственно, перспективы внешнеполитической активности Лондона в связи с возможностью разрастания нацистской территориальной экспансии. Для решения данной задачи мы обратимся к материалам сообщений бюро экономической информации «Гамбург-Бремен», которые хранятся в составе трофейных фондов Российского государственного военного архива. Бюро представляло собой основанную германскими экономическими кругами в 1920-е гг. организацию, которая после прихода нацистов к власти значительно расширила масштабы своей пропагандистской деятельности, получив государственную поддержку. В 1933 г. основанная в Гамбурге организация вошла в состав германского министерства пропаганды и просвещения. Важной сферой деятельности Бюро стало развитие тайной информационной службы за рубежом, в том числе в Англии. «Доверенные лица» в Лондоне составляли сообщения, которые после обработки в Германии оказывались в распоряжении всех министров, президента Рейхсбанка, а также руководства СС.

Берлин с большим интересом следил за развитием процессов во внутриполитической жизни Англии, важным событием которой стало назначение 28 мая 1937 г. Невилла Чемберлена премьер-министром и формирование нового кабинета. Бывший канцлер казначейства Н. Чемберлен был известен как сторонник возможных уступок Германии. Его внешнеполитическая программа, изложенная еще до вступления в должность пре-

мьер-министра в меморандуме от 2 апреля 1937 г., предполагала борьбу за возвращение Германии в Лигу Наций, установление тесного англо-германского экономического сотрудничества и заключение англо-германского пакта о ненападении [1, с. 158].

Для нацистского руководства политика нового британского кабинета могла стать заветным мостом, который мог позволить перейти к территориальной экспансии. После своей беседы с Чемберленом за неделю до его вступления в новую должность, являвшийся на тот момент немецким послом в Лондоне И. фон Риббентроп сообщал министру иностранных дел К. фон Нейрату, что «у нас есть все основания рассчитывать на нового премьер-министра» [2, S. 822]. Большие надежды вызывали у нацистов и перемены в английском внешнеполитическом корпусе. Вместо Эрика Фиппса новым послом в Берлин 28 мая был назначен Невилл Гендерсон, весьма прозрачные заявления которого, сделанные через некоторое время после назначения, подчеркивали его личную благосклонность к национал-социализму¹.

В тоже время в Германии не могли не знать, что возможная политика Чемберлена может встретить серьезное сопротивление значительной части британского истеблишмента. Это подтверждается одним из посланий «доверенного лица» Бюро в Лондоне, в котором отмечается, что, несмотря на поддержку курса Чемберлена некоторыми видными английскими деятелями, такими, как Самуэль Хор и Джон

¹ Так, например, он доказывал австрийскому послу, что присоединение Австрии к Германии может иметь и положительные стороны. Подробнее см.: [5, р. 216].

Саймон, «в британском правительстве существуют круги, нацеленные на борьбу с позицией Чемберлена найти взаимопонимание с Германией. Прямые методы внешней политики Чемберлена находят мало согласия среди чиновников министерств»².

Важнейшей фигурой, которая могла стать источником противодействия Чемберлену, был руководитель Форин Оффис Антони Иден, который имел репутацию «ведущего сторонника коллективной безопасности, осуществляемой через сотрудничество в рамках Лиги Наций» [6, р. 95]. Его яркие выступления³ в течение лета-осени 1937 г. существенно укрепили его авторитет и обеспечили поддержку Уинстона Черчилля, который его прежде достаточно остро критиковал⁴.

Важным аспектом, который должен был повлиять как на внутреннюю, так и на внешнюю политику кабинета Чемберлена, стал экономический спад середины 1937 г. Как и начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис, нынешняя рецессия, зародившись в США, в течение короткого времени распространилась на европейские страны. Спад конъюнктуры в США, ввиду тесной связи между двумя англосаксонскими экономиками, был неизбежен в Англии. В Сити не допускали, что текущие экономические затруднения разрастутся до того масштаба, который образовался в результате обрушения Уолл-Стрит 8 лет назад⁵. Тем

² Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1235к. Оп. 4. Д. 12. Л. 197.

³ В частности в Женеве (Там же. Л. 167), Нионе (Там же, Л. 187) и Лландидно (Там же. Лл. 85–86).

⁴ Там же. Л. 85.

⁵ Там же. Лл. 71, 107, 140.

не менее наиболее частым словом, которое должно было охарактеризовать отношение в ведущих политических и экономических кругах Лондона к перспективам экономического развития Англии согласно сообщениям представителей бюро экономической информации «Гамбург-Бремен» в Лондоне, являлось слово «нервозность»¹.

Причины этой нервозности крылись не только в падении акций на британских биржах, но и в усилении влияния политического фактора на экономику страны в связи с разрастанием конфликтности в международных отношениях. В качестве одной из важных причин, которая привела к утрате прежней экономической устойчивости, в Англии рассматривали нестабильную внешнеполитическую обстановку². Это принималось за решительно новый поворот по отношению к прежнему развитию международных отношений, «когда политические факторы не оказывали почти никакого влияния на экономическую тенденцию»³.

Продолжавшаяся гражданская война в Испании эхом отражалась на британской экономической системе. Боевые действия в середине июня 1937 г. в районе Бильбао привели к нарушению поставок в Англию североиспанской руды. Чтобы обеспечить нормальное функционирование поставок, приходилось в срочном порядке проводить переговоры с генералом Ф. Франко по урегулированию экономических вопросов⁴. Несмотря на текущие успехи Франко, в Лондоне не считали, что

это должно привести к скорейшему завершению испанского конфликта. Сотрудник Бюро в Лондоне полагал, что «Форин Оффис скорее приходит к оценке, что гражданская война будет продолжаться еще долгое время»⁵.

К протекавшему уже почти год конфликту в Испании добавилось усиление напряженности на Дальнем Востоке. Перестрелка японских и китайских войск, которая произошла 7 июля 1937 г. в районе моста Лугоуцяо, привела к развязыванию открытого военного конфликта между Японией и Китаем, который серьезно задевал как экономические, так и геостратегические интересы Англии. В Лондоне считали, что, невзирая на то военное превосходство, которое лежит на стороне Японии, необходимо, подобно испанской гражданской войне, рассчитывать на длительный военный конфликт на Дальнем Востоке. В Сити настроения в связи с событиями на Дальнем Востоке, оценивались «даже еще более нервными, чем из-за событий в Испании ввиду тех неблагоприятных последствий, которые имеет дальневосточный конфликт для британских экономических интересов»⁶.

Падение акций Лондонской биржи, суматоха на важнейших товарных рынках, туманность положения на золотовалютном рынке, наряду с нарастанием напряжения во внешнеполитической сфере привели к трудностям, охватившим широкие сферы британской экономики. На протяжении лета-осени 1937 г. затруднения коснулись английской судостроительной отрас-

¹ РГВА. Ф. 1235к. Оп. 4. Д. 12. Лл. 106, 204, 239.

² Там же. Л. 168.

³ Там же. Л. 71.

⁴ Там же. Л. 265.

⁵ Там же. Л. 204.

⁶ Там же.

ли¹, стальной индустрии², а также сферы строительства³.

Правительство Чемберлена видело выход из кризиса в поиске новых методов ведения экономической политики, которая должна была проводиться в нескольких направлениях. Важной целью должно было стать увеличение экспорта, который в августе опустился до самой низкой отметки с февраля текущего года⁴. Все более очевидным становилось, что падение экспорта связано с конкуренцией со стороны других стран, особенно Германии. В ходе проведенной осенью 1937 г. судостроительной конференции обсуждались вопросы улучшения условий британских поставок для осуществления конкурентной борьбы с Германией с целью увеличения экспортных заказов⁵.

Первоначально, для того чтобы освободить часть средств на поддержку экспорта, государство дало указания различным промышленным организациям сократить военные заказы⁶. Могло показаться, что Чемберлен действует в русле своей прежней политики, которую он проводил еще в бытность канцлером казначейства. В 1934–1936 гг. он боролся с дорогостоящими программами вооружения, ратуя за снижение военных расходов [4, р. 38].

Но через некоторое время стало очевидно, что перевооружение могло стать важным фактором внутренней конъюнктуры, который должен был оказать амортизирующее воздействие на последствия экономического

спада⁷. Также невозможно было продолжительное время снижать темпы перевооружения, учитывая тот факт, что Англия отставала в наращивании военной мощи от агрессивных стран⁸. Период лета–осени 1937 г. стал временем борьбы в правительстве вокруг разработки пятилетнего военного бюджета. Согласно октябрьскому проекту бюджета⁹ на будущий 1938 г. на перевооружение должно быть затрачено почти 54,7 млн. ф. ст., что было без малого на 20 млн. ф. ст. больше, чем расходы 1937 г. Тем не менее руководители адмиралтейства и министерства авиации остались недовольны тем, что составители проекта военного бюджета не учли все их рекомендации относительно расширения строительства военно-морских и авиационных сил¹⁰.

⁷ Там же. Л. 72.

⁸ О мощи воздушных сил Германии говорит, например, августовская депеша британских дипломатических представителей в Берлине. См.: The National Archives of Great Britain (далее – TNA) CAB 24/271. German Anti-craft Defences. Note, covering despatch from H.M. Charge d’Affaires in Berlin, by Mr. Eden (Secretary of State for Foreign Affairs). 05.10.1937. pp. 229–230. [Электронный ресурс]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-271.pdf> (дата обращения: 11.09.2017).

⁹ Ibid., 24/272. Defence Expenditure in Future Years. Forecasts submitted by the Defence Departments and the Home Office. -10.1937. p. 18. [Электронный ресурс]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-272.pdf> (дата обращения: 11.09.2017).

¹⁰ Ibid., 24/273, Defence Expenditure in Future Years. Interim Report covering a Memorandum by the First Lord of the Admiralty on a New Standard of Naval strength also a Memorandum by the Secretary of State for Air on the strength of the Royal Air Force and Air Defence, by Sir T. Inskip (Minister for Co-ordination of Defence). 15.12.1937. pp. 267–274. [Электронный ресурс]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-273.pdf> (дата обращения: 11.09.2017).

¹ РГВА. Ф. 1235к. Оп. 4. Д. 12. Л. 109.

² Там же. Лл. 205–206.

³ Там же. Л. 240.

⁴ Там же. Л. 173.

⁵ Там же. Лл. 109–110.

⁶ Там же. Л. 265.

Темпы и размах проводимого Чемберленом перевооружения по-разному оцениваются в историографии¹, однако свидетель событий в Лондоне, «доверенное лицо» бюро экономической информации «Гамбург-Бремен», оценивал возможности английской программы перевооружения крайне скептически. В своем послании в Берлин от 2 сентября 1937 г. он отмечал рискованность перевода английского перевооружения на полную мощность. Сложности, с его точки зрения, могли быть связаны со слабыми шансами обеспечить такое количество сырья и заготовок, которое предполагала английская программа перевооружения. По его словам, «свободная часть английской стальной продукции полностью распродается обычно до конца года, задолженности по поставкам очень большие, и о гарантированном, достаточном обеспечении тяжелой индустрии не может быть и речи. Если еще значительную часть продукции использовать для перевооружения, то затруднения в обеспечении продукцией из стали могут увеличиться»².

Итак, рассмотрев содержание сооб-

¹ Если представители британской ортодоксальной историографии видели в недостаточно быстром и недостаточно обширном перевооружении, проводимом Чемберленом, причину того, почему не удалось избежать агрессии нацистской Германии в Европе и начала Второй мировой войны, то представители ревизионистского направления, напротив, отмечали, что сбалансированная и продуманная программа перевооружения обеспечила Англии одновременно и стабильную экономику, и подготовленную в должном объеме систему обороны, что в конечном итоге дало возможность англичанам выжить в войне. Подробный обзор историографии по вопросу программы перевооружения Чемберлена см.: [7, pp. 161–168], [3, p. 115–149].

² РГВА. Ф. 1235к. Оп. 4. Д. 12. Лл. 206.

щений Бюро, мы можем прийти к трем основным выводам, которые должны характеризовать оценку нацистской политической элитой внутривнутриполитического положения Англии:

– весной 1937 г. к власти в Англии пришло правительство, которое было готово пойти на уступки Германии во внешнеполитической сфере, но существовала также и влиятельная оппозиция, которая могла оттеснить Н. Чемберлена;

– рецессия мировой экономики середины 1937 г. привела к затруднениям в экономической и финансовой сфере Англии, однако такое положение рассматривалось как временное;

– трудности в экономической сфере замедляли темпы перевооружения.

Таким образом, внутривнутриполитические и экономические трудности Англии, которые не были секретом для нацистской политической элиты, могли означать возможное уменьшение активности Лондона во внешнеполитических событиях. Но нацистская Германия не могла надеяться на долгосрочность такого положения, что могло повлиять на ускорение разработки планов и реализации территориальной экспансии. Она форсировала события. Уже осенью 1937 г. на заседании с участием военного и внешнеполитического руководства Германии Гитлер изложил свои ближайшие агрессивные планы, которые были записаны его адъютантом Фридрихом Хоссбахом. В соответствии с «протоколом Хоссбаха» к концу 1937 г. был готов первый вариант плана «Грюн», подразумевавший расчленение и присоединение к Германии территорий Чехословакии. Это план был реализован уже на следующий год.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А.Г. Великобритания и Третий рейх накануне Второй мировой войны. М.: Московский гос. машиностроительный ун-т, 2014. 371 с.
2. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie C. Bd. 6,2. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; Baden-Baden: Impr. nationale, 1981. S. 595–1249.
3. Caputi R.J. Neville Chamberlain and appeasement. Selinsgrove: Susquehanna Univ. Press, 2000. 271 p.
4. McDonough F. Neville Chamberlain, appeasement and the British road to war. Manchester: Manchester Univ. Press, 1998. 196 p.
5. Neilson K. Britain, Soviet Russia and the collapse of the Versailles order, 1919–1939. Cambridge, 2006. 379 p.
6. Parker R.A.C. Chamberlain and appeasement: British policy and the coming of the Second World War. Basingtoke, Hampshire: Macmillan, 1993. 388 p.
7. Stedman A.D. Alternatives to appeasement: Neville Chamberlain and Hitler's Germany. London: Tauris Acad. Studies, 2011. 308 p.
8. Ursachen und Folgen. Vom Deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Bd. X, Berlin: Wendler, 1975. 590 S.

REFERENCES

1. Ivanov A.G. Velikobritaniya i Tretii Reikh nakanune Vtoroi mirovoi voiny [Britain and the Third Reich before the Second World War]. Moscow, Moskovskii gos. mashinostroitel'nyi un-t Publ., 2014. 371 p.
2. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie C. Bd. 6,2. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; Baden-Baden: Impr. nationale, 1981. S. 595-1249.
3. Caputi R.J. Neville Chamberlain and appeasement. Selinsgrove: Susquehanna Univ. Press, 2000. 271 p.
4. McDonough F. Neville Chamberlain, appeasement and the British road to war. Manchester: Manchester Univ. Press, 1998. 196 p.
5. Neilson K. Britain, Soviet Russia and the collapse of the Versailles order, 1919–1939. Cambridge, 2006. 379 p.
6. Parker R.A.C. Chamberlain and appeasement: British policy and the coming of the Second World War. Basingtoke, Hampshire: Macmillan, 1993. 388 p.
7. Stedman A.D. Alternatives to appeasement: Neville Chamberlain and Hitler's Germany. London: Tauris Acad. Studies, 2011. 308 p.
8. Ursachen und Folgen. Vom Deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Bd. X, Berlin: Wendler, 1975. 590 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нурисламов Руслан Рифович – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: ruslan.nurislamov89@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan R. Nurislamov – Postgraduate Student of the Department of Modern, Contemporary History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: ruslan.nurislamov89@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нурисламов Р.Р. Внутривнутриполитическое положение в Англии середины 1937 г. и перспективы нацистской территориальной экспансии (по материалам сообщений бюро экономической информации «Гамбург-Бремен») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 22–29.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-22-29

FOR CITATION

R. Nurislamov. Internal Political Situation in Great Britain in the Middle of 1937 and the Prospects of Nazi Territorial Expansion (On The Reports of Economic Information Bureau “Hamburg-Bremen”). In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 1, pp. 22–29.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-22-29

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-30-36

МЕТОДЫ БОРЬБЫ АНТИВОЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В США В 60-Е ГГ. XX ВЕКА

Орлов Н.С.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрены методы борьбы антивоенного движения в США в 60-е гг. XX в. Охарактеризованы формы и средства протеста против внешней политики правительства США в указанный период различных общественных объединений, тесно связанных или составляющих часть общего антивоенного движения. Показаны основные этапы развития антивоенного движения на протяжении 60-х гг. – от ненасильственных к наиболее радикальным. Автор сосредотачивает внимание на роли СМИ как средства протеста. Сделаны выводы о причинах спада антивоенного движения в конце 60-х - начале 70-х гг. XX в.

Ключевые слова: США, общество потребления, политический радикализм, расовая сегрегация, антивоенное движение, «молодежная революция», формы массового протеста.

THE STRUGGLE METHODS OF THE ANTI-WAR MOVEMENT IN THE USA IN THE 1960S

N. Orlov*Moscow Region State University**105005, Moscow, Radio str., 10A, Russian Federation*

Abstract. This article discusses the struggle methods of the anti-war movement in the USA in the 60-ies of the twentieth century and analyzes the forms and means of protest of various public associations, closely linked to or forming part of the general anti-war movements, against the foreign policy of the US government in the period. The article considers the main stages of development of methods and forms of struggle of the anti-war movement during the 60s – from non-violent to the most radical. The author focuses on the role of media as a means of protest. According to the results of the research, the author makes a conclusion about the causes of the decline of the antiwar movement in the early 70-ies of XX century, despite the effectiveness of some methods of struggle.

Key words: the USA, consumer society, political radicalism, racial segregation, anti-war movement, "youth revolution", forms of mass protest.

«Бурное десятилетие» в США озаглавлено, как известно, в контексте молодежного движения, который так и называли – «молодежная революция». Во-первых, это говорило, что молодежь становилась реальной общественно-политической силой, а во-вторых, показывало, что, порвав с общепринятыми ценностями, молодежное движение 1960-х гг. стало уникальным общественно-культурным феноменом. Основным мотивом, сближающим различные молодежные группировки и объединения и побуждающим их выступить против общественной системы, была война во Вьетнаме. По этой очевидной причине антивоенное движение превратилось в основную форму борьбы с технократическим обществом. И сразу же возник парадокс: молодежное движение и созданная им контрсистема ценностей были собственно порождением самого общества потребления, о неприятии которого они заявляли. Как отмечал Т. Рошак, «диссидентство возникло не из нищеты – но из изобилия...» [9, с. 13]. Советские исследователи вторят Рошаку, указывая на гедонистичность ценностных установок молодежи. Не резонно ли предположить, что война во Вьетнаме вызвала возмущение молодежи, поскольку отрывала её от потребления благ современного общества?

Возможно, имеет смысл согласиться с распространенной среди политического истеблишмента тех лет точкой зрения на молодежное движение как на бунт избалованных юнцов («Это было время вседозволенности, когда гуляла нелепая идея о том, что ... дети знают больше своих родителей, а ученики – больше своих учителей» [8,

с. 108]). Цель антивоенного движения ясна – окончание войны во Вьетнаме, а в перспективе – и «холодной». Спад движения в 70-е гг., после начала политики «разрядки» международной напряженности и вывода американских войск из Южного Вьетнама, наглядно это показывает. Чтобы определить характер антивоенного движения, необходимо осуществить анализ его методов борьбы. В отечественной литературе этот вопрос рассматривается подробно, но, на наш взгляд, недостаточно глубоко. Советские исследователи искали в методах борьбы антивоенного движения зачатки деятельности революционных организаций, что неверно, поскольку деятели этих движений не ставили перед собой конкретных задач осуществления революции.

Антивоенное движение в 1960-е гг. использовало достаточно широкий спектр методов выражения протеста – от стандартных пацифистских до радикально-насильственных. В конце 1950-х и начале 1960-х гг., когда антивоенное движение еще не вышло за рамки движения за гражданские права, активисты, выступающие против войны и милитаризации общества, опирались на традиции пацифизма, американского изоляционизма, а также на концепцию ненасильственных действий, разработанную Мартином Лютером Кингом. Важно напомнить, что молодежное движение 60-х гг. очень много позаимствовало у движения афроамериканцев за гражданские права. Одной из самых распространенных форм ненасильственной борьбы стали «сидячие демонстрации», охватившие страну в 1960–1961 гг. Они были направлены против расовой сегрегации в сфере услуг. Главную силу

«сидячих демонстраций» составили афроамериканское студенчество, демократическая интеллигенция, служащие, рабочая молодежь [5, с. 270].

В 1961 г. появилась новая форма борьбы – так называемые «рейсы свободы». Участники рейсов добивались, чтобы черных обслуживали наравне с белыми в местных ресторанах, автовокзалах, станционных буфетах, на бензозаправочных станциях, в отелях и т. д. Все эти методы борьбы, описанные как зарубежными, так и отечественными исследователями, приводятся нами с целью продемонстрировать преимущество способов борьбы антивоенного движения. Толчком к активности, кроме негритянского вопроса, послужила также Кубинская революция. Дух революционности не мог не захватить американскую молодежь. В 60-х гг. Эрнесто Че Гевара становится героем и примером для подражания в глазах молодежи всего мира. В 1960 г. создаются основные леворадикальные молодежные организации – Студенческий координационный комитет ненасильственных действий (СККНД) и Студенты за демократическое общество (СДО).

На примере СККНД стоит отметить, что основой для образования молодежных организаций в начале 1960-х гг. был прежде всего негритянский вопрос. В СДО тон задавали в основном белые активисты, хотя эта организация действовала на межрасовой основе. Её активными деятелями были студенты, молодые университетские преподаватели и другие представители левой интеллигенции. В 1962 г. в Порт-Гуроне (штат Мичиган) на съезде СДО победило леворадикальное направление, что выразилось в принятии

первого программного документа американского «нового левого» движения – «Порт-Гуронского заявления». В нем осуждалась внешняя и внутренняя политика, проводимая американскими монополиями [1, с. 179].

Знаковым событием стало выступление студентов Калифорнийского университета в Беркли в 1964 г. Основной причиной волнений в Беркли было разочарование большого числа студентов во многих сторонах того общества, в которое они собирались войти [1, с. 183]. Стоит заметить, что данное выступление произошло еще до начала США войны во Вьетнаме. Иными словами, студенчество было уже психологически готово выступить против политики, проводимой правительством как в социальной, так и в идеологической сфере. Ценности капитализма в условиях «холодной войны» (а не вообще, т.к. подобных прецедентов в истории США не было) создавали атмосферу удушья, кризиса духовности, и поэтому стремление молодых американцев способствовать изменению сложившегося положения было вполне понятным.

Война во Вьетнаме стала последней каплей, переполнившей чашу терпения молодежи, поэтому после 1964 г. движение молодежи приобрело ярко выраженный антивоенный характер. Одну из первых антивоенных организаций образовали женщины в 1961 г. – «Женщины, боритесь за мир». Ведущим мотивом первых антивоенных организаций была угроза ядерной войны [5, с. 367]. Поскольку участие США в войне во Вьетнаме затрагивало в первую очередь молодежь, то молодые люди, в основном студенчество и молодые преподаватели, стали глав-

ными носителями антивоенных настроений. Каждый четвертый колледж протестовал против обязательной воинской повинности и присутствия на территории кампусов вербовщиков из вооруженных сил, а каждый пятый проводил демонстрации против государственных и частных корпораций, занимающихся производством вооружений (например, таких, как «Джокенкил», «Локхид»)» [1, с. 185–186]. В этой связи происходит модернизация методов борьбы, и кроме уже привычных методов (марши, демонстрации и т. п.), унаследованных от движения за гражданские права, возникает новая форма – «тич-ин» (teach in), т.е. массовые семинары по антивоенным проблемам [5, с. 359]. «Тич-ин» носил просветительский характер, объяснял несправедливость войны не только с моральной точки зрения, хотя она также присутствовала, но и с политической.

Демократические традиции, внушаемые государством американскому гражданину, не соответствовали пониманию того факта, что США, обладая превосходящей военной мощью, участвует в войне против небольшой молодой республики. Стоит заметить, что основным требованием антивоенного движения был немедленный вывод американских войск из Вьетнама и предоставление народам Юго-Восточной Азии права самим решать свои проблемы с помощью Организации Объединенных Наций [1, с. 192]. На первых этапах антивоенное движение характеризовалось тенденцией к объединению разрозненных демократических обществ, недовольных политикой правительства. В 1967 г. в период «вьетнамского лета» на смену

демонстрациям пришла антивоенная агитация, проводимая около 30 тыс. студентов-добровольцев более чем в 700 городах США [5, с. 370].

Другой формой протеста, распространившейся с 1964 г., был отказ молодежи от постановки на воинский учет и от призыва в армию. Повестки либо сжигались, либо отправлялись обратно [2, с. 598]. Распространенным методом было проникновение на призывные пункты и порча документов. Акции, связанные с отказом от прохождения воинской службы, являлись актом гражданского неповиновения, что стояло на ступень выше проведения разрешенных Конституцией демонстраций и маршей. Расширение борьбы и реакция властей во второй половине 60-х гг. вели к радикализации массового сознания молодежи. Наиболее массовыми выступлениями молодежи стали сидячая забастовка в Чикагском университете (май 1966 г.), кампания против войны во Вьетнаме (лето 1967 г.), волнения в Принстонском и, особенно, в Колумбийском университетах (1968 г.), демонстрация в студенческом кампусе г. Кента против агрессии в Камбодже (май 1970 г.), закончившаяся её расстрелом солдатами национальной гвардии» [7, с. 359].

Вторая половина 60-х гг. (особенно конец 60-х – начало 70-х гг.) отличалась ростом насилия как со стороны властей, так и со стороны представителей движений. В августе 1968 г. в Чикаго во время национального съезда Демократической партии состоялись многочисленные антивоенные демонстрации. В Чикаго были стянуты 6 тыс. национальных гвардейцев и 6 тыс. солдат регулярных воинских частей, а «между тем число демонстран-

тов, даже по официальным данным, не превышало 10 тыс.» [5, с. 375–376]. Все эти приготовления ясно говорили о панике местной администрации, ожидании бунта в городе, страхе перерастания столкновений с демонстрантами в уличные бои. Несмотря на разрешение проведения демонстраций городскими властями, полиция разогнала их участников, используя слезоточивый газ и дубинки.

Жестокость и насилие со стороны властей заставили многих участников изменить свое отношение к методам борьбы [3, с. 251–252]. Вместе с тем лидеры молодежного движения указывали, что насилие со стороны властей привлечет внимание к движению со стороны телевидения [11, с. 205]. Правительство пыталось дискредитировать демонстрантов, заявляя, что они организованы коммунистами [10, с. 119]. Однако Майкл Дорман указывал, что, несмотря на участие коммунистов в антивоенном движении, численность их была небольшой [10, с. 119].

В первой половине 1969 г. было некоторое затишье, вызванное ожиданием – новым президентом стал Ричард Никсон, который обещал закончить войну. Этот факт показывает, что общественность, в том числе молодежь, не окончательно утратила доверие к правительству. Поскольку сдвигов во вьетнамском вопросе не последовало, осень 1969 г. ознаменовалась серией антивоенных протестов. 15 октября 1969 г. произошли грандиозные демонстрации во многих городах (в Бостоне – 100 тыс. человек, в Нью-Йорке – 250 тыс., в Вашингтоне – более 45 тыс. [5, с. 397]). 13–15 ноября 1969 г. последовала новая волна демонстраций. Несмотря на использование стандартных

методов (демонстрации, манифестации), не выходящих за рамки закона, подготовленные акции оказались самыми масштабными и организованными [5, с. 399]. Их действия оказали определенный психологический эффект. В 1970 г. Никсон стал настолько непопулярным в молодежной среде, что, куда бы он ни приезжал, его встречали демонстрации протеста [5, с. 401].

Следующий 1971 г. ознаменовался очередным взрывом антивоенного протеста. Примечательно, что участие в антивоенном движении приняли ветераны вьетнамской войны. Подобная масштабность антивоенного протеста с 1969 по 1971 гг. не могла не оказывать влияние на общественное мнение. «В апреле 1972 г. требование о выводе войск из Вьетнама поддержали уже 73% американцев» [5, с. 407]. Этой реакции американской общественности на участие американских вооруженных сил в конфликте во Вьетнаме посвящена статья Д.В. Кузнецова [6].

Стоит отметить и образ самих активистов антивоенного движения в глазах американцев. В 70-х гг. и в последующем образ антивоенного движения в глазах обывателей связан с движением хиппи. Хиппи, появившиеся в начале 60-х гг. (на основе движения т.н. «битников»), проповедовали неполитические, пассивные формы социального протеста, тактику ненасилия и сочетали в себе идеи западноевропейской культуры и элементы восточных религий. Внешний облик хиппи (длинные волосы, намеренная неаккуратность в одежде, джинсы, элементы восточной атрибутики) создавали в глазах американского обывателя запоминающийся, порой не очень привлекательный образ. Официальные СМИ широко

рекламировали феномен хиппи, который вскоре стал направлением моды. В результате правительству удалось дискредитировать образ антивоенного движения, представив его как бунт молодежи, стремящейся к употреблению наркотиков, беспорядочным сексуальным связям и безделью.

Необходимо отметить роль СМИ среди методов антивоенной борьбы. Советские исследователи, несмотря на то, что верно отобразили причины социального протеста в США в 1960-е гг. и попытались проанализировать сопутствующую политическую сферу [4, с. 260-270], недооценивали значение СМИ в жизни США. Именно поэтому мы особо выделяем роль информационных и психологических технологий как средства борьбы.

1970 г. стал переломным в движении политического протеста молодежи. Достигнув высшей точки в мае-июне 1970 г., во второй половине года движение постепенно пошло на спад. Основной причиной спада являлся организационный и идеологический кризис. В 1969

г. в СДО произошел окончательный раскол, раздробившей её на несколько мелких радикальных организаций. Отсутствие общей идеи, конкретного плана действий, стихийность самого движения, несогласованность и споры по поводу тактики со временем привели движение протеста молодежи в тупик. Во многом сыграли роль пессимизм его активных участников, разочарование в возможности что-то изменить, усталость. Другой причиной стала неудача в достижении подлинного единства с действовавшим параллельно движением чернокожего населения. Еще одна причина связана с тактикой властей, применявших разные способы воздействия – «от прямых репрессий (расстрелы демонстраций, провокации, аресты студентов), экономического давления (лишение субсидий и т.п.) и дискредитации движения в общественном мнении до наиболее изощренных форм, в частности, включения в официальную культуру наименее опасных для существующего строя идей протестующей молодежи» [5, с. 361].

ЛИТЕРАТУРА

1. Возчиков М.С. Общественно-политическое движение в США (60-е – начало 70-х годов XX века). М.: Политиздат, 1974. 343 с.
2. Зинн Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней. М.: Весь Мир, 2006. 880 с.
3. Зинн Г. США после Второй мировой войны. М.: Прогресс, 1977. 288 с.
4. Иванян Э.А. Белый дом: президенты и политика. М.: Политиздат, 1979. 432 с.
5. История США: в 4-х т. Т.4 (1945-1980). М.: Наука, 1987. 374 с.
6. Кузнецов Д.В. Война во Вьетнаме (1964–1973 гг.) и общественное мнение в США // Американский ежегодник–2014. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 116–139.
7. Митрохин Л.Н. Негритянское движение в США: идеология и практика. М.: Мысль, 1974. 198 с.
8. Никсон Р. На арене: воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М.: Новості, 1992. 440 с.
9. Рошак Т. Истоки контркультуры. М.: АСТ, 2014. 380 с.
10. Dorman M. Confrontation: politics and protest. N.Y.: Delacorte Press, 1974. 202 p.
11. Editorial research reports. Vol. 1. Washington, DC: CQ, Inc., 1968. 568 p.

REFERENCES

1. Vozchikov M.S. Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v SShA (60-e – nachalo 70-kh godov XX veka) [Socio-political movement in the United States (60-th – early 70-ies of XX century)]. Moscow, Politizdat Publ., 1974. 343 p.
2. Zinn G. Narodnaya istoriya SShA: s 1492 goda do nashikh dnei [People's history of the United States: from 1492 to the present day]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2006. 880 p.
3. Zinn G. SShA posle vtoroi mirovoi voiny [The USA after the Second World War]. Moscow, Progress Publ., 1977. 288 p.
4. Ivanyan E.A. Belyi dom: prezidenty i politika [The White House: presidents and politics]. Moscow, Politizdat Publ., 1979. 432 p.
5. Istoriya SShA: v 4-kh tomakh. Tom 4 (1945–1980) [History of the United States: in 4 volumes. Vol. 4 (1945–1980)]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 374 p.
6. Kuznetsov D.V. Voyna vo V'etname (1964–1973 gg.) i obshchestvennoe mnenie v SSHA [The Vietnam war (1964–1973) and public opinion in the United States]. In: Amerikanskii ezhegodnik [American Yearbook]. Moscow, IVI RAN Publ., 2014, pp. 116–139
7. Mitrokhin L.N. Negrityanskoe dvizhenie v SShA: ideologiya i praktika [Negro movement in the United States: the ideology and practice]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 198 p.
8. Nikson R. Na arene: vospominaniya o pobedakh, porazheniyakh i vozrozhdenii [In the arena: memories of the victories, defeats and rebirth]. Moscow, Novosti Publ., 1992. 440 p.
9. Roshak T. Istoki kontrkul'tury [The origins of the counterculture]. Moscow, AST Publ., 2014. 380 p.
10. Dorman M. Confrontation: politics and protest. New York, Delacorte Press, 1974. 202 p.
11. Editorial research reports. Vol. 1. Washington, DC: CQ, Inc., 1968. 568 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Орлов Николай Сергеевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии факультета истории, политологии и права Историко-филологического института Московского государственного областного университета;
e-mail: hwangsolen@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay S. Orlov – postgraduate student of the Department of modern and contemporary history and methodology, the faculty of history, political science and law, History and Philology Institute, Moscow Region State University;
e-mail: hwangsolen@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Орлов Н.С. Методы борьбы антивоенного движения в США в 60-е гг. XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 30–36.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-30-36

FOR CITATION

N. Orlov. The Struggle Methods of the Anti-War Movement in the USA in the 1960s. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 1, pp. 30–36.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-30-36

УДК 327.81 (47+51) : 94 (4)

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-37-44

ЕВРОПЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ГОДЫ «РАЗРЯДКИ»; ЕГО ГЛУБИННЫЕ ИНТЕРЕСЫ В РАЗВЕРТЫВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Барабанов М.В.

Независимый исследователь

Аннотация. В статье раскрываются глубинные интересы ведущих стран Запада, объединенных в Европейское сообщество, в разворачивании с социалистическими странами Восточной Европы сотрудничества в экономической сфере в годы «разрядки». Анализ этих интересов основывается, прежде всего, на зарубежных публикациях, вышедших в 1970-е гг. Итоги исследования выражаются, во-первых, в согласии (при критическом подходе) с утверждениями о «взаимовыгодности экономического сотрудничества» в «эпоху разрядки». Во-вторых, сделан вывод, что различные формы экономических отношений Запад превращал в рычаги воздействия на восточноевропейские страны с целью уменьшения их сотрудничества с Советским Союзом, а также в инструмент постепенной трансформации экономик социалистических стран в своих интересах. В-третьих, констатируется недооценка государственным и партийным руководством восточноевропейских стран необходимости модернизации промышленности и масштабных экономических реформ в ходе открывшихся в период «разрядки» условий для решения внутренних экономических и социальных проблем.

Ключевые слова: Разрядка международной напряженности, Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), социалистические страны, торгово-экономическое сотрудничество.

EUROPEAN UNION AND SOCIALIST COUNTRIES OF EASTERN EUROPE IN THE YEARS OF “DÉTENTE”; IT’S DEEP INTERESTS IN THE ECONOMIC COOPERATION DEVELOPMENT

M. Barabanov

Independent researcher

Abstract. The article highlights deep interests of the leading Western countries, united into the EU, in the development of the economic cooperation with the socialist countries of Eastern Europe in the years of “détente”. The analysis of these interests is based, first of all, on foreign publications of the 1970s. The results of the research are expressed (despite the critical approach), firstly, in the agreement with the statements about the “mutual benefit of economic cooperation” in the “era of détente”. Secondly, the conclusion is made that the West turned various forms of economic relations into the levers of influence on the East European countries with the aim of reducing their economic cooperation with the Soviet Union. Besides, it was the

tool for the gradual transformation of the economies of the socialist countries in its economic and political interests. Thirdly; it is stated that government and party leadership of Eastern European countries underestimated the necessity to modernize industry, as well as the scale of the economic reforms during the years of detente, which opened the conditions for solving some of their economic and social problems.

Key words: Détente, European Economic Community (EEC), Council for Mutual Economic Assistance (CMEA), socialist countries, economic cooperation.

В нынешних сложных международных условиях противостояния западных стран с Россией многие политики и аналитики вспоминают о годах «разрядки» в межгосударственных отношениях Запада и Востока. При этом подчеркивается взаимовыгодная активизация в то время торгово-экономических отношений стран Европейского сообщества и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), несмотря на продолжавшееся идеологическое противоборство. Положительная оценка периода разрядки международных отношений в научной и политической литературе общеизвестна. Ведущим странам Запада и странам «социалистического блока» во главе с СССР удалось добиться налаживания широкого сотрудничества в различных сферах и, в целом, выйти на новый уровень политического взаимодействия. Но при этом мало кто из исследователей обращает внимание на глубинные интересы Запада в развертывании в годы «разрядки» сотрудничества, особенно в экономической сфере, с социалистическими странами Восточной Европы.

Среди исследований, вскрывающих, в частности, эгоистические экономические и политические интересы Запада и Европейского сообщества, следует назвать публикации И.Г. Жирякова [1; 2]. Автор выступает против довольно распространенной (особенно в прошедшие 90-е годы) точки зре-

ния многих исследователей о том, что курс западных стран на развитие экономических отношений периода разрядки с соцстранами был чуть ли не «альтруистским» курсом, ставившем своей целью помочь живущим в «нищете» и «духовной кабале» народам в авторитарных странах социализма. Между тем, как утверждает исследователь, повороты в «восточной» стратегии ведущих стран Запада, входящих в Европейское сообщество, были обусловлены сложнейшими для них процессами экономического и геополитического характера [2, с. 125].

Запад, встав на путь активизации экономических связей с социалистическими странами, имел скрытые экономические и политические интересы. Мотивами, побуждающими западные страны к сотрудничеству с социалистическими странами, западногерманский экономист В. фон Лингельсхайм-Зайбике [7, S. 37] считал растущие издержки производства, особенно на персонал (наряду с ограничением импорта иностранной рабочей силы); возможность сохранения в ассортименте товаров, ставших нерентабельными; более низкие цены на сырье и энергию в социалистических странах; возможность избежать дорогостоящих капиталовложений путем создания так называемой «удлиненной рабочей скамьи», т. е. стремление снизить издержки производства или удер-

жать их неизбежный рост в определенных границах и др.

Ведущие страны Запада, объединенные в Европейское экономическое сообщество, полагали, что развитие экономических связей с восточноевропейскими странами социализма, содействие их экономическому развитию способны сделать внутреннюю и внешнюю политику этих стран более приемлемой для Запада [4, р. 113]. Ж.-Ф. Денио, министр внешней торговли при президенте Жискар де Эстэне, сравнивал экономическое сотрудничество с «экономическим оружием». Экономическое оружие, писал он, «может в одинаковой степени служить средством войны и инструментом мира»; все, по мнению Ж.-Ф. Денио, зависело от реальностей международной жизни и той стратегической концепции, которую выбирают правительства.

В первые годы разрядки социалистические страны, не подозревавшие о негативной стороне, с большим воодушевлением и надеждой принялись развивать разнообразные экономические связи со странами Запада. К примеру, доля Запада в польском импорте возросла с 25% в 1970 г. до 50,8% в 1975 г. [5, р. 92], что скажется потом на задолженности Польши западным странам. Торговый оборот между западными странами, входящими в Европейское экономическое сообщество, и странами Совета Экономической Взаимопомощи в начале 1970-х гг. составил около 10 млрд. долл., а темпы развития торговли – около 10% в год [10, р. 79]. Среди стран Европейского сообщества выделялись своей активностью ФРГ и Франция. Эти страны в своей внешнеторговой политике по отношению к Востоку, как утверждал американ-

ский исследователь польского происхождения Самуил Пизар, применяли более агрессивную комбинацию экономических и дипломатических мер, чем другие страны ЕЭС. ФРГ, крупнейший торговый партнер восточных стран, была особенно заинтересована в экономических связях, продолжал рассуждать упомянутый автор; ФРГ питала надежду на то, что торговые связи и промышленная кооперация с социалистическими странами развеют послевоенную неприязнь к стране и будут способствовать воссоединению Германии [9, р. 42–56].

Расширялись гуманитарные контакты между западными и восточными немцами. За десять лет (1970–1980) из ГДР в ФРГ по официальному разрешению переехали на постоянное жительство 32,5 тыс. человек. К этому можно добавить 12 тыс. «политических узников», освобожденных по просьбе правительства ФРГ [5, р. 87]. По некоторым данным, приводимым западными политическими наблюдателями, число лиц, желающих покинуть ГДР, оценивалась тогда более чем в 100 тыс. человек [5, р. 87]. ФРГ сумела отстоять в ЕЭС свое исключительное право развивать торгово-экономические отношения с ГДР, минуя контроль Сообщества. Задолженность ГДР у ФРГ на конец 1980 г. составила 3,9 млрд. марок [5, р. 91].

Вплоть до 1975 г. торговля между двумя объединениями – СЭВ и Европейским сообществом, имела двусторонний характер. Это были, как правило, сделки с частными западными компаниями. Постепенно складывалась и система двусторонних коммерческих соглашений между странами. Срок их действия определялся пятью

годами, а общее соглашение дополнялось ежегодными протоколами, уточнявшими номенклатуру продукции. С 1 января 1973 г. Европейская комиссия получила исключительное право заключать торговые соглашения с третьими странами. Страны ЕЭС теперь уже не могли заниматься этим самостоятельно. Отныне соглашения с Восточным блоком должны были разрабатываться в рамках интегрированной многосторонней торговой политики.

После Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству 1975 г. осталась работать, к сожалению, прежняя система экономического взаимодействия Европейского сообщества и СЭВ на двусторонней основе стран-участниц объединений. При этом в соответствии с Хельсинкским итоговым документом у Запада появились новые возможности для давления на восточноевропейские социалистические страны. Петер Кортерье, государственный министр ФРГ, писал, что Западу необходимо использовать Заключительный акт, принятый в Хельсинки, для «поддержки реформаторских сил в восточноевропейских странах, расширяя, тем самым, возможности для их действий» [3, р. 27].

В так называемой «второй корзине» содержался привлекательный набор декларационных желаний по развитию экономического сотрудничества между Западом и Востоком. На деле же у Запада появились новые возможности ограничивать это сотрудничество: в виде запретительных пошлин, квот, стандартов и экономических санкций, ссылаясь на «третью корзину», где говорилось о неукоснительном выполнении социалистическими странами прав человека. Так или иначе, после

Хельсинки торгово-экономические отношения европейских капиталистических и социалистических стран заметно расширились. При этом Запад неустанно повторял о своей «уступке» в экономическом сотрудничестве со странами СЭВ, «забывая» говорить о своих немалых дивидендах, получаемых от этого сотрудничества.

Расширявшийся экспорт на Восток был важным фактором технического прогресса, наращивания мощностей и увеличения занятости в западных странах вообще и в странах Европейского сообщества в частности. Для некоторых важных отраслей и крупных промышленных объединений Франции, ФРГ, Италии экспорт в страны СЭВ был в 1970-е гг. существенным стимулом развития и поисков новых технических решений [2, с. 126]. Экспорт на Восток имел также существенное значение в смягчении острой на Западе проблемы занятости.

Общеизвестно, в какой степени западные страны были заинтересованы в расширении поставок сырья и топлива из социалистических стран. Нефть и нефтепродукты, газ, химическое сырье, цветные и черные металлы, хром и марганец, лес и пиломатериалы, алмазы, асбест и другие виды сырья из соцстран занимали существенное место в торговле стран Запада [10, р. 78–85]. При этом Запад не раскрывал свои эгоистические интересы в торгово-экономических связях с восточноевропейскими социалистическими странами. Страны ЕЭС, идя на расширение этих связей, мечтали «освободить» своих восточных партнеров от экономической и политической зависимости от СЭВ, ожидали уменьшения «экономической зависимости стран Восточ-

ной Европы от СССР» и расширения возможностей для «осуществления своих политических целей» [1, с. 65]. Анализируя торгово-экономические связи ЕЭС и восточноевропейских социалистических стран, все западные наблюдатели были едины во мнении, что эти связи явились несомненно для Запада «позитивным элементом». Но в каком смысле? Именно этот элемент, как писал Ж.-Ф. Денио, постепенно трансформировал социалистическую Венгрию; этому элементу в значительной степени обязана «достигнутой свободой Польша» [4, р. 115].

Во второй половине 1970-х гг. торгово-экономические отношения ЕЭС и восточноевропейских стран, входящих в СЭВ, продолжали в целом демонстрировать хорошие показатели. В торговых обменах Востока с Западом на последний приходилось 75% экспорта и 90% импорта Востока. Ведущее место в торговле с Востоком принадлежало ФРГ (22,4% в импорте социалистических стран и 19,7% в экспорте, по данным на 1980 г.) [4, р. 107]. Западная Германия была первым торговым партнером восточноевропейских социалистических стран среди развитых капиталистических государств. Объем торговли ФРГ с Польшей, в частности, увеличился в 1970–1980 гг. в четыре раза (с 5,1 млн. марок в 1980 г.) [5, р. 92]. Но в общем торговом обороте ФРГ доля социалистических государств составляла 5,3% (по данным 1980 г.), не считая межгерманской торговли [5, р. 92–93].

В 1975–1980 гг. меняется соотношение экспорта и импорта стран членов СЭВ со странами ЕЭС. Руководству соцстран необходимо было принять меры по сокращению разрыва между

импортом и экспортом. Заметим, что западные страны стремились, со слов немецкого аналитика Герхарда Веттига, ни в коем случае не допустить «чрезмерной зависимости от какого-либо вида жизненно важного товара, импортируемого из восточноевропейских стран» [12, S. 13]. Австрийский исследователь Х. Нойхолд рекомендовал «ответственным людям» на Западе стремиться избегать опасного уровня односторонней экономической зависимости, которая в руках врага может превратиться в политическое оружие [8, р. 159].

К сожалению, необходимого расширения экспорта стран СЭВ не произошло – сальдо баланса торговли с Западом для СЭВ осталось отрицательным: в 1976–1980 гг. оно составляло 27,5 млрд. долл. [1, с. 63–64]. Одна из причин такого положения – тарифные и нетарифные ограничения ЕЭС к товарам, ввозимым странами СЭВ. По ходу развития торгово-экономических отношений у соцстран возникла проблема финансирования своего импорта за счет экспорта сырья и промышленной продукции. Все больше и больше они начинают прибегать к займам для покрытия разницы (торгового сальдо), преимущественно в форме кредитов. Сотрудник Федерального института по исследованию восточноевропейских и международных проблем ФРГ Герхард Веттиг писал, что «СССР и его союзники», отставая «в области технологии и управления», очень нуждались в кредитах и импорте технологии [12, S. 12].

С течением времени восточноевропейские соцстраны увеличивают займы и на рынках евродоллара; стоимость таких кредитов была более вы-

сокой. Всё это привело к накоплению социалистическими государствами значительных долгов перед странами Запада. Динамика роста долгов была такова: к концу 1973 г. сумма предоставленных кредитов составляла более 10 млрд. долл. против 45 млн. долл. в 1963 г. На конец 1974 г. прирост составил 3 млрд. долл. В 1979 г. сумма долга исчислялась уже в 74,8 млрд. долл. Более половины всех кредитов приходилось на долю СССР, а на втором месте шла Польша [6, р. 26]. В 1981 г. задолженность Польши достигла 24 млрд. долл. [5, р. 92].

Большое место в экономических отношениях между Западом и Востоком занимала продажа социалистическим странам современной по тем временам промышленной технологии, включающей в себя, в частности, лицензии, фабричную марку, технологический процесс и т.п. [11, р. 13–20] (до 50% всех закупок соцстран на Западе). Лицензии, кстати, можно было перепродавать. Чехословакия, к примеру, выручала от перепродажи лицензий четвертую часть от платежей за покупку лицензий во Франции и ФРГ [11, р. 13].

Продажа западными фирмами технологий была для них делом в высшей степени «осторожным» и «опасным». Как писал В. фон Лингельсхайм-Зайбике, передачей технологии фирма создавала себе конкурентов, что являлось «одним из опасных последствий сотрудничества» [7, S. 38]. Социалистические страны покупали у Запада технологию производства оборудования для энергетики, буровых работ, труб большого диаметра, контрольно-измерительной аппаратуры и т. д. Эта технология оказывала, с одной стороны, безусловно, серьезную по-

мощь социалистическим странам в их экономическом развитии. С другой стороны, многие отрасли экономики соцстран становились «зависимыми» от технологии западных компаний. Можно привести следующие факты: в Венгрии в середине 70-х гг. 25% производства химической промышленности обеспечивалось за счет западной технологии; доля производства легковых автомобилей на основе западной технологии составляла в Польше – 82%, в Румынии – около 100% [4, р. 110].

Х. Нойхолд, рассуждая в конце 1970-х гг. о результатах экономического сотрудничества западных и социалистических стран, констатировал негативные для «восточного блока» последствия. Это – «большие долги, накопившиеся у соцстран, хроническая нехватка у них иностранной валюты, неспособность их товаров конкурировать по качеству с западными, а также – крайне неблагоприятные пошлины и количественные ограничения на импорт из соцстран в странах Запада» [8, р. 153–156].

Подводя итог, нужно, во-первых, усомниться в объективности утверждений советских и иных авторов о «взаимовыгодном экономическом сотрудничестве» в «эпоху разрядки». Во-вторых, нельзя не согласиться с размышлениями некоторых отечественных исследователей о том, что Запад умело превращал различные формы экономических отношений в инструменты уменьшения «экономической зависимости стран Восточной Европы от СССР», в постепенную трансформацию экономик социалистических стран в своих интересах [1, с. 65]. В-третьих, следует особо отметить, что государственное и партийное

руководство восточноевропейских стран в открывшихся условиях «разрядки» напрочь игнорировало необходимость модернизации промышленности и масштабных экономических реформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жиряков И.Г. Европейское сообщество и Совет экономической взаимопомощи в 70-е годы XX века в контексте отношений Запад – Восток // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 59–68.
2. Жиряков И.Г., Макаренков М.В. Австрия и европейская экономическая интеграция в контексте отношений Запад-Восток. М.: МГОУ, 2016. 220 с.
3. Corterier F. L'Europe et Ses relations Est-Ouest: roblèmes actuels et perspectives // *Politique étrangère*. 1982. а.47. Pp. 21–33.
4. Deniau J.-F. L arme économique dans les relations Est-Ouest // *Politique intern.* 1982. no 15. Pp. 101–117.
5. Fritsch-Bournazel R. La RFA et l'Europe de l'Est: Voie royale ou impasse? // *Politique Intern.* 1982. no 15. Pp. 81–100.
6. Les perspectives du commerce entre la GEE et les pays de l'Est // *Problemes econ.* 1975. 12 mars. no 1413. Pp. 25–27.
7. Lingelsheim-Seibike B. von. Kooperation mitt Unternehmen in Staatshaadelsländern Ost-europas. Einführung in die Praxis. Köln: Deutsch.Wirtschaftsdienst (Freyeud), 1974. 200 S.
8. Neuhold H. Military, economic and ideological ambiguities of détente: Theory and reality // *Studia diplomatica.* 1979. no 2. Pp. 153–165.
9. Pisar S. The enlarged Community and the socialist countries of Europe // *La politique économique extérieure de la Gommunaute européenne elargie.* Bruges, 1973. Pp. 42–56.
10. Rooggi E. I raapporti Est-Ovest // *Politika ed ekonomia.* 1974. no 6. Pp. 78–85.

REFERENCES

1. Zhiryakov I.G. [The European community and the Council for mutual economic assistance in the 70-ies of XX century in the context of relations of West – East] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2016, no.4, pp. 59–68.
2. Zhiryakov I.G., Makarenkov M.V. Avstriya i evropeiskaya ekonomicheskaya integratsiya v kontekste otnoshenii Zapad-Vostok [Austria and European economic integration in the context of relations of West-East] *Austria and European economic integration in the context of relations of West-East.* Moscow, MGOU Publ., 2016. 220 p.
3. Corterier F. L'Europe et Ses relations Est-Ouest: roblèmes actuels et perspectives. In: *Politique étrangère*, 1982. а.47, pp. 21–33.
4. Deniau J.-F. L arme économique dans les relations Est-Ouest. In: *Politique intern.*, 1982, no. 15, pp. 101–117.
5. Fritsch-Bournazel R. La RFA et l'Europe de l'Est: Voie royale ou impasse? In: *Politique intern.*, 1982, no. 15, pp. 81–100.
6. Les perspectives du commerce entre la GEE et les pays de l'Est. In: *Problemes econ.*, 1975, 12 mars, no. 1413, pp. 25–27.
7. Lingelsheim-Seibike B. von. Kooperation mitt Unternehmen in Staatshaadelsländern Ost-europas. Einführung in die Praxis. Köln: Deutsch.Wirtschaftsdienst (Freyeud), 1974. 200 S.
8. Neuhold H. Military, economic and ideological ambiguities of détente: Theory and reality. In: *Studia diplomatica*, 1979, no 2, pp.153–165.

9. Pissar S. The enlarged Community and the socialist countries of Europe. In: *La politique économique extérieure de la Communauté européenne élargie*. Bruges, 1973, pp. 42–56.
 10. Rooggi E. I rapporti Est-Ovest. In: *Politika ed ekonomia*, 1974, no. 6, pp. 78–85.
 11. Schmidt L. Les accords de licences avec 'les pays de l'Est: contexte socio-économique et régime juridique. In: *Problemes econ.*, 1974, no. 1400, pp. 13–20.
 12. Wettig G. Entspannungsinteressen in Ost und West. Köln, 1981, № 11. 61 S.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Барabanов Максим Валерьевич – кандидат политических наук, магистр истории; независимый исследователь;
e-mail: maxim112007@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim V. Barabanov – PhD (political sciences), independent researcher;
e-mail: maxim112007@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Барabanов М.В. Европейское сообщество и социалистические страны Восточной Европы в годы «разрядки»; его глубинные интересы в развертывании экономического сотрудничества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 37–44.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-37-44

FOR CITATION

M. Barabanov. European Union and Socialist Countries of Eastern Europe in the Years of “Dé-tente”; It's Deep Interests in the Economic Cooperation Development. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 1, pp. 37–44.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-37-44

УДК 327.7

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-45-53

ЦИФРОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ НАТО

Курылев К.П., Цаканян В.Т.

Российский Университет Дружбы Народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая 10/2, Российская Федерация

Аннотация. В статье основное: освещена новейшая история кибербезопасности НАТО с учетом растущей роли киберпространства в стратегии, политике и трансформации вооруженных сил Альянса, а также других структур. В целом влияние киберпространства на системы военной обороны хорошо документировано во многих источниках, особенно на примере НАТО, что способствовало более полному изучению проблематики. НАТО была создана как организация, целью которой было обеспечение коллективной безопасности, кризисное управление и сотрудничество по безопасности в разных областях для государств-членов. Новые глобальные проблемы дали начало новым основным функциям безопасности организации. В ходе исследования были выявлены изменения, которые были спровоцированы влиянием цифрового пространства.

Ключевые слова: НАТО, коллективная безопасность, кибербезопасность, киберугрозы, «цифровое пространство».

DIGITAL DEPENDENCE OF NATO

K. Kurylev, V. Tsakanyan

Peoples' Friendship University of Russia

Miklikho-Maklaya str. 10/2, 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article focuses on the recent history of NATO's cyber defense and the increasing role of cyberspace on NATO's strategy, policy, and transformation of military forces, as well as the other elements of power. In general, the impact of cyberspace on the military defense systems is well documented in many sources, especially in the example of NATO. Due to this fact this problem was studied more profoundly. NATO was founded as an organization, the purpose of which was to ensure the collective defense, crisis management, and cooperative security in various spheres for its member nations. New global challenges gave a new birth to the core security functions of the organization. The study has resulted in showing the changes which cyberspace provoked.

Key words: NATO, collective defense, cyber defense, cyber threats, cyberspace.

Исторические процессы трансформировали европейское сообщество совместно с Канадой и Соединенными Штатами Америки в североатлантическое. Вся североатлантическая цивилизация столкнулась со своими представлениями об общих угрозах, что проявилась в необходимости ее защиты. Для противосто-

яния вызовам был создан союз стран НАТО. Организация Североатлантического Договора была основана в 1949 г. как оборонный альянс.

Процесс внутренней гармонизации командных структур, коммуникаций и военной промышленности привел к созданию самой мощной и успешной системы обороны в наши дни. Способность НАТО работать под одной командой подчеркивает не только ее военную силу, но и согласованные действия, которые устраняют многие недостатки в системе обороны. Будучи организацией коллективной обороны, НАТО должна противостоять любым угрозам, включая новые глобальные вызовы, как киберугрозы.

Впервые НАТО пострадало от значительных кибератак в 1999 г., во время операции ALLIED FORCE против Сербии, со стороны «патриотических хакеров» [7, с. 2]. Поскольку эти нападения были относительно незначительными, они были в основном проблемой для «мандата по борьбе с киберпреступностью» NCS, а не для «коллективной защиты», как бы ни интерпретировались в то время. Даже превышающие по масштабам кибератаки против Эстонии в 2007 г. не вызвали ответ по статье 5 Договора.

НАТО ясно указала в «Политике по Киберобороне» [6], что коллективная оборона действительно применяется в киберпространстве и даже обсуждала процесс, который Альянс будет использовать, чтобы сослаться на коллективную оборону, – сохраняя двусмысленность в отношении конкретных пороговых значений. Этот процесс эскалации начинается с тактического (технического) уровня. Если инцидент имеет политические последствия для

коллективной обороны, он будет рассматриваться через соответствующие технические и политические инстанции в Североатлантическом совете [7, с. 5]. Процесс консультаций по статье 4 в случае серьезной кибер-атаки также был рассмотрен [6]. Для создания единой и мощной структуры защиты членов организации по двум направлениям – «умная защита» и усиление «объединения и совместного использования», НАТО предусмотрела возможность развертывания групп быстрого реагирования NCIRC (RRT) [11].

Еще один шаг – создание Агентства связи и информации НАТО (NCI) [12], в результате слияния NATO Consultation, Command and Control Agency (NCCIA), NATO ACCS Management Agency (NACMA) Программы ALTMB и Штаб-квартиры НАТО. Агентство NCI было создано для поддержки НАТО в ИТ сфере и C4ISR (Command, Control, Communications, Computers, Intelligence, Surveillance and Reconnaissance). В ходе обсуждений в течение нескольких лет был создан проект под названием «Красная киберкоманда», предназначенный для проведения тестирования кибератак на системы НАТО, но также он может быть теоретически использован для поддержки членов Альянса и стран-партнеров. Учитывая появление общих угроз, соответственно и выявлялись новые подходы по их устранению, в итоге, просматривается эволюция системы безопасности НАТО.

Лидером в продвижении идеи по наращиванию кибернетических возможностей Альянса являлись Соединенные Штаты Америки. Белый дом заявил, что будет действовать по принципу 'Causus foederis' («Договор-

ный случай») также и в виртуальном пространстве, утверждая, что: «Все государства обладают неотъемлемым правом на самооборону, и мы признаем, что некоторые враждебные действия, проводимые через киберпространство, могут натолкнуть нас на действия в рамках обязательств, которые мы имеем с нашими партнерами по военным договорам» [8, с. 14].

Исполняющий обязанности помощника министра обороны по вопросам обороны и глобальной безопасности Томас Аткин заявил в Комитете Палаты представителей США по вооружённым силам: «Мы все еще работаем над определением» того, в каком смысле «кибератака – акт войны». Белый дом и Пентагон дали понять, что в 2011 г. такие действия, как закрытие энергосистемы США посредством кибератаки, не всегда могут быть решены киберответами, а, возможно, «пусками ракет на один из ваших дымоходов»,

(добавил официальный представитель Министерства обороны США [9]). Тем не менее не все государства-члены разделяют ту же точку зрения, учитывая специфику информационного пространства.

Внешнеполитическая координация по кибербезопасности является одной из важнейших факторов по разработке формулировок киберугроз (табл.), что в дальнейшем ускорит выявление угроз и их своевременное устранение. Кибербезопасность как важный вопрос была отмечена в 2002 г. на саммите НАТО в Североатлантическом совете в Праге. Киберзащита как часть системы обороны становится достойной коллективных дискуссий Альянса [15]. Было решено создать техническую программу по кибербезопасности НАТО, которая будет основана на базе центра Способностей реагирования на компьютерные инциденты НАТО (NCIRC) [3].

Таблица

Содержание стратегического уровня встреч на высшем уровне НАТО, где кибербезопасность упоминается как важная область обороны

Встречи на высшем уровне Североатлантического совета НАТО	Вопросы, связанные с кибербезопасностью в декларациях на высшем уровне
Рига, Латвия 29 ноября 2006 г.	Утверждена работа по созданию сети НАТО Включена возможность обмена информацией в операциях Альянса и улучшения защиты от кибератак [16]
Бухарест, Венгрия 3 апреля 2008 г.	Принят проект по Политике по Киберзащите и развитию вспомогательных структур и органов власти для ее реализации [4]
Страсбург-Кель, Франция / Германия 2-3 апреля 2009 г.	Создан центр управления кибервойной НАТО (CDMA). Улучшение существующей способности реагирования на инцидент с компьютерами. НАТО активизировала совместную киберзащиту Центр передового опыта (CCD COE) в Эстонии [17]

Продолжение табл. на с. 48

<p>Лиссабон, Португалия 20 ноября 2010 г.</p>	<p>К июню 2011 г. Совет призвал обновить политику углубленной киберзащиты НАТО, а также принял поддерживающий план действий</p> <p>Ускоренная цель – способность реагирования на компьютерные инциденты НАТО (NCIRC) до полной функциональной возможности (ФОС) к 2012 г.</p> <p>Совет призвал все органы НАТО</p> <ul style="list-style-type: none"> • находиться под централизованной киберзащитой • использовать процессы планирования обороны НАТО для развития возможностей киберзащиты союзников и улучшения интероперабельности • тесно сотрудничать с другими субъектами, такими как Организация Объединенных Наций (ООН) и Европейский союз (ЕС) [10]
<p>Чикаго, Иллинойс, США 20 мая 2012 г.</p>	<p>Подтверждено принятие новой Концепции, Политики и Плана действий по Кибернетике</p> <p>В Совете НАТО вновь подтвердили усилия по совершенствованию потенциала НАТО и планированию борьбы с кибератаками, продолжая осуществлять централизованную киберзащиту органов НАТО; интегрировать киберзащиту в структуры Североатлантического союза и укреплять сотрудничество и взаимодействие Альянса [4]</p>
<p>Ньюпорт, Уэльс, Великобритания 5 сентября 2014 г.</p>	<p>Совет одобрил расширенную политику кибервойны</p> <p>Совет вновь подтвердил предпринимаемые усилия по совершенствованию потенциала НАТО и планированию борьбы с кибератаками посредством новых инициатив с промышленностью; с обучением и упражнениями в области кибервойны; и с возможностями киберпространства [18]</p>
<p>Варшава, Польша 8-9 июля 2016 г.</p>	<p>Альянс сталкивается с рядом проблем и угроз безопасности, которые возникают как с востока, так и с юга; от государственных и негосударственных субъектов; от военных сил и от террористических организаций, кибер-или гибридных нападений</p> <p>Кибератаки квалифицируются как явный вызов безопасности Альянса и могут быть столь же вредными для современных обществ, как и обычная атака</p> <p>Было заявлено: «Мы будем и далее укреплять наши партнерские отношения с другими международными организациями и странами-партнерами, а также с промышленностью и научными кругами через отраслевое киберпартнерство НАТО»</p> <p>Кибербезопасность и информационная безопасность были упомянуты в качестве основных направлений сотрудничества со странами-партнерами (например, Иордания) [19]</p>

Рассматривая документы, можно отметить, как на современном этапе стали меняться основные угрозы для НАТО. Прослеживается процесс перестроения разного вида угроз. Нетрадиционные виды угроз, связан-

ные с киберпространством, во многом видоизменялись и эволюционировали, соответственно менялись и подходы по устранению угроз, что и рассматривается в вышеуказанных документах. После Уэльского саммита в 2014 г.,

согласно политике НАТО по усиленной политике кибербезопасности, кибероборона была напрямую связана с традиционным назначением НАТО на коллективную оборону. И другое важное решение заключалось в том, что международное право применяется к киберпространству [13].

В целом формирование и развитие киберспособностей НАТО происходило по традиционному пути – от формального подписания соответствующих соглашений к созданию на их базе организационных структур. В НАТО также есть несколько основных вспомогательных миссий, которые включают общую ситуационную осведомленность в киберпространстве, защиту критической инфраструктуры (CIP), защиту критической информационной инфраструктуры (CIIP), борьбу с терроризмом, поддержку развития киберпотенциала стран-членов и реагирование на кризисы, связанные с киберпространством.

Структура командования НАТО формируется двумя стратегическими командованиями НАТО: Операционное командование союзников и АСТ-Трансформация командования союзников. Ключевое слово названия этого командования – «трансформация», это означает, что целью организации является развитие способности противостояния современным угрозам посредством трансформации. АСТ организован вокруг четырех основных функций: стратегическое мышление; развитие возможностей; образование, обучение и практические учения; сотрудничество и взаимодействие. Эти две командные группы работают вместе, определяя основные векторы работы Альянса.

В то время как АСО (Командные операции союзников) фокусируется на текущих операциях, АСТ концентрируется на инициативах по трансформации военной структуры, сил, возможностей и доктрины НАТО. Из штаб-квартиры в Норфолке, штат Вирджиния, АСТ руководит тремя основными подразделениями: Объединенным центром боевых действий в Штравангере, Норвегия; Центром подготовки совместных сил в Быдгоще, Польша; и Объединенным центром анализа и освоения опыта в Монсанто, Португалия. Другие образовательные и учебные центры НАТО и центры передового опыта (СОЕ) координируют свою деятельность с АСТ [1].

Единственным аккредитованным НАТО Центром передового опыта, посвященным деятельности в киберпространстве, является Центр повышения квалификации кибербезопасности (CCD СОЕ), расположенный в Таллинне, Эстония. CCD СОЕ был создан в октябре 2008 г. с помощью меморандума о взаимопонимании между семью странами НАТО (Эстония, Германия, Италия, Литва, Латвия, Словацкая Республика и Испания) с видением «расширить возможности совместной киберзащиты НАТО и стран НАТО», тем самым улучшая взаимодействие Альянса в области совместной киберзащиты» [5]. Диверсификация деятельности структур киберзащиты, их интеграция в структуры, обеспечивающие противодействие традиционным угрозам, и наличие единого командно-координационного центра намного усилило кибероборону Альянса.

Еще одним доказательством цифровой зависимости военных сил было исследование Лаборатории Касперско-

го по глобальным кибератакам под названием «Нетравеллер», где военная сфера упоминались как одна из наиболее целевых областей [14]. Проводимый анализ развития стратегий кибербезопасности, полученных из анализа документов, предполагает, что стратегии кибербезопасности реагируют на события, и, следовательно, в течение последних пяти лет акцент изменился на наращивание кибервозможностей в военной сфере.

Из обсуждения возможностей киберпространства НАТО вытекают нижеследующие выводы. Институциональное участие НАТО в киберпространстве аналогично другим формам эволюции, которые Североатлантический союз претерпел с момента его образования. После Лиссабонского саммита 2010 г. изменения кибераспектов доктрины НАТО были медленным и не полностью подтвержденным процессом. Отношения между киберпространством и информационными операциями в доктрине оставались неясны. Роль киберпространства в сдерживающих операциях НАТО пока не определена ни на одном открытом форуме. Киберпространство представляет собой сеть со сложными и взаимосвязанными проблемами, такими, как защита критической инфраструктуры

на уровне НАТО и на национальном уровне. У НАТО есть хорошо развитая промышленность, страны-партнеры и организации, такие, как ЕС, во многих аспектах связанные с ней по кибердеятельности. НАТО взяла на себя ведущую роль в глобальном масштабе в установлении стандартов для юридической оценки деятельности в киберпространстве.

Проблемы глобального характера, с которыми сталкивается НАТО, подтолкнули Североатлантический союз к пересмотру политики обороны и преобразованию военных структур. Эти изменения привели к обеспечению лидирующих позиций НАТО в области кибербезопасности, а также в воздушной, наземной, морской и космической областях. Динамика дальнейшего развития кибервозможностей НАТО носит разновекторный характер и тенденцию развития многопрофильности киберобороны Альянса. Вместе с тем неизбежно будет расти и зависимость НАТО от информационных технологий, делая систему обороны более уязвимой. Предусмотреть, изучить и предотвратить различные виды кибер атак намного сложнее, чем традиционные типы угроз. В связи с укреплением НАТО в области кибербезопасности зависимость Альянса от киберпространства возросла.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Allied Command Transformation // NATO [official website]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52092.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 10.02.2018).
2. Bucharest Summit Declaration: Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Bucharest on 3 April 2008 // NATO [official website]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_8443.htm (дата обращения: 10.02.2018).
3. Caton J.L. NATO cyberspace capability: a strategic and operational evolution // Internet Archive [website]. – URL: [https://archive.org/stream/NATOCyberspaceCapability/NATO/Cyberspace Capability - A Strategic and Operational Evolution_djvu.txt](https://archive.org/stream/NATOCyberspaceCapability/NATO/Cyberspace%20Capability%20-%20A%20Strategic%20and%20Operational%20Evolution_djvu.txt) (дата обращения: 10.02.2018).

4. Chicago Summit Declaration: Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Chicago on 20 May 2012 // NATO [official website]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_87593.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 10.02.2018).
5. Centre is the first International Military Organization hosted by Estonia: October 28, 2008 // NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence [official website]. – URL: <https://ccdcoe.org/centre-first-international-military-organization-hosted-estonia.html> (дата обращения: 10.02.2018).
6. Defending the networks // NATO [official website]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_78170.htm (дата обращения: 10.02.2018).
7. Healey J., van Bochoven L. NATO's Cyber Capabilities: Yesterday, Today, and Tomorrow (27.02.2012) // Atlantic Council [website]. – URL: <http://www.atlanticcouncil.org/publications/issue-briefs/natos-cyber-capabilities-yesterday-today-and-tomorrow>
8. International Strategy for Cyberspace: Prosperity, Security, and Openness in a Networked World: May 17, 2011 // Public Intelligence [website]. – URL: <https://publicintelligence.net/white-house-international-strategy-for-cyberspace/> (дата обращения: 10.02.2018).
9. Jordan B. US Still Has No Definition for Cyber Act of War // Military.com [website]. – URL: <https://www.military.com/daily-news/2016/06/22/us-still-has-no-definition-for-cyber-act-of-war.html> (дата обращения: 10.02.2018)
10. Lisbon Summit Declaration: Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Lisbon, November 20, 2010 // NATO [official website]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68828.htm (дата обращения: 10.02.2018).
11. NATO Rapid Reaction Team to fight cyber attack, 13 March 2012 // NATO [official website]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_85161.htm (дата обращения: 10.02.2018).
12. NATO Communications and Information Agency [official website]. – URL: <http://www.ncia.nato.int/Pages/default.aspx>. (дата обращения: 10.02.2018).
13. NATO Summit Updates Cyber Defence Policy, October 24, 2014 // NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence [official website]. – URL: <https://ccdcoe.org/nato-summit-updates-cyber-defence-policy.html> (дата обращения: 10.02.2018).
14. NetTraveler: a new cyber-spy campaign is revealed // Kaspersky Laboratory [website]. – URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/nettraveler/14792/> (дата обращения: 10.02.2018).
15. Prague Summit Declaration: Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Prague on 21 November 2002 // NATO [official website]. – URL: <https://www.nato.int/docu/pr/2002/p02-127e.htm> (дата обращения: 10.02.2018).
16. Riga Summit Declaration: Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Riga on 29 November 2006 // NATO [official website]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_37920.htm (дата обращения: 10.02.2018).
17. Strasbourg/Kehl Summit Declaration: Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Strasbourg, April 4, 2009 // NATO [official website]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_52837.htm (дата обращения: 10.02.2018).
18. Wales Summit Declaration: Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales, September 5, 2014 // NATO [official website]. – URL: https://www.nato.int/cps/ic/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 10.02.2018).

19. Warsaw Summit Communiqué Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8-9 July 2016 // NATO [official website]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 10.02.2018).

SOURCES AND REFERENCES

1. Allied Command Transformation. NATO [official website]. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52092.htm?selectedLocale=en (accessed: 10.02.2018).
2. Bucharest Summit Declaration: Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Bucharest on 3 April 2008. NATO [official website]. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_8443.htm (accessed: 10.02.2018).
3. Caton J.L. NATO cyberspace capability: a strategic and operational evolution. Internet Archive [website]. Available at: [https://archive.org/stream/NATOCyberspaceCapability/NATO/Cyberspace Capability – A Strategic and Operational Evolution_djvu.txt](https://archive.org/stream/NATOCyberspaceCapability/NATO/Cyberspace%20Capability%20-%20A%20Strategic%20and%20Operational%20Evolution_djvu.txt) (accessed: 10.02.2018).
4. Chicago Summit Declaration: Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Chicago on 20 May 2012. NATO [official website]. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_87593.htm?selectedLocale=en (accessed: 10.02.2018).
5. Centre is the first International Military Organization hosted by Estonia: October 28, 2008. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence [official website]. Available at: <https://ccdcoe.org/centre-first-international-military-organization-hosted-estonia.html> (accessed: 10.02.2018).
6. Defending the networks. NATO [official website]. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_78170.htm (accessed: 10.02.2018).
7. Healey J., van Bochoven L. NATO's Cyber Capabilities: Yesterday, Today, and Tomorrow (27.02.2012). Atlantic Council [website]. Available at: <http://www.atlanticcouncil.org/publications/issue-briefs/natos-cyber-capabilities-yesterday-today-and-tomorrow>
8. International Strategy for Cyberspace: Prosperity, Security, and Openness in a Networked World: May 17, 2011. Public Intelligence [website]. Available at: <https://publicintelligence.net/white-house-international-strategy-for-cyberspace> (accessed: 10.02.2018).
9. Jordan B. US Still Has No Definition for Cyber Act of War. Military.com [website]. Available at: <https://www.military.com/daily-news/2016/06/22/us-still-has-no-definition-for-cyber-act-of-war.html> (accessed: 10.02.2018).
10. Lisbon Summit Declaration: Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Lisbon, November 20, 2010. NATO [official website]. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68828.htm (accessed: 10.02.2018).
11. NATO Rapid Reaction Team to fight cyber attack, 13 March 2012. NATO [official website]. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_85161.htm (accessed: 10.02.2018).
12. NATO Communications and Information Agency [official website]. Available at: <http://www.ncia.nato.int/Pages/default.aspx>. (accessed: 10.02.2018).
13. NATO Summit Updates Cyber Defence Policy, October 24, 2014. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence [official website]. Available at: <https://ccdcoe.org/nato-summit-updates-cyber-defence-policy.html> (accessed: 10.02.2018).
14. NetTraveler: a new cyber-spy campaign is revealed. Kaspersky Laboratory [website]. Available at: <https://www.kaspersky.ru/blog/nettraveler/14792/> (accessed: 10.02.2018).
15. Prague Summit Declaration: Issued by the Heads of State and Government participating in the

- meeting of the North Atlantic Council in Prague on 21 November 2002. NATO [official website]. Available at: <https://www.nato.int/docu/pr/2002/p02-127e.htm> (accessed: 10.02.2018).
16. Riga Summit Declaration: Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Riga on 29 November 2006. NATO [official website]. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_37920.htm (accessed: 10.02.2018).
17. Strasbourg/Kehl Summit Declaration: Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Strasbourg, April 4, 2009. NATO [official website]. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_52837.htm (accessed: 10.02.2018).
18. Wales Summit Declaration: Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales, September 5, 2014. NATO [official website]. Available at: https://www.nato.int/cps/ic/natohq/official_texts_112964.htm (accessed: 10.02.2018).
19. Warsaw Summit Communiqué Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8-9 July 2016. NATO [official website]. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (accessed: 10.02.2018).
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Курылев Константин Петрович – доктор исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов;
e-mail: kuryljov@narod.ru

Цаканян Владимир Тигранович – аспирант, ассистент Российского университета дружбы народов;
e-mail: vladt20@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin P. Kurylev – Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of the Theory and the History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: kuryljov@narod.ru

Vladimir T. Tsakanyan – post-graduate student, assistant lecturer, Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: vladt20@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Курылев К.П., Цаканян В.Т. Цифровая зависимость НАТО // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 45–53.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-45-53

FOR CITATION

K. Kurylev, V. Tsakanyan. Digital Dependence of NATO. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 1, pp. 45–53.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-45-53

Отечественная история

УДК 9:93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-54-60

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО НА ПЕРЕПУТЬЕ: ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ 1917 ГОДА

Давыдова Ю.А.¹, Платова Т.В.², Кокоулина О.П.¹

¹ *Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
117997, г. Москва, Стремянный пер., 36, Российская Федерация*

² *Российский университет кооперации
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. В. Волошиной, дом 12/30,
Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена процессам общественно-политической жизни России, происходившим в 1917 г., в период между Февральской и Октябрьской революциями. Авторы рассматривают различные исторические подходы при оценке событий, происходящих в этот период. В исследовании особое внимание уделено деятельности Временного правительства, авторы пытаются абстрагироваться от крайних оценок традиционной историографии и объективно взглянуть на попытки высшего органа власти стабилизировать ситуацию в стране. В работе показана противоречивость и неоднозначность происходящих общественно-политических процессов в России в 1917 г. Новизна работы заключается в том, что в исследовании предпринята попытка рассмотреть альтернативные варианты развития ситуации, сложившейся в России между двумя революциями.

Ключевые слова: 1917 г., Россия, двоевластие, Временное правительство, Советы рабочих и солдатских депутатов.

THE RUSSIAN SOCIETY AT THE CROSSROADS: FROM FEBRUARY TO OCTOBER 1917

Y. Davydova¹, T. Platova², O. Kokoylina¹

¹ *Russian Economic University by G.V. Plekhanov
36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation*

² *Russian University of Cooperation
12/30, V. Voloshinoy ul., Mytischki, Moscow region, 141014, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the public-political life in Russia that in the year of 1917, just between the February and October revolutions. The authors examine a variety of historical approaches to assessing the events which took place in that period. The study focuses on

© Давыдова Ю.А., Платова Т.В., Кокоулина О.П., 2018.

the activities of the Provisional government, the authors try to abstract away from the extreme views of traditional historiography and objectively look at the attempts of the highest authority to stabilize the situation in the country. The paper shows the inconsistency and ambiguity of the public-political processes in Russia in 1917. The novelty of the work lies in the fact that the study attempts to examine alternative options for the development of the situation in Russia between the two revolutions.

Key words: the year of 1917, Russia, diarchy, Provisional government, the Soviets of workers and soldiers deputies.

Период от Февраля к Октябрю 1917 г. был насыщен событиями, которые сыграли огромную роль в дальнейшей российской истории. В современной историографии не сложилось единой оценки данного исторического периода. Более того, можно наблюдать непримиримость, а иногда и полярность позиций авторов [6, с. 66]. Как отмечает историк А.А. Тимофеева, это объясняется «различными методологическими подходами, а иногда и политической ангажированностью и явно субъективным взглядом на прошлое страны» [9, с. 417]. В данном исследовании авторы попытались объективно оценить сложившуюся ситуацию и остановиться на причи-

нах, приведших партию большевиков к власти.

После Февральской революции в стране, долгие века поддерживающей царский режим, кардинально изменились политические настроения граждан [2, с. 134]. Революция привела к новой расстановке политических сил в стране (см. рис.). Влиятельная и многочисленная буржуазно-центристская партия кадетов заняла освободившееся место на правом фланге. Прежде действовавшие крайне-правые черносотенно-монархические объединения и более мелкие группировки или исчезли из политического ряда, или, как партии октябристов и прогрессистов, находились в кризисном состоянии.

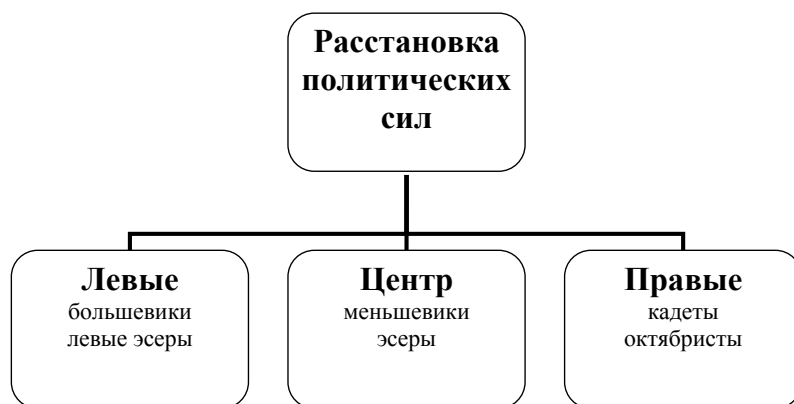

Рис. Расстановка политических сил в России в 1917 г.

Центристские позиции занимали умеренные социалистические партии меньшевиков и эсеров, влияние которых в обществе выросло. Левый фланг политической арены достался партии большевиков во главе с В.И. Лениным. В то же время в стране еще оставались менее влиятельные политические силы как в виде общероссийских течений (энесы, анархисты), так и национально-региональных групп.

Правящей партией в стране была партия кадетов. Именно ее лидеры определяли политику Временного правительства, занимая ключевые посты в его составе. Идеологи партии считали, что в России постепенно должно сложиться либерально-буржуазное государство западного образца.

Представители умеренных социалистов, преобладавших в Советах, профсоюзах и других общественных организациях, исходя из своих политических убеждений, разделяли идеи сотрудничества с буржуазными партиями, поддерживая Временное правительство. В своих воспоминаниях Л.Д. Троцкий отмечал: «Члены Совета, за небольшим исключением, рассматривали февральские события как русскую буржуазную революцию, и считали, что социалистическая революция – вопрос отдаленного и неопределенного будущего. Сотрудничество с Временным правительством было естественным следствием этой точки зрения...» [10, с. 342].

3 апреля в составе заграничного бюро ЦК партии в Петроград вернулся В.И. Ленин. Изучив политическую обстановку в России, он подверг критике прежнюю установку на «завершение буржуазно-демократической революции» и призвал свою партию взять

курс на социалистическую революцию. Проанализировав деятельность буржуазных и социалистических партий, находившихся у власти, он пришел к выводу, что они не готовы были к решению насущных проблем российской действительности. Текущая ситуация, по мнению Ленина, могла привести левые силы к успеху в борьбе за власть. Ленин разработал и тактику этой борьбы, сформулировал ее основные положения в статье «Апрельские тезисы», работу над которой он начал еще за границей и которую закончил по прибытии в Россию. В тезисах было дано новое определение характера революции. Старая концепция большевиков была заменена курсом на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую с опорой на пролетариат и беднейшее крестьянство с установлением их диктатуры в форме власти Советов, которые и должны были осуществить радикальные преобразования в стране. Подобный курс означал отказ от основных принципов социал-демократии. Плеханов, не разделявший ленинской идеи немедленного свершения социальной революции, назвал тезисы «бредом» [5, с. 231].

Тем временем принятый Временным правительством принцип «непредрешенчества», по которому главные вопросы государственного строительства оставались будущему Учредительному собранию, не способствовал легитимации ни самого органа власти, ни буржуазного государства в целом. Как отмечает историк Г. Иоффе, «несостоятельная политика Временного правительства неизбежно дестабилизировала ситуацию в стране, обеспечивая большевикам шансы

в борьбе за массы, а значит, и успех в борьбе за власть» [4, с. 87].

В условиях нарастания недовольства политикой правящих партий в течение лета 1917 г. лидер большевиков обеспечил своей программе поддержку соратников по партии. В Советах же такого успеха достичь не удалось. На состоявшемся в июне 1917 г. заседании I съезда Совета рабочих и солдатских депутатов Ленин, полемизируя с оппонентами, ответственно заявил о том, что в Совете есть партия, способная взять государственную власть в свои руки, указав на партию большевиков. Тогда над этой фразой лишь посмеялись.

Престиж и авторитет Временного правительства стремительно таяли, о чем свидетельствовали кризисы власти, протекавшие в форме антиправительственных демонстраций. Первое крупное выступление рабочих в апреле 1917 г. было ответом на обращение министра иностранных дел П.Н. Милюкова к союзникам с заверениями об участии России в войне до победного конца.

Следующий всплеск народного недовольства проявился в июне. Руководству Советов не удалось провести демонстрацию под лозунгами доверия Временному правительству. Промышленный пролетариат столицы, как и войска Петроградского гарнизона, в своем большинстве поддержали лозунги большевиков. Этот кризис был прерван начавшимся крупным наступлением русских войск на Юго-Западном фронте.

В начале июля ситуация обострилась. Кризис 3-4 июля вылился в антиправительственную демонстрацию под лозунгом «Вся власть Советам» и решительные ответные действия Временного правительства, которое,

желая закрепить свои властные структуры, прибегло к жестким мерам наведения порядка. В Петрограде было объявлено военное положение, За этим последовали разоружение некоторых воинских частей и вывод их из города, укрепление дисциплины в армии, арест некоторых лидеров большевиков, была восстановлена смертная казнь на фронте, введены военно-полевые суды и военная цензура.

Поляризация политических сил достигла предела. Политический центр оказался слаб. Альтернативой могла быть победа или крайне правых или крайне левых сил. Июльские события означали конец двоевластия. Власть по сути сосредоточилась в руках Временного правительства, мало способного к правлению, но и не желавшего уступать власть кому бы то ни было. 24 июля сформировалось Второе коалиционное правительство с неограниченными полномочиями во главе с эсером А.Ф. Керенским.

Верховным главнокомандующим был назначен Л.Г. Корнилов – сторонник консолидации контрреволюционных сил для наведения порядка в стране. О том, к чему стремился генерал Корнилов, ясно видно из содержания приказа, отданного им накануне наступления его войск на Петроград: «... заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ – путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни» [7, с. 123]. 25 августа войска Корнилова предприняли наступление на Петроград с целью ликвидировать угрозу «революционной анархии». Та-

кой ход событий напугал Керенского и заставил пойти на сотрудничество с большевиками. Наступление войск, получившее мощный отпор народа, провалилось, Корнилов и другие генералы были арестованы.

В борьбе за власть между Временным правительством и Советами преимущество оказалось на стороне последних. Значительная часть населения, устав от бессилия правительства, готова была пойти за теми, кто мог установить реальный порядок, предложив программу выхода из кризиса. К концу сентября 1917 г. Петроградский и Московский Советы приняли резолюции о «взятии всей полноты государственной власти» и использовании ее как инструмента революционных преобразований [1, с. 123]. Осенью 1917 г. в условиях обострения социальной напряженности Ленин потребовал форсировать подготовку вооруженного восстания. В результате событий 24–26 октября власть в Петрограде перешла в руки большевиков. Утром 25 октября ВРК от имени Совета объявил Временное правительство низложенным.

Победе леворадикальной альтернативы в России способствовали общенациональный кризис, неспособность Временного правительства решать насущные проблемы российского обще-

ства, радикализм социальных низов, а также энергия и политическая воля лидеров большевистской партии [3, с. 35].

Активной и авторитетной политической силы, способной укрепить позиции Временного правительства, в России не сложилось. Массовой буржуазной партии, способной предложить привлекательную для населения программу, не существовало. Немногочисленные кадеты (15–20 тыс. человек), проповедуя идею буржуазно-либерального государства, не имели четкого представления, как претворить ее в жизнь. Их непонятные лозунги построения гражданского общества и развитого рынка не могли конкурировать с большевиками и эсерами, которые предложили массам ясные и легкодостижимые цели. Как отмечает исследователь проблемы В.К. Романовский: «Либеральная альтернатива потерпела крах из-за отсутствия в России широких слоев, поддерживающих либеральные ценности свободы и частной собственности» [8, с. 5], а также из-за неспособности либеральных и умеренно социалистических партий реагировать на требования времени и предоставить массам понятную и действенную программу. В этих условиях большевизм оказался единственным способом сохранения национальной государственности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив русской революции: в 22-х т. Т. 17-18. М.: Терра, 1993. 316 с.
2. Грехов А.В. К вопросу о характере Великой русской революции (по материалам современной зарубежной историографии) // Революция и современность: материалы научно-практической конференции. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2017. С. 134–137.
3. Денисенкова Н.Н. Власть и образование в России. Смоленск: Свиток, 2010. 208 с.
4. Иоффе Г. Февраль и октябрь 1917 года. Что это? (Заметки к поставленному вопросу) // Наука и жизнь. 2016. № 10. С. 32–47.
5. История Отечества в документах 1917–1993 гг. Ч.1: 1917–1920 гг. М.: ИЛБИ, 1994. 387 с.

6. Марченя П.П. Февраль и Октябрь в современном россиеведении // Великая российская революция 1917 г.: материалы международной научно-практической конференции. Балашиха: РГАЗУ, 2017. С. 66–69.
7. Политическая история Отечества, 1861–1920: хрестоматия. М.: МГУ, 1991. 155 с.
8. Романовский В.К. Н.В. Устрялов о либеральной альтернативе и ее банкротстве в 1917 г. // Преподавание истории в школе. 2017. № 2. С. 3–9.
9. Тимофеева А.А. Октябрь 1917: предпосылки, сущность, оценки // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 417–420.
10. Троцкий Л.Д. История русской революции: в 2-х т. Т. 1. М.: ТЕПРА: Республика, 1997. 415 с.

REFERENCES

1. Arkhiv russkoi revolyutsii: v 22-kh t. Tom 17–18 [History of the Russian revolution: in 22 volumes. Vol. 17–18]. Moscow, Terra Publ., 1993. 316 p.
2. Grekhov A.V. K voprosu o kharaktere Velikoi russkoi revolyutsii (po materialam sovremennoi zarubezhnoi istoriografii) [To the question of the character of the Great Russian revolution (on the materials of modern foreign historiography)] In: *Revolutsiya i sovremennost': materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Revolution and modernity: materials of scientific-practical conference]. Vladimir, Vladimirskii filial RANKHiGS Publ., 2017, pp. 134–137
3. Denisenkova N.N. *Vlast' i obrazovanie v Rossii* [Power and education in Russia]. Smolensk, Svitok Publ., 2010. 208 p.
4. Ioffe G. [February and October of 1917. What was it? (Note to the question posed)] In: *Nauka i zhizn'*, 2016, no. 10, pp. 32–47.
5. *Istoriya Otechestva v dokumentakh 1917–1993 gg. Chast' 1: 1917–1920 gg* [History in documents, 1917–1993 Part 1: 1917–1920]. Moscow, ILBI Publ., 1994. 387 p.
6. Marchenya P.P. Fevral' i Oktyabr' v sovremennom rossievedenii [February and October in modern Russian studies] In: *Velikaya rossiiskaya revolyutsiya 1917 g.: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The Great Russian revolution of 1917: materials of international scientific-practical conference]. Balashikha, RGAZU Publ., 2017, pp. 66–69.
7. *Politicheskaya istoriya Otechestva, 1861–1920: khrestomatiya* [The political history of the Fatherland, 1861–1920: a reader]. Moscow, MGU Publ., 1991. 155 p.
8. Romanovskii V.K. [N.V. Ustrialov about the liberal alternative and its bankruptcy in 1917] In: *Prepodavanie istorii v shkole*, 2017, no. 2, pp. 3–9.
9. Timofeeva A.A. [October 1917: background, essence, evaluation] In: *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2016, vol. 5, no. 4 (17), pp. 417–420.
10. Trotskii L.D. *Istoriya russkoi revolyutsii: v 2-kh tomakh. Tom 1* [The history of the Russian revolution: in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow, Terra, Respublika Publ., 1997. 415 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давыдова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова;
e-mail: ylkadav@mail.ru

Платова Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Российского университета кооперации;
e-mail: tanya.vektor@mail.ru

Кокоулина Ольга Павловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова;
e-mail: kokoulinaop@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Julia A. Davydova – PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of political science and sociology, Russian economic University by G.V. Plekhanov;
e-mail: ylkadav@mail.ru

Tatiana V. Platova – PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of humanitarian disciplines and foreign languages, Russian University of Cooperation;
e-mail: tanya.vektor@mail.ru

Olga P. Kokoylina – PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of physical education, the Russian economic University. G.V. Plekhanov;
e-mail: kokoulinaop@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Давыдова Ю.А. , Платова Т.В. , Кокоулина О.П. Российское общество на перепутье: от Февраля к Октябрю 1917 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 54–60.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-54-60

FOR CITATION

Y. Davydova, T. Platova, O. Kokoylina. The Russian Society at the Crossroads: From February to October 1917. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Political Sciences, 2018, no 1, pp. 54–60.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-54-60

УДК 94(470)“1924/1936”

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-61-71

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ В ОБЛАСТИ ПОощРЕНИЯ НАУЧНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ В СССР НА ПРИМЕРЕ ПРЕМИИ ИМ. В.И. ЛЕНИНА

Меньшиков А.Э.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена исследованию механизма организации советской науки в первые десятилетия ее существования. Рассматривается проблема взаимодействия государственно-партийной номенклатуры и советских научных центров с научным сообществом в период 1920–1930-х гг. на примере поощрения научных трудов премией имени В.И. Ленина. На основании анализа научных публикаций и документов архива Коммунистической Академии выявляются принципы выработки критериев и последующих механизмов оценки значимости научных трудов с позиций приоритетных направлений развития науки и техники в представлении советского руководства того периода времени.

Ключевые слова: Коммунистическая Академия, Премия имени В.И. Ленина, М.Н. Покровский, СНК СССР, ЦИК СССР.

ACTIVITIES OF THE COMMUNIST ACADEMY IN THE FIELD OF PROMOTING SCIENTIFIC ACHIEVEMENTS IN THE USSR ON THE EXAMPLE OF THE LENIN PRIZE

A. Menshikov

*Moscow Region State University
10A, Radio ul, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the study of the mechanism of Soviet science organization in the first decades of its existence. The problem of interaction of the state-party nomenclature and Soviet scientific centers with the scientific community in the period of 1920-1930s is considered on the example of promoting scientific works by the Lenin Prize. Based on the analysis of scientific publications and documents of the archive of the Communist Academy, the principles for developing criteria and subsequent mechanisms for assessing the significance of scientific works from the standpoint of priority directions in the development of science and technology in the presentation of the Soviet leadership of that period of time are revealed.

Key words: Communist Academy, Lenin Prize, M.N. Pokrovsky, SPC of the USSR, Central Executive Committee of the USSR.

15 августа 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР [11, с. 83] приняли постановление об учреждении Ленинских премий «за наиболее выдающиеся работы в области науки, техники, литературы и искусства» [6, с. 326]. Премии присуждались ежегодно 22 апреля, в день рождения вождя революции, начиная с 1957 г. Данное постановление по своей смысловой нагрузке было проникнуто духом XX съезда КПСС, развенчания культа личности и преодоления его последствий, возвращения к ленинским принципам партийной и государственной работы.

Появлению Ленинской премии в период хрущевской «оттепели» предшествовала серьезная организационная работа. Так, в строго секретном постановлении Президиума ЦК КПСС П27/VII от 5 июля 1956 г. Молотову, Маленкову, Кириченко, Брежневу, Фурцевой, Беляеву и Поспелову поручалось, после обмена мнениями, «... еще поработать над проектом постановления ЦК КПСС о восстановлении Ленинских премий за особо выдающиеся научные труды, изобретения, произведения литературы и искусства» [12, с. 359]. Поскольку речь шла о восстановлении такого рода формы поощрения, то подразумевалось, что прототипы Ленинской премии существовали в СССР и в какой-то момент были ликвидированы. В данном случае речь идет о ранней системе премий имени Владимира Ильича Ленина.

22 января 1924 г., на следующий день после смерти Ленина, на внеочередном траурном собрании Президиума Социалистической академии было принято решение объявить конкурс о назначении премии имени В.И. Ленина за «составление лучшей марксистской те-

оретической работы, связанной с практическими проблемами строительства социализма» [3, с. 4]. Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ) при Совете народных комиссаров Союза ССР уже в феврале горячо поддержала эту инициативу, а на своем заседании 10 апреля 1924 г. приняла, помимо прочих, решение, «просить О.Ю. Шмидта выработать соответствующее Положение о премии имени В.И. Ленина» [9, с. 364]. Первый вариант такого положения был разработан и утвержден ЦеКУБУ в середине лета 1924 г. Таким образом, на первом этапе разработки вопроса о формировании премии за научные труды пальму первенства в реализации этого начинания удерживала ЦеКУБУ. Комиссия фактически использовала идею о создании премии, рожденную в недрах САОН (а с апреля 1924 г. – Комакадемия).

Однако, рассмотрев проект положения о премиях, предложенный Комиссией по улучшению быта ученых, Специальная комиссия ЦИК СССР по увековечению памяти В.И. Ленина выдвинула предложение об учреждении этой премии не при ЦеКУБУ, а при Комакадемии [9, с. 368]. 16 февраля 1925 г. ЦеКУБУ вынуждена была согласиться с этим предложением. Правда, было решено, что Коммунистическая академия будет согласовывать расходы премиального фонда с Экспертной комиссией ЦеКУБУ. В тот же день, 16 февраля, заседание Комиссии по улучшению быта ученых рассматривало вопрос о премировании научных работ из резервного фонда Совнаркома на 1924/1925 г. Помимо прочего, было решено, видимо, не без раздражения, «просить О.Ю. Шмидта сговориться с Наркомпросом о том, чтобы им преми-

ровались лишь работы, выполненные научными учреждениями Наркомпроса» [9, с. 365]. Не случайно речь идет о разветвленной системе поощрения, ведь присуждение Ленинских премий производилось и некоторыми ведомствами, к примеру упомянутым Народным комиссариатом просвещения. Однако «эти премии не носили общегосударственного характера» [6, с. 324]. Поэтому, пальма первенства в вопросе премии имени В.И. Ленина вполне справедливо перешла к Комакадемии.

Еще в конце 1924 г. административно-финансовая комиссия СНК СССР постановила выделить на выдачу премий имени Ленина фонд в размере 10 000 рублей. А 23 июня 1925 г. Совет народных комиссаров СССР издал постановление об учреждении премии имени В.И. Ленина за научные работы. 26 июля того же года это постановление было опубликовано в газете «Известия». Статья 5 регламентировала распределение премиального фонда в 12 тысяч рублей на 1924/1925 г.: 10 000 рублей – для выдачи премий за научные труды, «и 2 000 рублей – на организационные расходы и на оплату труда рецензентов». Пункт 4 возлагал издание подробных правил о порядке выдачи премий на Коммунистическую академию при ЦИК СССР.

Рассмотрим более подробно процесс создания и редактирования Положения о премии имени В.И. Ленина. Проект, принятый первоначально ЦеКУБУ после передачи полномочий Комакадемии, пересматривался и в результате был утвержден Президиумом Коммунистической Академии 3 апреля 1926 г.¹ Согласно этому итоговому положению, к соисканию премии

допускались труды по всем отраслям знаний, но написанные позднее 7 ноября 1917 г. и только гражданами СССР. Выдавалось ежегодно, с 1926 г., пять премий по 2000 рублей. Особое внимание положение уделяло регламентации процесса анализа работ, направленных на соискание премии. Предварительное рассмотрение присланных трудов осуществлялось Экспертной комиссией. В нее должны были входить представители от Российской и Украинской Академий наук, ЦеКУБУ, Секции научных работников и Всеукраинского комитета содействия ученым (ВУКСУ).

Присланные работы, в случае соответствия цели и правилам положения, передавались на рассмотрение рецензентов. Последним представлялся двухмесячный срок, в ходе которого должен был быть составлен отчетливый и беспристрастный отзыв, указывавший на достоинства и недостатки рассматриваемого сочинения. После выслушивания всех рецензий Экспертная комиссия выносила свое решение. Первоначальный состав комиссии был следующим: М.Н. Покровский (председатель), Н.И. Бухарин, А.М. Деборин, А.К. Тимирязев, Г.М. Кржижановский, И.И. Скворцов-Степанов, О.Ю. Шмидт (заместитель председателя), Н.А. Семашко (от ЦеКУБУ), П.П. Лазарев (АН СССР), В.П. Волгин (Секция научных работников), С.Ю. Семковский (ВУКСУ), С.Г. Навашин (Украинская Академия наук), В.Н. Ипатьев, А.Н. Бах².

Однако данное положение несколько отличалось от первоначального предложенного проекта. Так, пункт 2 сохранившегося черновика положения предполагал допускать к соисканию только сочинения, «написанные

¹ Архив РАН (далее АРАН). Ф. 350. Оп. 1. Д. 38. Л. 16.

² АРАН. Ф. 350. Оп.1. Д.38. Л.16 об.

на русском языке»¹. В своем письме в президиум Комакадемии от 30 марта 1926 г. представитель Украины профессор С.Ю. Семковский возражает этому требованию², но с опозданием – в принятом комиссией проекте требование о русскоязычности сочинений были опущены. Также в итоговом варианте положения был удален пункт 6 проекта: «При оценке представленных к соисканию премии сочинений должно быть обращено особое внимание на то, действительно ли оно вносит новый научный вклад и имеет ли существенное значение для дальнейшего овладения силами природы или приближением к коммунистическому строю»³.

Отличались проект и итоговое положение и по вопросу о сроках присуждения премии. Пункт 10 проекта предполагал присуждение премии с 1924 г., хотя в итоге присуждение началось с 1926 г. Причем в 1926 г. срок представления премии продлили до 1 июля, а в последующие годы сохранялся неизменным – до 1 мая. Однако в проекте положения предполагались иные сроки подачи сочинений: до 21 января⁴. Важное изменение в итоговом документе заключалось в том, что подавать сочинения на соискание премии могли не только авторы и их наследники, но и научные учреждения [9, с. 367]. Проект же предполагал представить на рассмотрение сочинений умерших авторов лишь по инициативе Экспертной комиссии⁵.

Отдельного упоминания заслуживает решение комиссии по присуж-

дению премии по вопросу порядка рецензирования поданных на её соискание трудов. В строго секретном протоколе заседания № 1 от 10 августа 1926 г. указывается, что «выдача премий умершим должна быть исключением, как правило, не свыше одной премии в каждый год»⁶. Эта практика на протяжении всего первого периода существования Премии соблюдалась неукоснительно. В том же протоколе упоминается о переносе на будущий год рассмотрения работы одного из ушедших из жизни авторов научной работы, которую предложил премировать академик Навашин⁷.

Таким образом, коррективы в изначальном проекте и сопутствующих ему документах были направлены на расширение круга работ, поданных на соискание, и преодоление узкокорпоративного характера премирования Комакадемией. Однако имел место ряд внутренних ограничений, которые способствовали более объективному результату работы экспертной комиссии.

Рассмотрим процесс обсуждения комиссией тех вопросов, которые были вынесены в процессе рассмотрения работ для соискания премии им. В.И. Ленина.

На первом заседании 10 августа 1926 г. присутствовали, помимо председателя О. Шмидта, академики П. Лазарев и С. Навашин, а также профессор А. Бах. Ими было принято решение о некотором расширении круга тех трудов, которые могли быть поданы на рассмотрение: «премированию подлежат сочинения по всех отраслях знания... Отнюдь не ограничиваясь узко прикладным значением этого

¹ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.

² Там же. Л. 26.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 29.

⁷ Там же. Л. 29.

толкования»¹. Самым важным представляется решение по проблемному вопросу выбора сочинений для присуждения премии за 1925 г. По причине чрезвычайной сжатости сроков, присутствующие на заседании сочли правильным произвести в 1926 г. присуждение премий только за те работы, которые будут сочтены достойными награждения, без рассмотрения поданных заявок. Причем выбирались только труды «наиболее выдающихся русских ученых, независимо от того представили они свои работы или нет»². Все же работы, представленные на конкурс авторами, решено было рассматривать в общем потоке в следующем году.

На заседании, проходившем во вторник, 17 августа, помимо всех участников предыдущего совещания, присутствовал председатель Комкадемии М.Н. Покровский. В секретном протоколе № 2 заседания комиссии указано, что премии выдаются уже за 1926 г. Решением комиссии премии были присуждены пятерым ученым: Евгению Алексеевичу Чичибабину за работы в области фармацевтической химии, Владимиру Афанасьевичу Обручеву – в области геологии, в том числе за работу «Геология Сибири», агрохимику и физиологу растений Дмитрию Николаевичу Пряшникову.

Особый интерес представляют два других лауреата. Так, труды Николая Павловича Кравкова, скончавшегося в 1924 г., были отмечены премией уже после смерти автора. Среди четырех его работ, рассмотренных комиссией, на первом месте в списке значатся «Данные и перспективы по оживле-

нию тканей умерших»³. Думается, такой неординарный выбор был в некоторой степени связан с блестящим экспериментом 1924 г. по сохранению тела Ленина, который провели анатом В.П. Воробьев и химик Б.И. Збарский. Кстати, первый из них получил премию имени В.И. Ленина в 1927 г.

В списке лауреатов пятым, последним, номером стоит имя Николая Ивановича Вавилова. Он получил премию за работу «Центры происхождения культурных растений». Нельзя не обратить внимание на то, что первые четыре лауреата получили премии единогласно, за Вавилова же голоса распределились так: «четыре – за, один – против»⁴.

Итак, в 1926 г. премия имени В.И. Ленина стала реальным инструментом поощрения научных достижений в СССР. Все годы своего существования она присуждалась под эгидой Коммунистической академии при ЦИК. Лауреаты премии автоматически поднимались на высшие ступени научной иерархии. Так, в 1928 г. Чичибабин, а в 1929 г. – Вавилов, Обручев и Пряшников стали действительными членами Академии Наук СССР [11].

До 1932 г. присуждались ежегодно пять премий по 2000 рублей. Данная сумма была достаточно внушительной, однако, далеко не самой крупной из тех, которые правительство выделяло ученым для поощрения исследовательской и поддержки научной работы. Так, вышеупомянутый Владимир Петрович Воробьев, лауреат премии им. В.И. Ленина за 1927 г., за выполнение поручения правительства по бальзамированию тела Ленина тремя годами ранее получил несоизмери-

¹ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 38. Л. 29.

² Там же. Л. 29 об.

³ Там же. Л. 30.

⁴ Там же. Л. 30.

мую сумму в 40 тысяч червонцев [8]. Для НЭПа – деньги просто фантастические. При условии, что с 1 октября 1927 г., согласно постановлению СНК РСФСР, заработная плата профессорам вузов за шестичасовую лекционную нагрузку в неделю повышалась до 140 рублей в месяц [4, с. 5]. А к 1931 г. зарплата вузовского профессора достигала 300 рублей, а у доцента – 250 рублей в месяц [10, с. 347]. Таким образом, премия им. Ленина повышала в большей степени социальный и научный статус лауреата, нежели кардинально улучшала его финансовое положение. Хотя, при советской системе директивного распределения материальных благ по принципу иерархии, первый фактор, зачастую, был более значим, нежели второй.

Помимо В.П. Воробьева, в 1927 г. премии удостоились почвовед Константин Каэтанович Гедройц и умерший в 1922 г. химик Лев Александрович Чугаев, чьи статьи и работы по платине предоставила вдова¹. А двое последних лауреатов были активными сотрудниками Комакадемии. Биохимик Алексей Николаевич Бах, отмечавший в 1927 г. 70-летний юбилей, сам входил в состав Экспертной комиссии по присуждению премий, а историк Давид Борисович Рязанов (Гольдендах) возглавлял Институт марксизма-ленинизма, выросший к середине 1920-х гг. в самостоятельное учреждение из первоначально организованного² в 1918 г. кабинета марксизма при Социалистической академии.

Качество предоставляемых на соискание премии работ далеко не всегда отвечало требованиям, предъявляемым не только Экспертной комиссией,

но и стандартным требованиям к научным трудам. Согласно списку, из 20 работ, поданных в 1927 г., девять не имели практического значения, а еще две работы вообще не представляли собой научного исследования³, что противоречило требованиям параграфов 1 и 4 Положения о премии имени Ленина.

Ярким примером представляется рукопись М.С. Столярова «Октябрьская революция как неизбежный момент в развитии человека», отправленная автором в Комакадемию 24 июня 1926 г. и окончательно затерявшаяся в недрах учреждения. В письме М.Н. Покровскому от 10 января 1927 г. Столяров просит уведомить его о «судьбе рукописи и, если она не брошена в корзину, возвратит ее...»⁴. Кратко резюмируя свое сочинение, автор указывает, «что ничто не может иметь более практического значения, как объявление открытой борьбы чувству и всему тому, что им порождено и порождается. Противоречия человеческой жизни, деление людей на касты коренятся в чувстве. Победа над чувством укоротит путь, который приведет человечество к равенству»⁵. Стоит отметить, что и впоследствии немало подобных работ будет послано в Комакадемию.

Однако не следует делать вывод, что все авторы были наивными дилетантами с завышенной самооценкой. Многие из них, как и Михаил Сергеевич Столяров, направляли свои рукописи с целью «иметь о своей работе компетентное мнение», а не в погоне за легкими деньгами. Видимо, во многих случаях, большой поток таких наивных сочинений был следствием широкого инфор-

¹ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 38. Л. 31.

² АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 244. Л. 2.

³ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 38. Л. 31.

⁴ Там же. Л. 36 об.

⁵ Там же. Л. 36.

мирования народных масс о премии и, соответственно, общественного резонанса. Авторы искренне хотели своими трудами помочь построению идеального общества, ускорить приближение светлого будущего. Согласимся с тем, что вряд ли человек, писавший работу о борьбе с человеческим чувством, стал бы направлять ее в комиссию по премированию исключительно с целью поправить свое материальное положение. Советское общество конца 1920-х – начала 1930-х гг. было обществом романтиков, идеалистов, стремящихся словом и делом претворить идеи всеобщего равенства и благополучия в жизнь. Однако, не будем забывать, что в методах реализации романтических планов то же общество было чрезвычайно прагматичным, а зачастую и циничным. Веяние эпохи очень сильно отражалось как в помыслах, так и в деяниях людей того времени.

Рассмотрение работ за 1928 г., так же, как и за два предыдущих, не обошлось без посмертного присуждения. На этот раз были отмечены работы профессора Н.В. Цингера по ботанике. Денежную сумму решено было передать его вдове Надежде Яковлевне¹. Четырьмя здравствующими лауреатами на момент награждения оказались геолог А.Д. Архангельский, электротехник В.Ф. Миткевич, химик Н.С. Курнаков, и автор одиозного «нового учения о языке» академик Н.Я. Марр [5, с. 88].

В 1929 г. премии имени В.И. Ленина были удостоены академик В.Н. Ипатьев, профессор Э.В. Брицке, профессор Н.М. Тулайков, профессор А.В. Палладин и известный инженер и архитектор В.Г. Шухов. В тот год присуждение прошло под знаком усиленного внимания к на-

¹ АРАН. Ф. 350. Оп. 1 Д. 212. Л. 2.

учным работам в области химизации, поднятия урожайности и развития сельского хозяйства [10, с. 361]. Думается, что данное направление было избрано Экспертной комиссией приоритетным в свете масштабного наступления на фронте коллективизации крестьянства и озабоченности правительства проблемами сельского хозяйства. Кстати, интересным будет вспомнить, что лозунг «ликвидировать кулачество как класс» был выдвинут в декабре 1929 г. Сталиным в речи перед аграрниками-марксистами именно в стенах Коммунистической академии [13, с. 36].

9 июня 1930 г. состоялось заседание комиссии по присуждению премии имени Владимира Ильича Ленина за обозначенный год. Председательствовал О.Ю. Шмидт, присутствовали Н.А. Семашко, академики А.Н. Бах, П.П. Лазарев и С.Ю. Семковский. Комиссия из списка 15 кандидатов на основании письменных и личных отзывов экспертов, а также лауреатов премии прошлых лет, посчитала необходимым присудить «Высшую награду за научные труды в СССР»² Н.А. Максимова за работы по прикладной ботанике в области засухоустойчивости, С.Н. Скадовскому – за работы по применению методов физической химии к изучению биологии пресных вод, А.Ф. Самойлову – за работу «Электрометрическое исследование возбудимых тканей организма» – по физиологии, Л.В. Писаржевскому – по физической химии, и за работы в области прикладной физики – А.А. Чернышеву³. Сохранилось любопытное письмо, направленное профессором Максимовым в комиссию по присуждению премии им.

² АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 346. Л. 2.

³ Там же. Л. 1.

Ленина 2 августа 1930 г. После выражения слов благодарности за оказанную честь, автор просит «предлагающиеся мне в качестве премии 2000 рублей прошу Вас выслать мне почтой...»¹.

Уже упоминалось, что премии ведомственного характера за научные труды также были широко распространены. Особое место занимала премия Объединенной комиссии Наркомпроса и ЦеКУБУ. Так, в 1930 г. ее премиальный фонд составлял 26 000 руб., из них 2100 руб. – на 4 премии для аспирантов и 23 900 руб. – на 59 премий: 31 премия по 500 руб. и 28 премий по 300 рублей [10, с. 361]. Представленные на соискание работы, как правило, передавались на «отзыв научным учреждениям и организациям и лишь как исключение – отдельным лицам» [10, с. 362]. Именно таким образом 10 июля 1930 г. на отзыв в Коммунистическую академию попала серия сочинений научного работника из-под Рыбинска Николая Петровича Дружинина. Дружинин – характерная личность своего времени. В прошлом издатель, журналист, активный участник кадетской партийной организации в Ярославле, после октября 1917 г. увлекся просветительской и краеведческой деятельностью, преподавал в школе в Александровой пустыни, продолжал выступать с публикациями. Уже 13 июля его труды были разосланы на рецензии в Краеведческую комиссию, Институт литературы, Секцию естествознания, Институт истории и Секцию техники².

Широкий круг интересов и публицистический характер работ не оставлял шансов найти в произведениях

Дружинина серьезную научно-практическую значимость. Так, в работе «На путях к упрощению и удешевлению продуктов промышленности (стандартизация)» автор рассуждает о том, «что существенно было бы применение стандартизации к производству подойников, бидонов, кружек. В настоящее время даже в крынках наблюдается недостаток, не говоря уже о том, что каждый гончар-кустарь делает их на свой образец. Нужна бы, между прочим, стандартная стеклянная посуда»³. Решение проблемы Дружинин видит в том, чтобы «как всегда и во всем в советской стране, к этому делу должна быть, конечно, привлечена широкая общественность, в частности, путем популяризации и практических достижений стандартизации»⁴.

Ученый секретарь секции техники Комакадемии Бурдянский привел вполне объективные основания к отклонению статьи: «Работа Дружинина могла бы быть напечатана при соответствующем ее редактировании как газетная статья или статья для популярного журнала. Работа, однако, не представляет никакой особой методологической ценности и не отражает даже современного опыта стандартизации в СССР и заграницы»⁵. Так или иначе, случай передачи Наркомпросом подобных трудов на рассмотрение в начале 1930 гг. показывает или недостаточно серьезное отношение исполнителей к порученной работе, или некомпетентность членов объединенной премиальной комиссии НКП, либо техническую пересылку всех работ в и так чрезвычайно загруженную Кома-

¹ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 346. Л. 23.

² Там же. Л. 3 об.

³ Там же. Л. 15.

⁴ Там же. Л. 22.

⁵ Там же. Л. 4.

кадемию, которая, в связи со развивавшейся смертельной болезнью Покровского [1, с. 47], стала легкой мишенью для нападков со стороны как политических, так и научных оппонентов.

В 1931 г. премии имени Ленина получили И.М. Губкин – за научные труды по нефтяной геологии, физик Л.И. Мендельштам, почвовед В.Р. Вильямс, физиолог А.А. Ухтомский, электрохимик А.Н. Фрумкин [2, с. 228]. Следующий – 1932 г., стал рубежным для Коммунистической академии. В апреле после тяжелой и продолжительной болезни скончался основатель и бессменный руководитель Комакадемии Михаил Николаевич Покровский. К середине того же года, после реорганизации Академии, из ее ведения были исключены все учреждения естественно-научного профиля. В этой связи 26 октября на заседании научной секции Ученого комитета ЦИК СССР рассматривался вопрос о коррективах «Положения о Ленинских премиях». В результате ряда совещаний было решено увеличить премиальный фонд до 100 тысяч рублей [6, с. 324].

Президиум Комакадемии в 1933 г. изменил целевую направленность премии, сузив ее, в связи с ограничением компетенции всего учреждения, до сферы общественных наук. Предусматривалось деление фонда на четыре направления: научные труды по экономике социализма, научно-популярные работы социально-экономического направления, сочинения по общественным наукам и методические разработки для гуманитарного цикла учебных программ для вузов. Каждое направление обеспечивалось одной премией первой степени и несколькими премиями второй и третьей степеней. Подобного рода серьезные изме-

нения в целевом назначении премии, а также тот факт, что еще во время болезни Покровского тучи сгущались над Комакадемией, претерпевавшей с начала 1930-х гг. различного рода реорганизации, в присуждении Премии имени В.И. Ленина произошел трехлетний (1932, 1933, 1934 гг.) перерыв.

В 1935 г. единственный раз премия была выдана в рамках требований нового Положения. Лауреатами стали экономист Евгений Самуилович Варга за работу «Новые явления в мировом экономическом кризисе», Евгения Акимовна Степанова за книгу «Фридрих Энгельс», отмечен был труд Льва Абрамовича Мендельсона «Новые материалы к работе В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»» [7, стлб. 580].

В феврале 1936 г. было опубликовано постановление № 214 СНК СССР и ЦК ВКП(б) о ликвидации Коммунистической академии «ввиду нецелесообразности параллельного существования двух академий». Центром советской науки была признана Академия Наук СССР, в ведение которой и были переданы все структурные подразделения Комакадемии. Вопрос о продолжении практики поощрения научных трудов премиями имени Ленина под эгидой Академии наук еще теплился в недрах Совнаркома и ЦК ВКП(б), но 11 марта 1937 г. было принято решение «снять вопрос» [6, с. 326].

История Премии имени В.И. Ленина за научные труды в первый период ее существования неразрывно связана с деятельностью Коммунистической академии. Академия, созданная большевистским руководством в качестве альтернативного научного центра, лояльного советской власти и на-

правлявшего советскую науку в русле марксистско-ленинской методологии, нуждалась в инструменте поощрения исследовательских работ, которые бы отвечали требованиям политической конъюнктуры.

Однако не следует упрощать целевую установку премии как инструмента Комакадемии. Ее задачей было не только выстраивание новой советской научной иерархии. Премия имени Ленина в научной среде действительно носила характер награды высшего государственного значения, и поощряемые ею работы во многом оказали позитивное влияние для развития советской науки, двигали вперед промышленность, раз-

вивали сельское хозяйство и зачастую носили прикладной характер, что было крайне важно при тех экстремальных условиях, в которых создавалась не только научная, но и экономическая база Советского Союза.

В конечном итоге и Коммунистическая академия, и присуждаемая ею Премия стали объектом политической кампании по усилению контроля власти над наукой, что в результате и стало причиной их ликвидации. Упразднением Комакадемии и Премии имени В.И. Ленина Сталин окончательно «заявил о себе как о главном арбитре и авторитете в спорах и дискуссиях» [1, с. 183], существовавших в советской науке.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Артизов А.Н. Школа М.Н. Покровского и советская историческая наука: дис. ... док. ист. наук. М., 1998. 198 с.
2. Борисов Ю.С. Из истории Ленинских премий // История СССР. 1957. № 1. С. 225–232.
3. Вестник Коммунистической академии. 1924. Книга 7. 468 с.
4. Известия. 1927. 25 июня.
5. Информационный бюллетень Комакадемии. 1928. № 9.
6. Ионина Н.А. 100 великих наград. М.: Вече, 2005. 432 с.
7. Ленинские премии // Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1965. 990 с.
8. Лопухин Ю. Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина: правда и мифы. М.: Республика, 1997. 240 с.
9. Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925): сборник документов. Л.: Наука, 1968. 418 с.
10. Организация советской науки в 1926–1932 годах: сборник документов. Л.: Наука, 1974. 408 с.
11. Первые лауреаты премий им. В. И. Ленина // Вестник АН СССР. 1967. № 6. С. 75–83.
12. Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2: Постановления. 1954–1958 гг. / Гл. ред. А.А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2006. 1120 с.
13. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 334 с.

REFERENCES

1. Artizov A.N. Shkola M.N. Pokrovskogo i sovetskaya istoricheskaya nauka: dis. ... dok. ist. nauk [School of M.N. Pokrovsky and Soviet historiography: Thesis ... Doc. of Hist. Sci.]. Moscow, 1998. 198 p.
2. Borisov Yu.S. [From the history of the Lenin prize] In: *Istoriya SSSR*, 1957, no. 1, pp. 225–232.
3. Vestnik Kommunisticheskoi akademii [Vestnik of the Communist Academy], 1924, no. 7. 468 p.

4. Izvestiya, 1927, 25 Jun.
5. Information Bulletin of Communist Academy, 1928, no. 9.
6. Ionina N.A. 100 velikikh nagrad [100 of great awards]. Moscow, Veche Publ., 2005. 432 p.
7. Leninskie premii // Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya. T. 8 [Lenin prize. In: *The Soviet historical encyclopedia*. Vol. 8]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1965. 990 p.
8. Lopukhin Yu. Bolezn', smert' i bal'zamirovanie V.I. Lenina: pravda i mify [Illness, death and embalming of V. I. Lenin: truth and myths]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 240 p.
9. Organizatsiya nauki v pervye gody sovetskoi vlasti (1917–1925): sbornik dokumentov [The organization of science in the first years of Soviet power (1917–1925): the collection of documents]. L., Nauka Publ., 1968. 418 p.
10. Organizatsiya sovetskoi nauki v 1926–1932 godakh: sbornik dokumentov [Organization of Soviet science in the years 1926–1932: a collection of documents]. L., Nauka Publ., 1974. 408 p.
11. [The first laureates of V. I. Lenin awards] In: *Vestnik AN SSSR*, 1967, no. 6, pp. 75–83.
12. Prezidium TSK KPSS, 1954–1964. Chernovye protokol'nye zapisi zasedanii. Stenogrammy. Postanovleniya. T. 2: Postanovleniya. 1954–1958 gg. [The Presidium of the CC CPSU, 1954–1964. Draft records of meetings. Verbatims. Resolutions. Vol. 2: Resolution. 1954–1958]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 1120 p.
13. Smirnova V.A. D.B. Ryazanov [Ryazanov]. In: *Tragicheskie sud'by: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR* [The tragic fates: repressed scientists of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow, Science, 1995, pp. 144–155.
14. Fitspatrik Sh. Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod / 2-e izd. [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: city / 2nd ed]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 334 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Меньшиков Александр Эдуардович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: menshikoff.alexander2013@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander E. Menshikov – post-graduate student of the Department of Contemporary Russian History, Moscow Region State University;
e-mail: menshikoff.alexander2013@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Меньшиков А.Э. Деятельность Коммунистической академии в области поощрения научных достижений в СССР на примере премии им. В.И. Ленина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 61–71.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-61-71

FOR CITATION

A. Menshikov. Activities of the Communist Academy in the Field of Promoting Scientific Achievements in the USSR on The Example of the Lenin Prize. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 1, pp. 61–71.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-61-71

УДК 351.755(470-25)”1960/1980”

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-72-80

МОСКОВСКИЕ ЛИМИТЧИКИ 1960 – 80-Х ГГ. КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ЖИТЕЛЕЙ СТОЛИЦЫ

Горлов В.Н.

*Московский институт государственного управления и права
115487, г. Москва, ул. Садовники, д.2, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрены демографические проблемы Москвы в связи с массовым завозом работников в различные сферы народного хозяйства по лимиту. Автором дан анализ действия негативных факторов, связанных с работой на московских предприятиях лимитчиков. К вопросам быта лимитчиков относятся условия жизни в рабочих общежитиях, проблемы относящиеся к перенаселению столицы, включая жилищную проблемы. Другая группа вопросов – производственная, в частности, возникших по ходу внедрения научно-технических достижений на предприятиях.

Ключевые слова: Москва, дефицит рабочей силы, жилищная проблема, прописка, «лимитчик».

THE MOSCOW QUOTA WORKERS 1960 – THE 80TH AS SPECIAL CATEGORY OF RESIDENTS OF THE CAPITAL

V. Gorlov

*Moscow State University of Management
2, Sadovniki ul., Moscow, 115487, Russian Federation*

Abstract. The article considers the demographic problems in Moscow connected with mass delivery of quota workers to various spheres of national economy. The author analyzes the negative factors connected with their work at Moscow enterprises. The author considers the living conditions of the quota workers in working hostels, as well as the problems connected with the capital overpopulation, including the housing ones. Another group of issues is industrial one, in particular the problems connected with the introduction of scientific and technical achievements into the process of production.

Key words: Sociocultural contradictions, quota workers, registration.

Социальное и экономическое развитие послевоенной Москвы было связано с решением вопросов роста численности населения и состояния трудовых ресурсов. Спрос на трудовые ресурсы был настолько велик, что практически все отрасли экономики столицы ощущали нехватку рабочих рук, а власти удовлетворяли этот спрос в форме найма по лимиту. При советской власти традиция отходничества со временем преобразовалась в потоки лимитчиков, к тому же постоянно существовала маятниковая миграция из села в город. В 1950-е и

1960-е гг. довольно значительную часть среди приезжающих в столицу составляли рабочие и служащие, которые прибывали на работу по организованному набору (лимита) министерств и ведомств на условиях временной прописки в дополнение к приглашенным на работу в Москву иногородним специалистам высокой квалификации.

Пленум МГК ВЛКСМ, состоявшийся в марте 1957 г., постановил направить по комсомольским путевкам на московские стройки 10 тысяч юношей и девушек¹. Бюро МГК КПСС в апреле 1957 г. решало вопрос об обеспечении строительных организаций столицы строительными рабочими. В 1957 г. в результате организационной работы было привлечено на стройки 25 тысяч человек².

В июне 1967 г. на пленуме горкома КПСС первым секретарем МГК КПСС был избран В.В. Гришин. МГК КПСС в сентябре 1967 г. обратился в Центральный комитет партии с просьбой в виде исключения разрешить произвести набор 10 тысяч рабочих из других районов, 7 тысяч строителей и других специалистов. Просьбу горкома партии удовлетворили³. 25 сентября 1967 г. первый секретарь МГК КПСС В.В. Гришин подписал поистине судьбоносный документ. В силу этого этот день можно считать днём рождения лимитчиков – в Москве появилась новая категория жителей. Несмотря на сверхжесткий режим прописки, был введён «лимит», ежегодно увеличивавший население столицы на 50–70 тысяч че-

ловек, которые в основном набирались на предприятия с тяжелым физическим, обычно неквалифицированным трудом. Все больше и больше привлекалось в Москву иногородних рабочих для пополнения кадров на конвейерах, в строительстве. Предприятия, имеющие лимиты на прописку, вели набор рабочих на те места, где ощущался дефицит рабочей силы, куда коренные москвичи категорически не желали идти.

Многие лимитчики оставались в Москве на постоянное жительство. В целях закрепления новых рабочих на стройках исполком Моссовета вынес постановление, по которому лимитчикам предоставлялось общежитие, а после пяти лет работы – постоянная московская прописка и право на получение отдельной квартиры в столице. Чтобы привлекать рабочих в Москву, предприятия образовывали свой жилищный фонд. Предприятия строили для лимитчиков свои общежития и дома, создавали условия для учебы, получения и повышения производственной квалификации. Часто рабочие-лимитчики, недавно прибывшие в столицу, получали отдельную квартиру быстрее коренных жителей, стоявших на очереди по 20 лет. Москвичей, долгие годы рассчитывающих получить жилплощадь, такая ситуация серьезно дискриминировала, затрудняя улучшение жилищных условий. Кроме того, повышение уровня жизни жителей Москвы осложнялось высокими темпами роста населения столицы.

Постепенно процесс становился неуправляемым: лимитчики, отработав в Москве пять лет, уходили на более интересную работу в другие отрасли, а на предприятиях, дающих прописку

¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее – ЦАОПИМ). Ф. 635. Оп. 13. Д. 525. Л. 125.

² ЦАОПИМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 525. Л. 151.

³ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 144. Д. 17. Л. 228.

и жильё лимитчикам, оставался дефицит кадров, приходилось нанимать всё новых и новых рабочих. Для привлечения рабочей силы строили жильё, под это жильё завозили рабочую силу в Москву, а потом, получив московскую прописку, эти рабочие уходили на другие предприятия, которые не строили дома, но зато платили более высокую зарплату. Часть предприятий поэтому предпочитала не строить жилой фонд и социально-бытовые объекты.

Москва как магнит притягивала самые разные категории граждан. И это не удивительно, имея в виду, что здесь было самое лучшее снабжение товарами, самые большие возможности для служебной карьеры. В Москве всегда был спрос на рабочие руки, все отрасли ощущали нехватку трудовых ресурсов. Поэтому, несмотря на все ограничения, власти вынуждены были удовлетворять потребности народного хозяйства в виде найма по лимиту. Прибывающие на работу по лимиту рабочие составляли основную часть приезжающих в Москву – 72% [5]. Лимитчики в строительстве составляли до 75% рабочих, а в среднем на предприятиях Москвы – более 25%. Это способствовало тому, что население столицы к 1979 г. за счет иногородних рабочих увеличилось до 8 млн. чел., т. е. уровня, запланированного Генпланом развития Москвы только на 1990 г. [4, с. 463].

Производственным управлениям Главмосстроя в 1967 г. было разрешено принять по лимиту 7695 человек, и они распределялись по профессиям каменщиков, отделочников, бетонщиков, монтажников, слесарей, плотников, столяров¹. На заводе имени Лихачё-

ва, начиная с 1967 г., дефицит рабочих восполнялся приглашением на работу по лимиту с пропиской в заводских общежитиях. В 1970 г. ЗИЛ прописал 3,5 тыс. лимитчиков. Вместе с временными рабочими в его общежитиях проживало более 13 тыс. человек². У завода возникли очень серьезные проблемы, так как необходимо было ежегодно выделять жилплощади под общежития, а также жилплощади под образующиеся в этих общежитиях семей, что снижало возможность удовлетворять жилплощадью очередников из кадрового состава автозавода.

В народе аббревиатуру завода имени Лихачева – ЗИЛ, иронично расшифровывали как «Зона Измученного Лимита». И это понятно, так как многие москвичи хотели идти на грязную и тяжелую работу, считая её уделом «лимиты». В общежитиях ЗИЛа в конце 50-х гг. рабочие, прибывшие по вербовке из подмосковных деревень (в одном крыле – женщины, в другом – мужчины), громоздились вповалку на многоярусных нарах. Семейные рабочие отгораживались простынями. В таких семейных уголках вопили грудные дети, корпели над тетрадками школьники.

В Москве дефицит кадров носил структурный характер. Это означало, что не хватало трудовых ресурсов не вообще, а рабочих отдельных профессий, занятых тяжелым физическим трудом. Препятствием для переселения этих рабочих в Москву было отсутствие для них свободной жилой площади. Поэтому, несмотря на жесткое ограничение притока пришлого

сквы (далее – ЦМАМ). Ф. 605. Оп. 1. Д. 1249. Л. 4.

² ЦАОПИМ. Ф.433. Оп. 17. Д.12. Л. 22.

населения, власти Москвы пытались завозить работников тех профессий, в которых они особенно нуждались.

В Московском горкоме КПСС постоянно рассматривался вопрос о привлечении лимитчиков в Москву. В 70-80-е гг. многие министерства намного превысили намеченные лимиты численности кадров. В декабре 1975 г. Бюро МГК КПСС рассмотрело вопрос: «О состоянии использования на предприятиях иногородних рабочих и других категорий работников, привлеченных в город Москву»¹. В мае 1977 г. МГК КПСС и Моссовет направили в Совет Министров записку с просьбой рассмотреть вопрос о тяжелом положении с трудовыми ресурсами в строительстве и промышленности города Москвы². В апреле 1978 г. горком партии и Моссовет направили письмо в ЦК КПСС с просьбой о привлечении в Москву рабочих-строителей отделочных специальностей для работы на объектах Олимпиады-80³.

Постепенно, в результате целенаправленного приглашения в столицу рабочей силы из провинции, формировался особый социальный слой «лимитчиков» – людей, прописываемых временно в счет лимита, предоставляемого определенным предприятиям. Они нанимались на невыгодных условиях и в основном выполняли непрестижные работы. Но у них была перспектива получения московской прописки. Ради этой перспективы лимитчики временно работали и жили в гораздо более тяжелых условиях, чем коренные москвичи.

Для московских властей привле-

чение в столицу лимитчиков было наиболее простым выходом. Рабочие коллективы в текстильной промышленности, строительстве, на машиностроительных заводах, в промышленности стройматериалов комплектовались долгие годы именно лимитчиками. Доля лимитчиков в общей численности занятых всё время возрастала. Доходило до того, что лимитчики составляли почти половину, а в строительстве – почти три четверти работающих. Среди них преобладали в основном мужчины и женщины от 25 до 40 лет.

В отличие от коренного москвича лимитчик не обладал некоторыми обычными для советского гражданина правами. Лимитчик с временной пропиской не мог делать покупки в кредит, не мог встать в очередь на жилье, не мог покинуть своё предприятие, найдя себе более подходящее место работы. Жизнь в общежитиях рабочей молодежи была настолько неприглядна, что многие лимитчики не выдерживали и покидали столицу. Другие искали пути, чтобы избавиться от такой жизни. Например, вступали в брак с москвичами и прописывались на их жилплощади.

Правда, здесь следует отметить много препятствий. Во-первых, коренных москвичей не очень интересовали лимитчики как брачные партнеры, люди другой культуры, другой ценностной ориентации, представлений о жизни, интересов. Во-вторых, москвичи часто думали (и не без оснований), что лимитчику нужны не они сами, а их московская прописка и жилплощадь. Поэтому коренные жители Москвы старались не жениться на лимитчицах, не выходить замуж за лимитчиков. Из-

¹ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 183. Д. 43. Л. 108.

² ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 172. Д. 78. Л. 24–27.

³ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 172. Д. 88. Л. 97–101.

за этого большая часть лимитчиков не создавала собственной семьи, либо создавала очень поздно, что сильно сказывалось на демографической ситуации. Фиктивные браки, связанные с желанием любой ценой остаться в Москве, значительно увеличивали количество разводов.

К своему предприятию лимитчики были намертво привязаны временной московской пропиской, общежитием, а также заветной мечтой о постоянной прописке. В общежитиях московских предприятий они могли быть выселены и лишиться временной прописки за повторное нарушение правил общежития. Лимитчики не жаловались, даже если с ними администрация предприятия расправлялась, нарушая трудовое законодательство. Таким образом, закреплялась полукрепостная зависимость лимитчика от начальства и места работы. Ведомство распоряжалось жилым фондом, и это становилось сильнейшим средством контролировать работников. Квартиру быстрее можно было получить только при безупречном поведении, что начальство и использовало как дополнительный способ давления. Потеряв работу в Москве, лимитчики теряли право на жизнь в столице, так как их лишали временной прописки.

Всё вышесказанное приводило к росту маргинального населения, и в итоге способствовало обострению социальной патологии. В рабочих общежитиях постоянно вспыхивали конфликты. Плохие жизненные условия, скопление одиноких мужчин, пьянство – все это вело к созданию атмосферы беззакония, росту числа уголовных преступлений, в общем же наносило большой социальный ущерб

городу. Именно вокруг общежитий лимитчиков сложилась одна из самых напряженных криминогенных обстановок.

Лимитчики представляли собой особую категорию жителей Москвы. Это были люди с психологией «перекати-поле», рабов крупного города. Лимитчики приезжали из провинции, чтобы устроить свою жизнь, и довольно быстро заражались пороками города. Многие лимитчики, оторвавшись от привычного окружения, были предоставлены в огромном городе самим себе. В общежитии их ждала теснота, скученность и неумолкающий шум, что вызывало среди его обитателей неприязнь и конфликты, которые оборачивались оскудением личности, утратой ею социальной активности, накоплением депрессии. В силу этого их общежития находились на особом контроле отделений милиции и требовали повышенной бдительности от правоохранителей. За различные правонарушения, за распитие спиртных напитков в общежитии ежегодно сотни лимитчиков лишались прописки.

К сожалению, для большей части рабочего класса не было создано нормальных, хороших условий в производстве и особенно в досуге. В первую очередь, это касалось строительных и транспортных рабочих. Надо отметить, что сохранялся большой удельный вес тяжелого, монотонного, ручного труда, поэтому многие лимитчики в незнакомой столичной обстановке не умели «с умом» тратить заработанные деньги и часто спивались. Не удивительно, что пьянство на производстве стало вполне нормальным явлением. На текстильных фабриках,

где в основном работали женщины, пьянство было обычным явлением. Своеобразная анонимизация поведения личности в общественной зоне столицы способствовало распространению асоциальных образцов поведения.

В общежитиях Москвы проживала по большей части молодежь до тридцати лет. На работу по лимиту с временной пропиской в общежитии принимались рабочие, не имеющие семьи – таковы были условия найма. Несмотря на это, семейные составляли довольно большую часть лимитчиков, хотя предприятия часто не имели возможности предоставить им отдельные квартиры. И одиночки-лимитчики, и семейные при совместном расселении в общежитиях испытывали неудобства в связи с различным бытовым укладом.

Жилищная проблема в Москве становилась все более напряженной. На качественные характеристики московского населения все более негативно влиял поток лимитчиков. Население коммунальных квартир, пополняясь лимитчиками, становилось все более однородным. В «коммуналках» концентрировались экономически и культурно подчиненные группы, для которых был характерен невысокий уровень образования и культурных запросов, что способствовало маргинализации поведения.

Всё эти обстоятельства приводили к устойчивому негативному отношению к ним значительной части коренных москвичей. Но власти столицы были вынуждены завозить лимитчиков, используя их на непрестижных и невыгодных работах. В Москву в 70-80-е гг. привлекали более 50 тыс. лимитчиков

в год [6], что негативно повлияло на качественные характеристики московского населения. Получилось, что два фактора действовали в одном направлении. С одной стороны, испытывая недостаток рабочих рук, руководители предприятий выбивали лимиты на прописку. С другой стороны, жители провинции, как чеховские сестры, рвались в Москву, используя все средства, чтобы добиться московской прописки (взятки, блат, женитьбу и т. п.).

Таким образом, миграционный прирост был главным источником пополнения трудовых ресурсов Москвы. С 1965 по 1975 гг. этот прирост превысил естественный прирост населения Москвы в 5,8 раз, составив 920 тыс. против 160 тыс. человек¹. Крупные московские предприятия машиностроения, автомобильной, текстильной, химической, металлургической промышленности испытывали текучесть кадров и все больше и больше требовали привлечения рабочих из других регионов. В результате Москва столкнулась с бурным ростом населения, главным образом за счет лимитчиков. Большинство министерств и ведомств в 70-80-е гг. превысило планируемые лимиты численности кадров, что вело к размещению на территории Москвы дополнительных общежитий, жилищного фонда и учреждений сферы услуг, не предусмотренных Генеральным планом развития Москвы. Несмотря на увеличение численности населения Москвы, отрасли народного хозяйства Москвы продолжали испытывать острый недостаток в кадрах (суммарный дефицит был около 150 тыс. человек)². Бюро МГК КПСС на своем

¹ ЦМАМ. Ф. 126. Оп. 13. Д. 563. Л. 27.

² ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 102. Д. 1. Л. 242.

заседании специально рассмотрело вопрос «О нехватке рабочих рук в промышленности и на стройках Москвы»¹.

Лимитчики давали возможность администрации московских предприятий обходиться без рационализации производства, без автоматизации и механизации трудовых процессов, что приводило к необъятному разрастанию Москвы, усиливая в ней социальную напряженность. Многие предприятия добивались увеличения выпуска продукции только за счет привлечения иногородней рабочей силы по лимиту. На протяжении многих лет считалось, что столица не может обойтись без привлечения рабочей силы из других регионов, что потребности в определенных профессиях и в количестве работников могут быть решены только путем завоза лимитчиков. Некоторые руководители организаций считали, что не надо думать о совершенствовании организации труда, о техническом прогрессе, если можно привлекать дополнительные рабочие руки.

Многих руководителей развратила та легкость, с какой они получали лимиты на иногородних рабочих, и это сказалось на слабой модернизации производства. Мощный поток лимитчиков приводил к низкой сменности оборудования. Эта порочная практика привела к негативным явлениям не только в экономике столицы, но и в социальной и моральной областях. Для приёма лимитчиков создали много новых «паразитических» должностей (по рекламе, найму, оформлению и сопровождению «лимитчиков» и т. п.). Неудивительно, что ряд хозяйственников заявляли, что без лимита московская промышленность остановится. В.В.

¹ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 159. Д. 5. Л. 95.

Гришин на собрании партактива Москвы в мае 1972 г. так объяснял поток лимитчиков: «Предприятия столицы пополняются кадрами из других областей. Расчеты показали, что и в ближайшие годы Москва не сможет отказаться от притока людей извне, хотя к этому надо всемерно стремиться» [1, с. 228]. Хотя именно В.В. Гришин дал «зеленый свет» лимитчикам, на совещании секретарей парторганизаций Москвы в январе 1977 г. он продолжал доказывать, что «рост производительности труда имеет первостепенное значение для Москвы, так как не хватает трудовых ресурсов» [1, с. 370].

Рост лимитчиков обострил проблемы транспорта, жилья, обслуживания, торговли. Московский горком партии в 1986 г. постановил закрыть доступ в Москву для лимитчиков. С 1987 г. столичные предприятия должны были прекратить прием на работу иногородних рабочих. Но и после этого постановления различные предприятия (заводы «Фрезер», ЗИЛ) продолжили обращаться в Исполком Моссовета с разрешением привлечь иногородних рабочих. На пленуме МГК КПСС в июле 1986 г. отмечалось: «За пятнадцать лет в столицу привлечено свыше 700 тысяч иногородних рабочих, что привело к дополнительным затратам на это около 10 млрд. рублей. Около 50 проц. от общего количества привлеченных на предприятия Москвы покинули предприятия, на которые они принимались» [3].

Примерно в 40% ведомственных квартир проживали люди, не работавшие на них [2, с. 103]. После получения лимитчиком квартиры считалось неэтичным сразу сменить работу. Поэтому работник продолжал год-два

работать на предприятии, от которого он получил столь желанную квартиру. Было ясно, что такую политику надо было кардинально менять. В середине 80-х гг. началась политика прекращения завоза лимитчиков. Однако на практике осуществить такую политику не удавалось, вновь и вновь появлялись объявления об организованном наборе работников на предприятия строительства, промышленности, сферы обслуживания.

Привлеченным в Москву работникам по лимиту существенно недоплачивалась зарплата. Это компенсировалось предоставлением через определенный срок (обычно от пяти до пятнадцати лет) квартиры в спальном районе. В результате из-за комплектования рабочих мест по лимиту за низкую зарплату у коренных жителей Москвы снижался уровень зарплат. Приток лимитчиков, которые в культурно-образовательном отношении уступали коренным жителям столицы, подрывал уровень культуры подрастающих поколений Москвы. Парадоксально, что вместо того, чтобы нести культуру на села и в малые города, поднимая тем самым культурно-образовательный уровень населения, жители Москвы сами захлестывались волнами лимитчиков, снижающих общий уровень культуры.

Привлечение лимитчиков постепенно развивало процесс культурной деградации населения. Представляя собой активную и динамичную часть рабочей силы, лимитчики переезжали в Москву, способствуя запустению сел. Многие москвичи вместо того, чтобы работать на производстве и

внедрять передовые технологии, все больше стали концентрироваться в непроизводственной сфере. Боясь потерять право на получение квартиры в Москве, лимитчик терпел произвол со стороны администрации, что создавало морально-психологический климат деспотизма, который проецировался на все общество.

Постепенно в перенаселенной Москве ухудшалась экологическая обстановка, которая влияла на ухудшение здоровья населения Москвы. Демографическая ситуация, вызванная перенаселением Москвы, ухудшала условия жизни. Избыточный рост населения столицы замедлял разрешение жилищного вопроса. Московские власти привлекали все новые дополнительные контингенты лимитчиков. Поэтому не демографическая ситуация определяла положение с трудовыми ресурсами столицы, а, скорее наоборот, экстенсивное развитие экономики негативно влияло на демографическое развитие Москвы.

Такая политика приводила к размыванию культурных стандартов и наполнению городского образа жизни несвойственными ему стереотипами сельского общения и социального поведения. Далеко не безобидными оказались такие социокультурные противоречия, так как они вели к снижению потребительского стандарта. И даже сейчас, в XXI в. неразвитость сервисной и бытовой инфраструктуры, «неизолированное» жильё и полудеревенские коммунальные стандарты составляют определенный пласт социальной реальности столичного существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришин В.В. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1979. 654 с.
2. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн. 2: От великой победы до наших дней. М.: Алгоритм, 2001. 467 с.
3. Пленум МГК КПСС // Московская правда. 1986. 20 июля.
4. СССР: демографический диагноз. М.: Прогресс, 1990. 696 с.
5. Хорев Б.С., Ромашкин В.И. Демографические проблемы Москвы // Городское хозяйство Москвы. 1975. № 6. С. 11–12.
6. Шапиро М. Почему так быстро «стареют» генеральные планы крупных городов? // Строительство и архитектура Москвы. 1986. № 11. С. 12–13.

REFERENCES

1. Grishin V.V. Izbrannye rechi i stat'i [Selected speeches and articles]. Moscow, Politizdat Publ., 1979. 654 p.
2. Kara-Murza. S.G. Sovetskaya tsivilizatsiya. Kniga 2: Ot velikoi pobedy do nashikh dnei [Soviet civilization. Book 2: From the great victory to our days]. Moscow, Algoritm Publ., 2001. 467 p.
3. Plenum MGK KPSS [The Plenum of the CPSU MGK]. In: *Moskovskaya pravda*, 1986, 20 Jul.
4. SSSR: demograficheskii diafnnoz [USSR: demographic diagnosis]. Moscow, Progress Publ., 1990. 696 p.
5. Khorev B.S., Romashkin V.I. [The demographic problem in Moscow]. In: *Gorodskoe khozyaistvo Moskvy*, 1975, no. 6, pp. 11–12.
6. Shapiro M. [Why are the master plans of major cities "ageing" so quickly?] In: *Stroitel'stvo i arkhitektura Moskvy*, 1986, no. 11, pp. 12–13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Московского института государственного управления и права;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Doctor of historical sciences, professor of the department of humanities and natural sciences, Moscow Institute of State Management and Law;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В.Н. Московские лимитчики 1960–80-х гг. как особая категория жителей столицы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 72–80.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-72-80

FOR CITATION

V. Gorlov. The Moscow Quota Workers 1960 – the 80th As Special Category of Residents of the Capital. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2018, no 1, pp. 72–80.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-72-80

РАЗДЕЛ II

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-81-90

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ: ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ВЛАСТНЫХ ЭЛИТ

Подвигин Е.А.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу зарубежных элитологических подходов. Показано, что, с одной стороны, подходы к изучению элит не противоречат, а, наоборот, органично дополняют друг друга. С другой стороны, часть подходов, возникнув на фоне критики к предшествующим теориям, всё равно сохранили с ними определённую преемственность. Автор приходит к выводу, что использование концептуального наследия разных элитологических подходов не противоречит составлению на их основе единого перечня критериев оценки деятельности государственно-властных элит.

Ключевые слова: государственно-властная элита, элитология, сравнительный метод, оценка деятельности.

COMPARATIVE ANALYSIS OF FOREIGN ELITOLOGICAL APPROACHES: THE PROBLEM OF EVALUATION CRITERIA STATE-POWER ELITE

E. Podvigin

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of foreign elitological approaches. It is shown that, on the one hand, approaches to the study of elites do not contradict, but, on the contrary, organically supplement each other. On the other hand, part of the approaches, emerging against the background of criticism of previous theories, still retain certain continuity. The author comes to the conclusion that the use of conceptual heritage of various elitological approaches does not contradict the drawing up on their basis of a single list of criteria for assessing the activities of state-power elites.

Key words: state-power elite, elitology, comparative method, efficiency assessment.

© Подвигин Е.А., 2018.

Проблемное поле

Портрет современной элиты во многом определяется набором довольно специфических составляющих генезиса данной группы: культурно-ценностных, социально-экономических, политических, образовательно-кадровых, психологических, профессионально-этических условий. От сочетания этого далеко не исчерпывающего перечня параметров зависит успешность и эффективность практик государственного управления, уровень экономического развития страны, а также степень разрешения социальных проблем в обществе. Целью работы будет исследование зарубежных элитологических подходов через призму критериев оценки деятельности государственно-властных элит, тогда как принципы сравнительного (компаративного) подхода [8, с. 27–29] кладутся в основу рабочей методологии.

Для любого исследования важна точность рабочих понятий. По этой причине обозначим, что авторская рабочая терминология будет предполагать категорию государственно-властной элиты. Важно отметить, что известное понятие «политическая элита» означает внутренне сплочённое сообщество лиц, имеющее определённый ресурсный политический потенциал [5]. Категория «политическая элита» отсылает к самым разным группам – избранным депутатам, назначаемым чиновникам из сферы государственного и муниципального управления. Следовательно, выбор термина «государственно-властная элита» вовсе не отвергает это общепринятое политологическое понятие, а преследует задачу уточнить проблемное поле научного анализа, направленного именно на

властную группу, официально связанную с государством, государственной службой, ответственной за управленческие решения, а не с оппозицией и политической контрэлитой. С другой стороны, в академической среде применяется и такая близкая категория как «административно-политическая элита», встречающаяся в трудах представителей отечественной Ростовской элитологической школы, докторов политических наук А.М. Старостина и А.В. Понеделкова [14, с. 86–98]. Но этот термин лучше подходит для изучения элит в рамках структурно-функционального подхода. Настоящее исследование также не игнорирует опыт вышеназванных авторов, но всё же больше ориентировано на учёт целого комплекса методологических решений, связанных с критериями оценки элиты.

Теоретической основой применения избранной терминологии «государственно-властной элиты» являются работы зарубежных и российских политологов: во-первых, это предположение профессора Калифорнийского университета в Санта-Крузе Дж. Домхоффа о сути государства как особой политической корпорации, где признаком элитности выступает принадлежность к этой системе по типу закрытого клуба, часто связанного не только профессиональными, но и родственными узами; во-вторых, это исследования О.В. Гаман-Голутвиной, признающей деление политической элиты на официальные группы (исполнительная и законодательная бюрократия, государственные и муниципальные служащие, непосредственно связанные с властью) и неофициальные группы (лидеры и профессиональные политики, не за-

нимающие посты во властных структурах) [5]; в-третьих, это труды З.З. Шугуновой, отдельно рассмотревшей в своей диссертации проблемы парламентского оформления интересов как государственно-властной элиты, так и политической оппозиции в России [18]. Также в последующих работах автор намерен связывать выявленные критерии оценки деятельности государственно-властной элиты с индексами государственной успешности [19].

Уточнение проблемного поля с уровня политической элиты до уровня государственно-властной элиты также подчинено не просто задаче сравнительного анализа существующих зарубежных элитологических подходов, а именно выявлению критериев оценки эффективности функционирования представителей элит. Такая процедура основывается на авторской гипотезе о том, что междисциплинарный принцип и сравнительный (компаративный) метод помогут: во-первых, обнаружить важнейшие критерии оценки деятельности государственно-властных элит, и, во-вторых, в последующих исследованиях разработать комплекс рекомендаций по повышению эффективности их работы. Очень условно наиболее распространённые элитологические подходы можно разделить на: классовый, цивилизационный, элитистский, качественный, функциональный, институциональный, психологический, сетевой и системный. Постараемся понять их лучше в сравнении.

Соцветие элитологических подходов

Классовый подход анализа элит полностью опирается на марксистское наследие и исходит из существования

политического неравенства, тесно связанного с экономической пропастью между различными социальными группами. Конечно, К. Маркс и Ф. Энгельс не выделяли какой-либо государственно-властной или политической элиты в своих трудах, однако они описывали класс буржуазии, владеющий капиталом и частной собственностью на средства производства и противостоящий в своей политике классу пролетариата. На это указывает в своей монографии и социолог О.В. Крыштановская [10, с. 25–30]. Согласно марксистскому постулату, для достижения социальной справедливости необходимо уничтожить буржуазию как господствующий класс, но это возможно только при условии исчезновения капитала, который, в свою очередь, зиждется на принципе наёмного труда. Последний невозможен без постоянной конкуренции рабочих между собой. Отсюда Маркс предлагает решение, изложенное в «Манифесте Коммунистической партии» [12, с. 8–21], – буржуазию и капиталистический строй можно реально уничтожить только при условии консолидации рабочих в мощный класс, нацеленный на борьбу против института частной собственности.

Казалось бы, какое отношение такой радикальный подход имеет к оценке эффективности элиты? Но, несмотря на отрицание буржуазии как правящей группы (современным языком – элиты), марксисты всё же предполагали господство пролетариата, источником которого, по их мнению, было «движение огромного большинства в интересах огромного большинства» [12, с. 19]. Иными словами, даже прямо не говоря об элите, марксисты видели

в качестве критерия эффективности правящего слоя уровень его социальной ориентации (направленности). Стоит заметить, что классовый подход не исчез, а продолжил развиваться в рамках неомарксизма. К примеру, А. Грамши в «Тюремных тетрадах» предположил, что власть класса держится не только на экономическом и силовом господстве, но и на гегемонии [6, с. 149, 458] в интеллектуальной сфере, достигающейся с помощью поддержки со стороны интеллигенции, разделяющейся на традиционную (прежнюю, сохраняющую историческую память) и органическую (новую, создаваемую классом и всецело от него зависимую). Получается, что неомарксизм заложил основы нескольких критериев деятельности элиты: ценностного (аксиологического) и качественного (интеллектуального).

В итоге классовый подход стал серьёзной провокацией, вызвавший большую дискуссию в научной сфере и среди первых элитологов. Определённым контрастом на его фоне выглядит *цивилизационный* подход. Его яркий представитель О. Шпенглер в книге «Закат Европы» писал, что из-за процесса варваризации и деградации социума только у элиты сохраняется историческая миссия сбережения культурных основ цивилизации. Л.Н. Васильева верно подметила [4], что именно А. Тойнби развил цивилизационный подход, учтя наследие Н.Я. Данилевского, А. Бергсона и О. Шпенглера. Деля все общества на примитивные и цивилизационные, Тойнби видит источник динамичного развития последних именно в творческой активности элиты [15, с. 254–259]. Как видно, несмотря на разительные отличия, цивили-

зационный подход, как и классовый (в редакции Грамши) предполагает аксиологический критерий оценки элиты – ценностный код.

Элитистский подход не стоит путать с элитологическим знанием. Первый означает признание исследователем незыблемости социально-политического неравенства и существования особой правящей группы, тогда как элитологическое знание включает в себя множество подходов, в том числе оппонентов элитизма – представителей марксизма. Одни из первых элитистов (Г. Моска и В. Парэто) [13] критиковали классовую теорию и выдвигали идею о зависимости общественных и экономических отношений от правящего класса и его властных структур. Р. Михельс был не согласен с тем принципом марксизма, согласно которому большинство способно к управлению. Правда, элитисты не были однородной группой, к примеру, Ч. Миллз и Р. Арон предприняли попытку синтезировать классовый и элитистский подходы, найдя в них общее [10, с. 34–36]. Разработки данных авторов дали не только импульс анализу политической стратификации, но и заложили основу для появления новых критериев оценки государственно-властных элит – рассмотрения её уровней консолидации, открытости/закрытости по отношению обществу.

С элитистским тесно связан *качественный* подход к анализу государственно-властных элит. Одно из первых обоснований необходимости профессиональной группы правителей было предложено Платоном в его учении об идеальном государстве. Неслучайно астраханский политолог П.Л. Карабущенко отмечает значимость его

формулы селекции элит и концепции качественного (элитарного) образования [6, с. 70]. Далее Макиавелли расширил понимание профессионального правителя и создал тот портрет, который включает следующие качественные характеристики правителя элиты [11]: образованность, доблесть, выполнение своих обязанностей перед народом, прагматизм, осмотрительность, законотворческая активность. Мощный импульс развитию качественного подхода дали сочинения немецкого учёного М. Вебера, обосновывающего роль статуса и идею «рациональной бюрократии» [10, с. 37–38], отвечающей таким качествам как высококвалифицированный труд, иерархия, система стандартов работы, независимость должностных обязанностей от их исполнителей, профессиональный отбор кадров. Хотя вызвавшая большой энтузиазм в научных кругах теория на деле так и осталась идеалом. Некоторую подпитку качественному подходу дали разработки Дж. Бернхэма, описавшего появление особой менеджерской элиты, сочетающей политические и экономические признаки. Близки к этой идее современные показатели эффективности KPI (Key Performance Indicator) и «формула заслуги» М. Янга (интеллект + достижения = заслуги) для оценки элиты. Правда эти меритократические идеи критикует К. Лэш, называя их пародией на демократию, выкачивающей таланты из низших социальных слоёв [7, с. 77–78]. Итак, качественный подход к анализу работы государственно-властной элиты предлагает нам критерии оценки её профессиональной компетенции, кадровой рекрутации, ротации и селекции.

Функциональный подход к изучению элиты (К. Маннгейм, Т. Парсонс, С. Келлер, Р. Патнем, Ф. Хантер) больше тяготеет к исследованию тех групп, которые принимают важные политические решения. Ряд авторов отделяют функциональный подход от структурной (позиционной) исследовательской стратегии (Р. Миллс, Т. Дай, Х. Зиглер) [1]. Необходимо отметить, что Келлер, заимствуя классификацию Парсонса, пишет о четырёх видах элиты – определяющей цели, выявляющей средства для этих целей, выражающей общественные традиции, конструирующей общую мораль [10, с. 33–34]. Последние, кстати, очень схожи с традиционной и органической интеллигенцией по Грамши. Обозначенный подход хорошо дополняет качественный и помогает выявить другие критерии оценки работы элиты – количественный уровень, а также уровень функционального разделения (отсутствия/наличия дублирования функций и обязанностей).

З. Фрейда, Э. Фромма и Б. Скиннера можно отнести к представителям *психологического* подхода в изучении государственно-властной элиты. Первый полагал, что элитная группа возникает по причине существования феномена эмоций. Также Фрейд пытался показать, что элита выстраивает свою власть в обществе, используя так называемый «эффект тоски по отцу» – потребность простых людей в авторитете. Внёсший в существенный вклад в направление бихевиоризма Скиннер имеет довольно специфический взгляд на проблему элиты, предлагая создание общества посредством «поведенческой инженерии» [3, с. 132–140]. Вместо философов-правителей Пла-

тона он возлагает большие надежды на неких «психологов-правителей». По его мнению, программируя жизнь индивидов, можно искоренить антисоциальные действия. Обозначенный подход не лишён своих недостатков, так как он часто игнорирует роль социально-культурных и других факторов существования элиты. Тем не менее психологические наработки обеспечивают понимание такого критерия оценки деятельности государственно-властной элиты, как её имидж и отношение к нему общественности.

Г. Лассуэл, придерживаясь *институционального* подхода, в некотором плане развил психологическое направление в элитологических исследованиях. Выведя правило зависимости стремления человека к благам через институции посредством ресурсов, он не только выделил восемь благ и институций (власть, наука, бизнес, семья, здравоохранение и т. п.), но и определил соответствующие им элиты, обладающие этими самыми благами [2, с. 167]. Определяя элиту довольно широко, Лассуэл всё же исключает из неё политическую оппозицию. Итогом институционального анализа элиты по Лассуэлу должна являться «концептуальная карта», отражающая, какие сообщества представляют элиты и продуктами каких групп и классов они являются. Такого рода подход вполне объясняет роль ещё одного важного критерия оценки работы государственно-властной элиты – уровня её ресурсного обеспечения и уровня затрат общества на саму элиту.

С идеями Лассуэла немного переосмысливается *сетевой* подход (М. Кастельс, Дж. Урри). Так, Кастельс выдвинул гипотезу сетевого общества, которая

по-своему объясняет природу элитных групп [9, с. 386–387]. Учёный пишет, что чем более демократичными становятся институты (благодаря интернет-коммуникациям, глобализации, цифровой эпохе), тем более четче элиты вынуждены отдаляться от масс, ограждая себя от серьёзного проникновения представителей гражданского общества в закрытый сегмент формирования и принятия политических решений. Элиты приспособляются к новым сетевым условиям и превращаются в замкнутые узлы на магистралях основных информационных потоков. Британский учёный Урри же заявил, что современная социологическая наука должна изучать не общества, а мобильности [16, с. 368–369]. Урри развивает идеи Кастельса и отмечает появление признаков «кинетической элиты» – группы, своей высокой мобильностью напоминающей неких новых номадов, «отсутствующих помещиков». Сетевой подход приоткрывает завесу над проблемой такого критерия оценки государственно-властной элиты как её идентичность, сетевая готовность и медийная активность.

Известен также *системный* подход к анализу элиты (Г. Саймон, Р. Лайкерт, Н. Луман). В своих работах Саймон презентовал модель организации, где работа должна мотивироваться стремлением привнести личный вклад в эффективность общего дела. Это, по его мнению, сводит роль применения авторитета лишь к корректировке управленческого процесса. Он также выявил взаимосвязь между числом прямых подчинённых и количеством различных уровней управления (чем больше управленческих уровней, тем меньше должен быть диапазон контро-

ля). Лайкерт предложил концепт стилей управления, определив, что ориентированный на подчинённых лидер будет стремиться им же делегировать свои полномочия и создавать комфортные условия для выполнения задач [17]. Луман же, в работе «Власть», пытался доказать, что любая система (в том числе и элита) способна формировать и воспроизводить себя и собственные части. Названные концепты позволяют понять значение довольно специфических критериев оценки деятельности государственно-властной элиты («уровень доверия», «характер подчинённости», «модель коммуникации»).

* * *

Из сравнительного анализа зарубежных элитологических подходов становится ясно, что теоретические наработки их ведущих представителей помогают выявить конкретные критерии оценки деятельности государственно-властной элиты. Широкий диапазон обнаруженных критериев показал всю сложность данного проблемного поля. Компаративный метод позволяет сделать несколько предварительных выводов. Во-первых, существующие подходы к исследованию

элиты нацелены на глубокое изучение какой-либо одной черты, стороны этого явления. Но, во-вторых, многие элитологические подходы не противоречат, а органично дополняют друг друга. Подобная ситуация имеет в своей основе несколько причин. Например, ряд подходов тесно связаны с предыдущими через своих представителей, которые практиковали междисциплинарный подход (как сторонник институционального направления, Лассуэл развивал некоторые положения психологического подхода, качественный подход использует достижения элитистов, тогда как сетевые исследования того же Кастельса в некотором отношении пересекаются с идеями Лассуэла). Другая группа подходов возникла в ходе критики предыдущих элитологических теорий (например, элитизм во многом возник как реакция на марксистское учение). Следовательно, в-третьих, логичен следующий вывод – использование концептуального наследия разных элитологических подходов не противоречит составлению на их основе единого перечня критериев оценки деятельности государственно-властных элит.

Итак, какие же это критерии? Сведём их в одну таблицу.

Таблица

**Критерии оценки деятельности государственно-властной элиты
на основе базовых подходов**

Критерии оценки элиты	Элитологические подходы								
	классовый	цивилизационный	элитистский	качественный	функциональный	психологический	институциональный	сетевой	системный
социальная ориентация									
ценностный код, идентичность									
открытость/закрытость по отношению к обществу									
селекция, рекрутация, ротация кадров									
количество и уровень элитной консолидации									
ресурсное обеспечение и затраты общества на элиту									
профессиональная компетенция									
разделение функций и обязанностей									
имиджевый портрет									
отношение общественности									
медийная активность и сетевая готовность									
модель коммуникации									

Из таблицы видно, что больше всего концептуальной основы для определения критериев оценки деятельности государственно-властной элиты дают несколько сложившихся подходов в элитологии: системный, классовый и качественный (см. Таблицу). Объем статьи не позволяет более подробно раскрыть характер выявленных критериев. Но автор намерен это сделать в других своих научных работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.В., Рыбина М.В. К вопросу о методиках выявления политической элиты современной России // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2012. Т. 3. № 2(14). С. 135–138.
2. Алюшин А.Л. Гарольд Лассуэлл о природе политической реальности // Полис. Политические исследования. 2006. № 5. С. 158–170.
3. Ашин Г.К. Курс истории элитологии. М.: МГИМО. 2003. 302 с.
4. Васильева Л.Н. Элитологическая онтология. М.: Социум. 2014. 372с.
5. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (I) // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 6–19.

6. Грамши А. Избранные произведения. Т.3: Тюремные тетради. М.: Изд. ин. литературы. 1959. 369 с.
7. Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия / Под ред. Я.А. Пляйса. М.: РОССПЭН. 2010. 215 с.
8. Егоров В.Г., Абрамов А.В., Федорченко С.Н. Сравнительная политология постсоветского пространства. М.: КНОРУС. 2015. 412 с.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 2000. 609 с.
10. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров. 2005. 384 с.
11. Макиавелли Н. Государь. СПб.: Азбука-классика. 2008. 272 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М.: Гос. изд. политической литературы. 1953. 636 с.
13. Парето В. Трансформация демократии. М.: Территория будущего. 2011. 207 с.
14. Понеделков А.В., Старостин А.М. Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // Полис. Политические исследования. 2008. № 6. С. 86–98.
15. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Прогресс. 1991. 737 с.
16. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис. 2012. 576 с.
17. Федорченко С.Н. Современные технологии политического менеджмента. М.: ИНФРА-М. 2016. 200 с.
18. Шугунова З.З. Политическая динамика современных российских парламентских партий: дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2004. 141 с.
19. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Строганова С.М. Качество и успешность государственных политик и управления. М.: Научный эксперт. 2012. 496 с.

REFERENCES

1. Abramov A.V., Rybina M.V. [To the question of methods of revealing of the political elite of modern Russia] In: *Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta MAMI*, 2012, vol. 3, no. 2 (14), pp. 135–138.
2. Alyushin A.L. [Harold Lasswell about the nature of political reality] In: *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2006, no. 5, pp. 158–170.
3. Ashin G.K. *Kurs istorii elitologii* [A course in the history of elitology]. Moscow, MGIMO Publ., 2003. 302 p.
4. Vasil'eva L.N. *Elitologicheskaya ontologiya* [Elitological ontology]. Moscow, Sotsium Publ., 2014. 372 p.
5. Gaman-Golutvina O.V. [Regional elites of Russia: composition and evolutionary trends (I)] In: *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2004, no. 2, pp. 6–19.
6. Gramshi A. *Izbrannye proizvedeniya. T. 3: Tyuremnye tetradi*. [Selected works. Vol. 3: Prison notebooks]. Moscow, Izd-vo inostrannoi lit., 1959. 369 p.
7. *Demokratiya. Vlast'. Elity: Demokratiya vs elitokratiya* [Democracy. Authority. Elites: Democracy vs elitocracy]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 215 p.
8. Egorov V.G., Abramov A.V., Fedorchenko S.N. *Sravnitel'naya politologiya postsovetского prostranstva* [Comparative politics of the post-Soviet space]. Moscow, KNORUS Publ., 2015. 412 p.
9. Kastel's M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture]. Moscow, GU VSHE Publ., 2000. 609 p.
10. Kryshstanovskaya O. *Anatomiya rossiiskoi elity* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow, Zakharov Publ., 2005. 384 p.

11. Makiavelli N. Gosudar' [The sovereign]. SPb., Azbuka-klassika Publ., 2008. 272 p.
12. Marks K., Engel's F. Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh. T. 1. [Selected works in two volumes. Vol.1]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1953. 636 p.
13. Pareto V. Transformatsiya demokratii [The transformation of democracy]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2011. 207 p.
14. Ponedelkov A.V., Starostin A.M. [Regional administrative-political elites of Russia: past, present, future] In: *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2008, no. 6, pp. 86–98.
15. Toinbi A.Dzh. Postizhenie istorii [A study of history]. Moscow, Progress Publ., 1991. 737 p.
16. Urri Dzh. Mobil'nosti [Mobilities]. Moscow, Praxis Publ., 2012. 576 p.
17. Fedorchenko S.N. Sovremennye tekhnologii politicheskogo menedzhmenta [Modern technologies of political management]. Moscow, INFRA-M Publ., 2016. 200 p.
18. Shugunova Z.Z. Politicheskaya dinamika sovremennykh rossiiskikh parlamentskikh partii: dis. ... kand. polit. nauk [The political dynamics of contemporary Russian parliamentary parties: Thesis ... PhD. of Polit. Sciences]. Rostov n/D, 2004. 141 p.
19. Yakunin V.I., Sulakshin S.S., Bagdasaryan V.E., Orlov I.B., Stroganova S.M. Kachestvo i uspehnost' gosudarstvennykh politik i upravleniya [The quality and success of public policies and management]. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2012. 496 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Подвигин Евгений Александрович – соискатель кафедры государственной политики МГУ им. М.В. Ломоносова;
e-mail: podvigin-e@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Podvigin – competitor for an academic degree of the Department of State Policy, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: podvigin-e@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Подвигин Е.А. Сравнительный анализ зарубежных элитологических подходов: проблема критериев оценки деятельности государственно-властных элит // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 81–90.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-81-90

FOR CITATION

E. Podvigin. Comparative Analysis of Foreign Elitological Approaches: The Problem of Evaluation Criteria State-Power Elite. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 1, pp. 81–90.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-81-90

УДК 32.019.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-91-99

О ПРОБЛЕМАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рудаков А.В.

*Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
603950, г.Нижний Новгород, пр.Гагарина, 23, Российская Федерация*

Аннотация. Применен аксиологический подхода к анализу направлений и сфер государственной политики по обозначенной теме. В результате сопоставительного анализа актуального законодательства, исследований молодежной политики и работ современных российских философов, автор формулирует идеологию и сущностное наполнение мероприятий государственной политики в сфере патриотического воспитания. Им, по мнению автора, должно являться формирование цивилизационной составляющей российской идентичности. Последнее подразумевает осознание себя молодым поколением России как граждан не только российского государства, но и русского (российского) мира как цивилизационной общности, олицетворяющей принципы соборности и солидарности. Основой для реализации такой политики должна стать системная деятельность государства, направленная на активизацию всех элементов культурного комплекса с целью создания информационной и символической среды, в которой формируется и укрепляется ценность патриотизма. Среди первоочередных автором определяются меры, направленные на расширение практик использования концепции деятельного патриотизма в условиях информационного контекста культурной жизни.

Ключевые слова: стратегическое планирование, национальное самосознание, традиционные ценности, институты культуры, историческое сознание, цивилизационная идентичность.

THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE STATE POLICY IN THE FIELD OF PATRIOTIC EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

A. Rudakov

*Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
23, Gagarina prospect, Ni nij Novgorod, 603950, Russia*

Abstract. The axiological approach to studying the stated issue is used. The result of the comparative analysis of the actual legislation, youth policy and modern Russian philosophers' works is in the author's ideology and content interpretation of the state policy in the sphere of patriotic upbringing. The author considers it to be the formation of civilization component of the Russian identity. The latter implies the young Russians to perceive themselves not only as the citizens of the Russian state but the citizens of the Russian world as a civilization community which

embodies the unity and solidarity principles. The basis for realizing such policy should be the systemic activities of the state, aimed at making all the elements of the cultural complex active. The aim of it is to form the informational and symbolic environment where the value of patriotism is formed and strengthened. Among primary measures the author mentions those aimed at widening the practice of using the concept of active patriotism in the conditions of informational context of cultural life.

Key words: strategic planning, national self-consciousness, traditional values, cultural institutions, historical consciousness, civilization identity.

С начала 2000-х гг. деятельность государственных органов и учреждений на всех уровнях власти, в компетенцию которых входят вопросы патриотического воспитания стала заметно усиливаться. На уровне экспертного сообщества, органов власти категория патриотизм все чаще трактуется как «своего рода идеологический фундамент общественного и государственного здания, нравственно-политическая опора его жизнеспособности, одно из основных условий эффективного функционирования всей системы социальных и государственных институтов» [6, с. 16].

С 2001 г. начали действовать государственные программы в области патриотического воспитания. Действующая в настоящее время программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»¹, фактически получила статус главного инструмента реализации политики на федеральном уровне. С 2012 г. в Администрации Президента Российской Федерации начало работу Управление Президента Российской Федерации по общественным проектам, в компетенцию которого входит совершенствование государственной политики в области патриотического воспитания.

¹ Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493.

Значительная часть полномочий в рассматриваемой области была постепенно закреплена за федеральными министерствами, такими, как: Министерством обороны, Министерством связи и массовых коммуникаций, Федеральным агентством по делам национальностей, Федеральным агентством по делам молодежи, Российским военно-историческим обществом. Более 60 % средств федерального бюджета на реализацию государственных программ в области патриотического воспитания стало направляться Министерством образования и науки, и культуры [10, с. 167].

К настоящему времени органами власти и управления накоплен значительный опыт в сфере разработки и реализации разного рода документов в области патриотического воспитания граждан. Это касается как долгосрочных стратегий в области патриотического воспитания, концепций реализации государственной молодежной политики, так и программ и решений на уровне министерств и ведомств.

Несмотря на значительное количество документов в области патриотического воспитания граждан, используемых в различных государственных ведомствах, перспективы совершенствования политики государства связаны с достижением ситуации концептуального единства и согласованности

всей совокупности концепций, стратегий и программ. В значительной мере успех в решении указанной задачи может зависеть от перспектив разработки основополагающего документа стратегического планирования в рассматриваемой области в рамках целеполагания на федеральном уровне и принятого надлежущим органом государственной власти. Очевидно, что подобного рода документ должен предусматривать некую единую общенациональную модель работы с молодежью, унифицированные подходы к кадровому обеспечению молодежной политики, регламентированные механизмы координации работы по патриотическому воспитанию граждан в масштабах страны [3, с. 68].

В настоящее время на региональном уровне и в муниципалитетах вопросами патриотического воспитания занимаются самые разные подразделения органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, отличающиеся не только по наименованию, но и функциям, привлеченным к реализации всех сил и средств. Мероприятиями, утвержденными основными регламентирующими документами на федеральном и региональном уровнях, не охватываются широкие слои населения страны; неблагополучная часть молодежной среды, как правило, оказывается заведомо вне реализуемых мероприятий. В частности, противоречивую картину представляют данные, полученные в ходе всероссийских социологических опросов, свидетельствующих, с одной стороны, о росте патриотических настроений среди российских граждан, но при этом отмечающих крайне низкую ох-

ваченность населения мероприятиями в сфере патриотического воспитания (лишь 2% опрошенных ответили об участии в мероприятиях патриотической направленности) [7].

К основным причинам «пробуксовывания» политики в сфере патриотического воспитания граждан можно отнести следующие:

- зачастую патриотическая работа заменяется бюрократической имитацией, при этом заложенные на них бюджетные средства используются нецелевым образом;

- избираемые методы патриотического воспитания часто не адекватны времени и не ориентированы на мировоззрение современного молодого поколения;

- сложности с патриотическим воспитанием связаны с общей дезориентацией общественного сознания россиян и неопределенностью объекта патриотизма [1, с. 146–147].

В ситуации, когда для субъектов, реализующих политику в области патриотического воспитания, содержательные элементы патриотизма остаются концептуально не определенными, формируются предпосылки для спекуляций, подмены идей, дискредитации и размывания самого понятия «патриотизм». В этой связи одной из главных задач на пути совершенствования политики государства в области патриотического воспитания является формирование сущностного содержания, идейной базы, транслируемой на общество [9]. Именно эта база может позволить обеспечить «формирование национального самосознания, ценностного отношения к личности, обществу, государству, к идеям и ценностям их возрождения и развития;

приобщение подрастающего поколения к системе социокультурных ценностей, отражающих богатство и своеобразие истории и культуры Отечества, народа, формирование у него высоких духовно-нравственных и культурных ценностей и ориентаций, потребности в их дальнейшем развитии»¹.

Общепризнанная система ценностей и представления о прошлом являются основополагающими факторами укрепления патриотизма в общественном сознании. Вместе с тем «патриотизм» как ценность сложен по структуре и по своим проявлениям, и вся его сложность, как зеркало, отражает сложность и противоречивость реального политического процесса и социальных отношений [2]. В связи с вышеотмеченным, в работе исследователя политики в области патриотического воспитания наиболее востребованными оказываются научные подходы, изучающие аксиологические аспекты формирования и эволюции общественного сознания, а также механизмы укрепления, трансформации или деструкции исторической памяти.

Ценность аксиологического подхода по отношению к проблемам разработки политики в области патриотического воспитания обуславливается тем, что именно он призван ответить на вопрос о том, каким образом могут решаться стратегические задачи «усиления культурной гравитации российской традиционной системы ценностей, развития долговременного перспективного видения ее простран-

ственных, геокультурных образов» [5]. Каковы механизмы и инструменты трансляции традиционных ценностей в культурном и информационном пространствах России.

В настоящее время, по мнению специалистов, в целях научного обеспечения политики государства в сфере патриотического воспитания граждан необходима реализация ряда исследовательских задач, среди которых особо важно [8]:

- выявить ценности, которые готово идентифицировать как свои большинство граждан российского государства;

- определить место патриотизма в общенациональной системе ценностей;

- оценить ресурсы, которыми обладает государство и общество в решении задачи преодоления деструктивных деформаций ценностной матрицы общественного сознания;

- исследовать возможности реализации политики трансляции в обществе ценностей, создающих основу для социальной солидарности (при этом необходимо руководствоваться принципом создания не проективно-абстрактного, а понятного образа будущего, который соответствовал бы глубинным представлениям русского народа об общественном благе, социальной справедливости и национальной безопасности).

Именно аксиологические подходы по определению должны содержать в себе обоснование глубинной взаимосвязи ценности патриотизма и качества *институтов культуры*. В настоящее время значительным положительным достижением можно назвать принятие в декабре 2014 г. «Основ государствен-

¹ См.: Приложение к Постановлению Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 16.04.2015 г. № 42-6 «О патриотическом воспитании (модельный закон)».

ной культурной политики»¹, в которых понятию культуры и соответствующей сфере государственной политики придан качественно новый концептуальный импульс для развития – сфера культуры рассматривается как часть коллективной идентичности россиян, важнейшая составляющая информационной безопасности российского общества. Основы государственной культурной политики должны послужить фундаментом для реализации «Стратегии государственной культурной политики» на период до 2030 года»².

Именно научный анализ должен дать ответ на вопрос о механизмах запуска процесса восстановления широкого слоя российской культурной элиты. Одной из черт этого механизма может являться целенаправленное сотрудничество «носителей культуры» с государственными институтами и экономически состоятельной, национально ориентированной и реалистически мыслящей частью общества, прежде всего с крупным бизнесом и общественными организациями. Деятельность культурной элиты должна протекать во всех общественных сферах, слоях и группах. Одна из главных задач ее – стать субъектом общественных перемен.

Эта элита должна разделять и быть носителем общенациональных ценностей, традиции, идентичности. Она должна быть способна предъявить обществу образцы поведения и деятельности во всех сферах экономики, политики, науки, искусства, образования и т. д.

¹ Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808.

² Утверждены Распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р.

В рассматриваемой сфере политики существует ряд актуальных проблем, от решения которых зависят перспективы ее совершенствования в обозримом будущем.

Одной из проблем является инерционность политики государства в сферах, непосредственно влияющих на состояние массового сознания (патриотическое воспитание, информационная политика, политика памяти и некоторые другие). Под инерционностью подразумевается ситуация, в которой не происходит генерации новых смыслов, привносимых вбрасыванием в информационное поле страны или отдельных регионов, тех или иных исторических сюжетов, событий, а также используются привычные для обывательского сознания подходы к их распространению в средствах массовой коммуникации. Воспитание патриотизма предполагает формирование определенного комплекса образов – примеров для подражания и для тиражирования в информационном пространстве и культивирования в культурном поле страны. Очевидно, что в этот комплекс, помимо выдающихся полководцев, чьи образы достаточно активно используются в медийных проектах федеральных СМИ, необходимо поместить государственного деятеля, предпринимателя, ученого, педагога, рабочего, студента и т.д. Таким образом, потенциал ценности патриотизма можно будет актуализировать в широком спектре сфер жизни социума.

В настоящее время ограниченно используется концепция деятельного патриотизма при формировании информационного контекста медийной и культурной жизни общества, как стимул к улучшению жизни коллектива,

к участию в коллективной деятельности [4]. Отсутствует информационная стратегия преодоления доминирования в общественном сознании индивидуалистических установок как одной из ключевых проблем и, одновременно, причин девальвации ценности патриотизма.

Важная проблема – несистемность работы органов власти и управления в области укрепления патриотизма и исторической памяти и зачастую – непонимание целей, задач и механизмов реализации подобного рода задач.

Кроме этого, политика патриотического воспитания не в полной мере обеспечивает ее главную функцию – функцию интеграции массового сознания, *преодоления фрагментированности разорванности исторического сознания современного российского общества* [11, с. 122]. Преодоление разорванности исторической памяти, в частности, подразумевает утверждение в массовом сознании таких постулатов, как: советский период – неотъемлемая часть русской истории; отказ от советской идентичности равен отказу от русской истории; советский период истории не был случайным и т. п. Укрепление ценности патриотизма находится в прямой зависимости от окончательной признанности российским обществом, правящим классом России, ее элитой неразделенности советского и русского, а также от перспектив такой позитивной трансформации общественных представлений, когда «русский» и «православный» начнут восприниматься как синонимы, а русская православная ментальность – как та идентичность, вариантом и частью которой в условиях XX в. стала идентичность советская.

Важным фактором эффективности мероприятий государственной политики в сфере патриотического воспитания является то, в фарватере какой идентичности рассматривается и укрепляется патриотизм. Учет российской культурно-исторической специфики позволяет говорить о том, что идеологией и сущностным наполнением мероприятий, предусматриваемых государственной политикой в сфере патриотического воспитания, должна являться не столько национальная (гражданская) идентичность, сколько ее цивилизационной составляющая. Основной задачей является формирование в среде молодого поколения осознания себя как гражданина не только российского государства, но и русского (российского) мира как цивилизационной общности, олицетворяющей принципы соборности и солидарности. Внутри этой общности находятся верующие и неверующие, не только этнические русские, но и другие этносы и конфессии, включая мусульман – это части в составе целого, интегрального целого [12].

Очевидно, что политика в области патриотического воспитания должна быть нацелена на реализацию сложной и долгосрочной стратегии. Она должна включать в себя проблемы семейного воспитания, укрепления исторического сознания, проблемы более широкого использования в идеологической и воспитательной работе символической и обрядовой стороны, преодоление недооценки их значимости, разумного сочетания местной, региональной и общегосударственной символики. Кроме этого, ее важным аспектом является проблема становления и укрепления патриотизма в

среде политической и экономической элиты.

Укрепление патриотизма в условиях современной России не может осуществляться только лишь мерами государственного воздействия, оно должно подразумевать и меры, включающие активизацию всех элементов культурного комплекса. Политика в сфере патриотического воспитания граждан в концептуальных своих основах должна являться политикой, направленной на преодоление раскола российского общества, возвращение в актуальный дискурс российской куль-

туры, медийного и образовательного пространств соединенных ценностей справедливости и традиции. Она призвана защищать традиционную систему ценностей, способствовать формированию и укреплению идентичности российского народа. основополагающими задачами этой политики должно стать преодоление процесса эрозии общенациональных ценностей, релятивизма, карнавализации важных идей и символов, нивелирования символического пространства общества как той среды, в которой формируется и укрепляется ценность патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.В. Российский патриотизм: история и современность. М.: МГОУ, 2016. 184 с.
2. Вилков А.А., Колесников К.Ю. Особенности предметного пространства политологического анализа патриотизма // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 1. 10 с. Doi:10.18384/2224-0209-2015-1-629.
3. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: Перспектива, 2016. 166 с.
4. Неверов А.Я. К вопросу о необходимости определения вектора дальнейшего развития современного российского общества // Вестник Костромской государственной академии имени Н.А. Некрасова. 2016. №4. С. 188–191.
5. Неклесса А.И. Сердце тьмы: травматическая инклюзия // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2 (34). С. 280–295.
6. Панкратов С.А., Тельнова Н.А. Специфика гражданской идентичности в условиях политической модернизации России // Известия Саратовского университета. Новая серия: Социология. Политология. 2012. Т. 12. Вып. 4. С. 13–17.
7. «Россиянин года» – как воспитать патриота? (06.06.2007) // ВЦИОМ [официальный сайт]. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=6326> (дата обращения: 20.01.2018).
8. Сургуладзе В.Ш. Нужна ли обществу идеология? // Обозреватель-Observer. 2014. № 10 (297). С. 48–55.
9. Сургуладзе В.Ш. Социальный климат и уровень общественного самосознания – важные факторы экономического развития // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 6. С. 225–228.
10. Сургуладзе В.Ш. Стратегическое государственное планирование и актуальные проблемы реализации политики в области патриотического воспитания граждан в Российской Федерации // Патриотическое воспитание молодежи в Российской Федерации: состояние, актуальные проблемы и направления развития. Сборник материалов «круглого стола», 21 мая 2015 года. М.: Издание Совета Федерации, 2015. С. 163–180.
11. Щипков А.В. До и после политики. М.: Пробел-2000, 2016. 132 с.
12. Щипков А.В. Похищение русской идентичности // Плаха. 1917–2017: сборник статей о русской идентичности. М.: Пробел-2000, 2015. С. 3–40.

REFERENCES

1. Abramov A.V. Rossiiskii patriotizm: istoriya i sovremennost' [Russian patriotism: history and modernity]. Moscow, MGOU Publ., 2016. 184 p.
2. Vilkov A.A., Kolesnikov K.Yu. [Features of the subject space of political analysis of patriotism]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)*, 2015, no. 1. 10 c. Doi:10.18384/2224-0209-2015-1-629.
3. Zubok Yu.A., Rostovskaya T.K., Smakotina N.L. Molodezh' i molodezhnaya politika v sovremennom rossiiskom obshchestve [Youth and youth policy in contemporary Russian society]. Moscow, Perspektiva Publ., 2016. 166 p.
4. Neverov A.Ya. [To the question of the need to determine the vector of further development of modern Russian society]. In: *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, 2016, no. 4, pp. 188–191.
5. Neklessa A.I. [Heart of darkness: traumatic inclusion]. In: *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2015, no. 2 (34), pp. 280–295.
6. Pankratov S.A., Tel'nova N.A. [The specifics of civil identical in terms of political modernization of Russia]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 2012, t. 12., no. 4, pp. 13–17.
7. «Rossiyanin goda» – kak vospitat' patriota? (06.06.2007) ["Citizen of the year" how to raise a patriot?]. In: *VTSIOM* [Official site.]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=6326> (accessed: 20.01.2018).
8. Surguladze V.Sh. [Does the society need ideology?]. In: *Obozrevatel'-Observer*, 2014, no. 10 (297), pp. 48–55.
9. Surguladze V.Sh. [Social climate and the level of public consciousness – important factors of economic development] In: *Problemy natsional'noi strategii*, 2014, no. 6, pp. 225–228.
10. Surguladze V.Sh. Strategicheskoe gosudarstvennoe planirovanie i aktual'nye problemy realizatsii politiki v oblasti patrioticheskogo vospitaniya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii [Strategic state planning and actual problems of policy implementation in the field of patriotic education of citizens in the Russian Federation]. In: *Patrioticheskoe vospitanie molodezhi v Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie, aktual'nye problemy i napravleniya razvitiya. Sbornik materialov «kruglogo stola», 21 maya 2015 goda* [Patriotic education of youth in the Russian Federation: status, challenges and directions of development. Collected materials of the round table, May 21, 2015]. Moscow, Izdanie Soveta Federatsii, 2015, pp. 163–180.
11. Shchipkov A.V. Do i posle politiki [Before and after the policy]. Moscow, Probel Publ., 2000–2016. 132 p.
12. Shchipkov A.V. Pokhishchenie russkoi identichnosti [The kidnapping of Russian identity]. In: *Plakha, 1917: sbornik statei o russkoi identichnosti* [Scaffold, 1917: a collection of articles on Russian identity]. Moscow, Probel Publ., 2000–2015, pp. 3–40.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рудаков Анатолий Валерьевич – кандидат политических наук, главный эксперт Центра изучения проблем национальной и международной безопасности Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;
e-mail: tamgderuda@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly V. Rudakov – PhD of Political Sciences, chief expert of the Research Center for the Study of National and International Security, the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod;
e-mail: tamgderuda@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рудаков А.В. О проблемах совершенствования государственной политики в области патриотического воспитания граждан Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 91–99.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-91-99

FOR CITATION

A. Rudakov. The Problems of Development of the State Policy in the Field of Patriotic Education in the Russian Federation. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 1, pp. 91–99.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-91-99

УДК 323.2

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-100-110

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ В РОССИИ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Соловьева Т.Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. Проведено сравнение между законодательным закреплением политического плюрализма как принципа правового государства и фактической реализацией его основ в России. Согласно конституции Российская Федерация является правовым государством, в котором закреплено политическое многообразие и многопартийная система. В Российской Федерации партии делятся на правящие и оппозиционные, входящие в состав нижней палаты парламента и не входящие. Дан анализ состава политических партий Российской Федерации, источники финансирования деятельности партийной системы. Несмотря на качество программ, разработанных политическими партиями, далеко не все из них могут достойно бороться за власть. В статье сопоставлена численность должностных лиц, являющихся представителями правящих политических партий и оппозиционных. Сделан вывод о низком уровне возможности вступления в борьбу за власть для политических партий, не входящих в состав Государственной думы Российской Федерации, что нехарактерно для государств с высоким уровнем политического плюрализма.

Ключевые слова: правовое государство, политический плюрализм, политические партии, финансирование политических партий, борьба за власть.

POLITICAL PLURALISM AS ONE OF THE MAIN OF PRINCIPLES OF LAW-BASED GOVERNMENT

T. Solovieva

*Moscow Region State University
10A, Radio ul, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract. The article compares the legislative consolidation of political pluralism as a principle of the law-based state and its actual realization in Russia. According to the Constitution, the Russian Federation is a law-based state where the political variety and multiparty system is fixed. In Russian Federation parties are divided into ruling and oppositional ones, as well as into those being members of the parliament and non-parliamentary ones. The composition of the political parties in the Russian Federation and the sources of financing are analyzed. Despite the quality of the programs, developed by the political parties, not all of them are worth fighting for power. The article contrasts the quantity of the official representatives of the ruling parties with their quantity in the oppositional ones. The conclusion is made about little chances of the non-parliamentary parties to win the race for power at the elections to the State Duma of the Russian Federation, which is uncharacteristic for the states with high level of political pluralism.

© Соловьева Т.Н., 2018.

Key words: law-based government, political pluralism, political parties, financing of political parties, race for power.

Тема политического плюрализма получила широкое освещение в трудах классиков философской, правовой и политической мысли Аристотеля [15], Э. Берка [2], Г. Болингброка [3], Ф. Бэкона [4], М. Вебера [5], Т. Гоббса [7], В.И. Ленина [17], Н. Макиавелли [18], К. Маркса и Ф. Энгельса [19; 20], Р. Михельса [22], Ж.-Ж. Руссо [26], А. Токвиля [28], Д. Юма [29] и др. Разнообразные аспекты политического плюрализма, как одного из ключевых принципов правового государства, рассматриваются в трудах зарубежных политологов, таких, как А. Бентли [1], Р. Даль [8], М. Дюверже [9], Н. Кенез [30], Дж. Сартори [31]. Общие вопросы становления и развития российской многопартийности получили отражение в комплексных исследованиях российских ученых Т.И. Заславской [11], З.М. Зотовой [13], Б.А. Исаева [14], А.И. Соловьева [27] и ряда других политологов и государствоведов. В настоящее время тема политического плюрализма, многообразия и деятельности политических партий по-прежнему актуальна, ее изучают и развивают такие авторы как А.Н. Медушевский [16], Д.А. Жуковский [10], Э.А. Зелетдинова [12], Ю.Ю. Пономарева [24], О.М. Михайленок и О.Г. Щенина [21], П.Л. Попов, В.Г. Сараев, А.А. Черенев, Д.А. Галес [25], С.В. Володина [6].

Аристотель в своих рассуждениях приходит к выводу о том, что идея Платона о необходимости единства в государстве, в частности обеспечения единомыслия граждан, ошибочна, поскольку, по его мнению, если это един-

ство пойдет слишком далеко, то и само государство будет уничтожено; если даже этого и не случится, все-таки государство на пути к своему уничтожению станет государством худшим, все равно, как если бы кто симфонию заменил унисоном или ритм одним тактом [15].

Термин «политический плюрализм» впервые был применен немецким ученым, философом-просветителем, юристом, математиком Христианом фон Вольфом, который рассматривал его в качестве принципа устройства правового общества, утверждающего необходимость многообразия субъектов экономической, политической и культурной жизни общества [23, с. 14]. Определение политического плюрализма, в зависимости от контекста, в котором употребляется данный термин, обретает различное содержание. Исследуемое явление является сложным и многогранным по отношению к этимологии данного термина.

Плюрализм в общем смысле означает существование множества независимых, автономных друг от друга видов бытия, форм знания и, как следствие, мнений. Далекое не редкостью является понимание данного термина как простого разномыслия, всегда присутствующего в обществе, являющегося условием его развития. Плюрализм мнений является естественной формой человеческого бытия, без которого невозможно развитие человечества. Ведь каждый человек по-своему уникален, наделен различного уровня интеллектуальными способностями, знаниями, образованием, своим неповторимым

жизненным опытом. Следует обратить внимание на высказывание К. Маркса: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [20, с.10]. А сознание, в свою очередь, является условием формирования общественного мнения.

В нашей статье термин плюрализм будет рассматриваться в более узком смысле, так как политический плюрализм, в отличие от плюрализма идеологического (ни одна идеология не может устанавливаться в качестве обязательной, т.е. государственной), обладает другим политико-правовым значением. В самом тривиальном смысле данный термин можно понимать как закрепленную правом возможность каждого человека выражать собственные политические убеждения, которые отличаются, а временами – и противоречат государственной идеологии. Однако вероятность такого рода протеста относительно общественно значимых результатов сведена к минимуму. Как правило, это противоречие является своеобразным зрелищем, равносильным рекламе достигнутого уровня демократии. Для проявления плюрализма в политике требуются вполне определенные условия, подразумевающие под собой систему отношений и норм поведения широких масс в обществе.

Что касается законодательного закрепления плюрализма в России, то согласно ч.1 и ч. 3. ст.13 Конституции Российской Федерации, в Российской Федерации признаются идеологическое, политическое многообразие, многопартийность. Более того, согласно ч.1. ст. 1 Конституции Российской Федерации Российская Федера-

ция – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. В свою очередь, политический плюрализм является одним из основополагающих принципов любого правового государства, что является еще одним подтверждением признания политического плюрализма в ст. 13 Конституции Российской Федерации.

Согласно официальной информации Министерства юстиции Российской Федерации в настоящий момент в России зарегистрировано 69 политических партий¹. Однако при сопоставлении численности партий, их представительства во властных структурах, совокупности имеющихся технических и полиграфических средств воздействия на общественное мнение, являющихся следствием финансовых возможностей, становится очевидным факт невозможности свободной конкуренции идей, политических программ и установок. Следует обратить внимание на наиболее распространенное деление партий, в зависимости от нахождения их во властных структурах, на правящие и не правящие. В Государственной думе Российской Федерации и представительных органах субъектов Федерации действующих созывов доминирующее положение занимает фракция партии «Единая Россия» (табл. 1 и 2).

¹ См.: Список зарегистрированных политических партий в разделе «Деятельность в сфере некоммерческих организаций» на сайте Минюста РФ (<http://minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok>).

Таблица 1

Список фракций Государственной думы России 7 созыва¹

	Партия	Число депутатов	% от общей численности депутатов ГД РФ
1	Единая Россия	343	76,22 %
2	КПРФ	42	9,33 %
3	ЛДПР	39	8,67 %
4	Справедливая Россия	23	5,11 %

¹ По данным официального сайта Государственной думы (<http://www.duma.gov.ru>)

Таблица 2

Принадлежность высших должностных лиц субъектов федерации РФ к политическим партиям РФ¹

	Партия РФ	Количество высших должностных лиц – представителей партии	% от общего количества высших должностных лиц субъектов Федерации
1	Единая Россия	61	71,76
2	Беспартийные	20	23,53
3	КПРФ	2	2,35
4	Справедливая Россия	1	1,18
5	ЛДПР	1	1,18

¹ Подсчитано по перечню («Действующие главы субъектов Российской Федерации»), размещенному на сайте «Википедия».

Основными составляющими финансирования политических партий в Российской Федерации являются средства федерального бюджета, пожертвования физических и юридических лиц (табл. 3). Согласно ч. 1 ст. 33 Федерального закона «О политических партиях» государственная поддержка политических партий путем их государственного финансирования осуществляется по итогам участия политических партий в выборах в целях компенсации финансовых затрат политических партий за счет средств федерального бюджета. Согласно пп. «а» п. 6 ст. 33 Федерального закона «О по-

литических партиях», государственное финансирование политических партий, принимавших участие в выборах и подпадающих под действие пункта 5 настоящей статьи, осуществляется по результатам выборов депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации – ежегодно в размере ста пятидесяти двух рублей, умноженных на число голосов избирателей, полученных федеральным списком кандидатов, выдвинутым политической партией;

Согласно ч. 5 ст. 33 Федерального закона «О политических партиях», политические партии имеют на это

финансирование право в случае, если федеральный список кандидатов, выдвинутый политической партией на выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации, получил по результатам выборов не менее 3% голосов избирателей, принявших участие в

голосовании по федеральному избирательному округу, либо если зарегистрированный кандидат на должность Президента Российской Федерации, выдвинутый политической партией, получил по результатам выборов не менее 3% голосов избирателей, принявших участие в голосовании.

Таблица 3

**Источники финансирования политических партий
Российской Федерации в 2016 г.¹**

	Источник поступления средств	Сумма поступлений денежных средств политическим партиям, тыс.руб.					
		Партия Единая Россия	Партия КПРФ	Партия ЛДПР	Партия Справедливая Россия	Партия Яблоко	Патриоты России
1	Поступило денежных средств на осуществление уставной деятельности, всего, в т.ч.:	8230401,04	2192348,66	1354623,66	2182190,56	481347,35	104276,79
2	Вступительные и членские взносы	223911,88	99263,12	13315,44	96,53	0,00	0,00
3	Средства федерального бюджета	3560891,07	1385936,2	843096,76	956500,38	247755,97	0,00
4	Пожертвования	4283835,53	667076,84	367796,52	1193677,73	233332,74	75429,05
5	Поступления от мероприятий, проводимых политической партией, ее региональными отделениями и иными зарегистрированными структурными подразделениями	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
6	Доходы от предпринимательской деятельности	1936,29	18579,64	7485,88	278,50	0,00	0,00
7	Поступления от гражданско-правовых сделок	144291,39	16465,14	2930,00	10726,48	0,00	28,519,06
8	Другие, не запрещенные законом поступления	15534,89	5027,73	119999,07	20910,94	2780,34	328,680

¹ По данным официального сайта Центральной избирательной комиссии Российской Федерации («Сводные финансовые отчеты политических партий за 2016 год»).

Основная доля поступивших денежных средств на осуществление деятельности политических партий, вошедших в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации, приходится на средства федерального бюджета. Так, средства федерального бюджета составили 43,27 % (в 2015 г. – 68,6 %) поступлений денежных средств на осуществление деятельности партии «Единая Россия», пожертвования на деятельность данной партии составили 52,05% (в 2015 г. – 22,99%), в партии КППРФ средства федерального бюджета составили 63,22% (в 2015 г. 89,39%), пожертвования – 30,43% (в 2015 г. – 2,02%), в партии «ЛДПР» средства федерального бюджета – 62,24% (в 2015 г. – 74%), пожертвования – 27,15% (в 2015 г. – 19%), в партии «Справедливая Россия» средства федерального бюджета – 43,83% (в 2015 г. – 86%), пожертвования – 54,7 (в 2015 г. – 9,4%).

Что касается партии, не вошедшей в состав Государственной думы РФ 6-го созыва и 7-го созыва, но преодолевшей порог в 3% от общего числа голосов (партия «Яблоко»), средства федерального бюджета в 2015 г. составили 99%, в 2016 г. – 51,47% поступлений всех денежных средств, направленных на осуществление уставной деятельности партии. Исходя из изложенного, следует, что объем предоставления политическим партиям средств из федерального бюджета зависит от числа голосов, полученных политическими партиями на выборах. Объем денежных средств, перечисляемых в качестве пожертвований от физических и юридических лиц, зависит от степени влияния партии на политический процесс в государстве.

Для занятия доминирующего положения в представлении интересов отдельных групп населения, осуществления политической власти, политическая партия должна обладать высокой степенью оснащенности техническими и полиграфическими и, как следствие, финансовыми, средствами для влияния на общественное мнение. Следовательно, у политических партий, деятельность которых не финансируется из средств федерального бюджета, степень влияния на общественное мнение существенно ниже, нежели у партий, основным источником финансирования которых является федеральный бюджет. Правовая возможность финансирования деятельности политических партий не только из средств федерального бюджета и путем внесения членских взносов, но и посредством перечисления денежных средств от юридических лиц, приводит к необходимости рассмотрения таких категорий политической сферы как группы интересов и политическое лоббирование.

Среди политических социологов разворачивалась также важная дискуссия о том, можно ли характеризовать как плюралистическую ту политическую систему, при которой за плюралистическим осуществлением власти в условиях демократии может скрываться действительное господство определенных групп и интересов [23, с. 29]. Следовательно, партии, которые были созданы и призваны для представительства различных групп населения во властных структурах, зачастую представляют интересы определенных коммерческих организаций. Еще одним наглядным подтверждением важности фактора финансиру-

ния политических партий послужит анализ динамики реализации принципа политического плюрализма на примере результатов выборов депутатов

Государственной думы Федерально-го Собрания Российской Федерации, отображенных (табл. 4).

Таблица 4

**Результаты выборов депутатов Государственной Думы РФ
(партии, вошедшие в состав)¹**

Год выборов	Тип избирательной системы	Общий % явки избирателей	Количество мест в Государственной думе				
			Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Блок Родина	Справедливая Россия
2003	смешанная	55,75	300	52	36	36	-
2007	пропорциональная	59,00	315	57	40	-	38
2011	пропорциональная	60,21	238	92	56	-	64
2016	смешанная	47,90	343	42	39	-	23

¹ По данным официального сайта Центральной избирательной комиссии Российской Федерации («Выборы в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации») и обзоров на сайтах ИТАР-ТАСС («История выборов в Государственную думу в современной России», 30.11.2011), РИА-Новости («Выборы в Госдуму-2016», 23.09.2016).

Входящие в состав нижней палаты Парламента Российской Федерации политические партии практически неизменны. Также, положение политических партий, вне зависимости от типа избирательной системы и явки избирателей, по большей части не меняется. Правящей партией, имеющей большинство голосов, является «Единая Россия», второе место по количеству депутатских мест занимает КПРФ, третье место попеременно делят ЛДПР и «Справедливая Россия».

Подводя итоги, необходимо заметить, что в Российской Федерации такой принцип правового государства, как политический плюрализм, не только законодательно закреплён, но и действует в политической системе посредством представления интересов групп населения со стороны политических партий. Однако механизм осуществления данного принципа не доведен до своего логического завер-

шения, поскольку борьба за политическую власть между партиями возможна лишь при наличии должного финансового обеспечения, которое, в свою очередь, является следствием доминирующего положения в партийной системе и возможностью наиболее плодотворной борьбы за политическую власть.

Отсюда следует, что политические партии, не входящие ранее в Государственную думу, испытывают сложность в составлении конкуренции лидирующим партиям в политической системе. Разумеется, не только уровень финансирования влияет на доминирующее положение той или иной политической партии, существует ряд таких факторов, как качество разработанной политической программы, социально-экономическое положение населения. Однако при должном уровне финансирования политическая партия имеет возможность привлечения больше-

го количества квалифицированных в различных областях специалистов, которые принимают участие в разработке и дальнейшем осуществлении политической программы.

Более того, социально-экономическое положение населения, хоть и не напрямую, но зависит от поведения правящей партии, поскольку, помимо решающего влияния в законодательной сфере, правящая политическая партия и оппозиционные партии, вошедшие в состав нижней палаты парламента Российской Федерации,

выполняют функцию согласования Председателя Правительства Российской Федерации. А Председатель высшего исполнительного органа власти, в свою очередь, согласно ст. 113 Конституции Российской Федерации, определяет основные направления деятельности Правительства Российской Федерации и организует его работу. Исходя из этого, представление интересов всех слоев и групп населения в Российской Федерации в настоящий момент не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений. М.: Перо, 2012. 408 с.
2. Берк Э. «Залог успеха – не наличие, а отсутствие таланта...» Ранние эссе // Вопросы литературы. 2008. № 1. С. 265–296.
3. Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М.: Наука, 1978. 360 с.
4. Бэкон Ф. Опыты, или Наставления нравственные и политические. М.: Мысль, 1978. 575 с.
5. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
6. Володина С.В. Многопартийность как основа конституционного строя России. М.: Проспект, 2016. 156 с.
7. Гоббс Т. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.
8. Даль Р. Предпосылки возникновения и утверждения полиархий // Полис. 2002. № 6. С. 34–56.
9. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2002. 560 с.
10. Жуковский Д.А.. Особенности становления методологического плюрализма в политологии // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 7 (51). С. 139–149.
11. Заславская Т.И. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. С. 9–50.
12. Зелетдинова Э.А. Оппозиция и стабильность политического процесса в России // Власть. 2013. № 11. С. 11–16.
13. Зотова З.М. Политические партии России: организация и деятельность. М.: Российский центр обучения избирательным технологиям, 2001. 134 с.
14. Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем. М.: Аспект Пресс, 2008. 367 с.
15. Кессиди Ф.Х. Этические сочинения Аристотеля // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 8–37.
16. Конституционный мониторинг: концепция, методика и итоги экспертного опроса в России в марте 2013 года / Под ред. А.Н. Медушевского. М.: Институт права и публичной политики, 2014. 183 с.
17. Ленин В.И. Опыт классификации русских политических партий // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 14. М.: Политиздат, 1972. С. 21–27.

18. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 540 с.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 419–459.
20. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959. С. 1–167.
21. Михайленок О.М., Щенина О.Г. Власть и несистемная оппозиция как субъекты политического согласия // Власть. 2015. № 7. С. 24–29.
22. Михельс Р. Социология политических партий в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3. С. 55–60.
23. Парникель Ю.Л. Политический плюрализм в современном российском обществе: социальные условия становления: дис. ... докт. полит. наук. М., 349 с.
24. Пономарева Ю.Ю. Реализация принципа политического многообразия в законодательстве о политических партиях // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 1 (24). С. 39–45.
25. Попов П.Л., Сараев В.Г., Черенев А.А., Галес Д.А. Результаты выборов в ГД РФ 2016 г. и перспективы региональной поддержки кандидатов от основных политических партий на президентских выборах 2018 г. // Власть. 2017. № 8. С. 74–82.
26. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: Кучково поле, 1998. 271 с. 416 с.
27. Соловьёв А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2001. 559 с.
28. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
29. Юм Д. Малые произведения: эссе. Естественная история религии. Диалоги о естественной религии. М.: Канон, 1996. 462 с.
30. Kenez P. A History of the Soviet Union from the Beginning to the End / 2nd ed. New York: Cambridge University Press, 2006. 356 p.
31. Sartori G. Parties and Party Systems: A framework for analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 370 p.

REFERENCES

1. Bentley A. Protsess gosudarstvennogo upravleniya. Izuchenie obshchestvennykh davlenii [The process of state governing. A study of social pressures]. Moscow, Pero Publ., 2012. 408 p.
2. Burke E. ["The key to success is not available, and the lack of talent..."Early essays]. In: *Voprosy literatury*, 2008, no. 1, pp. 265–296.
3. Bolingbroke G. Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii [Letters on the study and use of history]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 360 p.
4. Bakon F. Opyty, ili Nastavleniya nrvstvnyye i politicheskie [Experiences, or Instructions moral and political]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 575 p.
5. Weber M. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p.
6. Volodina S.V. Mnogopartiinost' kak osnova konstitutsionnogo stroya Rossii [Multi-party system as the basis of the constitutional system of Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 156 p.
7. Hobbes T. Sochineniya: v 2-kh t. Tom 2 [Works: in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 731 p.
8. Dahl R. [Prerequisites and approval of polyarchy]. In: *Polis*, 2002, no. 6, pp. 34–56.
9. Duverger M. Politicheskie partii [Political parties]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2002. 560 p.

10. Zhukovskii D.A. [Features of methodological pluralism formation in political science]. In: *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 2015, no. 7 (51), pp. 139–149.
11. Zaslavskaya T.I. O strategii sotsial'nogo upravleniya perestroikoi [On the strategy of social management of the perestroika]. In: *Inogo ne dano* [There is no other way]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 9–50.
12. Zeletdinova E.A. [The opposition and the stability of the political process in Russia]. In: *Vlast'*, 2013, no. 11, pp. 11–16.
13. Zotova Z.M. Politicheskie partii Rossii: organizatsiya i deyatelnost' [Political parties in Russia: organization and activities]. Moscow, Rossiiskii tsentr obucheniya izbiratel'nykh tekhnologiyam Publ., 2001. 134 p.
14. Isaev B.A. Teoriya partii i partiinykh sistem [A theory of parties and party systems]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2008. 367 p.
15. Kessidi F.Kh. Eticheskie sochineniya Aristotelya [Ethical writings of Aristotle]. In: *Aristotel'. Sochineniya: v 4-kh t. Tom 4* [Aristotle. Works: in 4 volumes. Vol. 4]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, pp. 8–37.
16. Konstitutsionnyi monitoring: kontseptsiya, metodika i itogi ekspertnogo oprosa v Rossii v marte 2013 goda [Constitutional monitoring: concept, methodology and results of an expert survey in Russia in March 2013]. Moscow, Institut prava i publichnoi politiki Publ., 2014. 183 p.
17. Lenin V.I. Opyt klassifikatsii russkikh politicheskikh partii [The experience of classifying Russian political parties]. In: *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 14* [Lenin V. I. Complete works. Vol. 14]. Moscow, Politizdat Publ., 1972, pp. 21–27.
18. Machiavelli N. Gosudar'. Rassuzhdeniya o pervoi deкаде Tita Liviya. O voennom iskusstve [Sovereign. Reasoning about the first decade of Titus Libya. On the martial art]. Rostov n/D., Feniks Publ., 1998. 540 p.
19. Marx K., Engel's F. Manifest Kommunisticheskoi partii [The Communist Manifesto]. In: *Marks K., Engel's F. Sochineniya. T. 4* [Marx K., Engels F. Compositions. Vol. 4]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, pp. 419–459.
20. Marx K. K kritike politicheskoi ekonomii [Critique of political economy]. In: *Marks K., Engel's F. Sochineniya. T. 13* [Marx K., Engels F. Works. Vol. 13]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959, pp. 1–167.
21. Mikhailenok O.M., Shchenina O. G. [Power and non-systemic opposition as subjects of political consensus]. In: *Vlast'*, 2015, no. 7, pp. 24–29.
22. Michels R. [Sociology of political parties in democracy]. In: *Dialog*, 1990, no. 3, pp. 55–60.
23. Parnikel' Yu.L. Politicheskii plyuralizm v sovremennom rossiiskom obshchestve: sotsial'nye usloviya stanovleniya: dis. ... dok. polit. nauk [Political pluralism in contemporary Russian society: the social conditions of formation: Thesis ... doc. of polit. sci.]. Moscow, 349 p.
24. Ponomareva Yu.Yu. [The implementation of the principle of political diversity in the legislation on political parties]. In: *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, 2017, no. 1 (24), pp. 39–45.
25. Popov P.L., Saraev V.G., Cherenev A.A., Gales D.A. [The results of the elections to the state Duma 2016 and the prospects for regional support of the candidates from the main political parties in the presidential elections of 2018]. In: *Vlast'*, 2017, no. 8, pp. 74–82.
26. Rousseau J.-J. Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty [On the social contract. Treatises]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 1998. 416 p.
27. Solov'ev A.I. Politologiya: politicheskaya teoriya, politicheskie tekhnologii [Political science: political theory, political technologies]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2001. 559 p.
28. Tocqueville A. Demokratiya v Amerike [Democracy in America]. Moscow, Progress Publ., 1992. 554 p.

29. Hume D. *Malye proizvedeniya: esse. Estestvennaya istoriya religii. Dialogi o estestvennoi religii* [Small works: essays. The natural history of religion. Dialogues on natural religion]. Moscow, Kanon Publ., 1996. 462 p.
30. Kenez P. *A History of the Soviet Union from the Beginning to the End*. 2nd ed. New York: Cambridge University Press, 2006. 356 p.
31. Sartori G. *Parties and Party Systems: A framework for analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 370 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьева Татьяна Николаевна – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: solovieva.tatiana25@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana N. Solovieva – post-graduate student of the Department of Politology and Law, Moscow Region State University;
e-mail: solovieva.tatiana25@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соловьева Т.Н. Политический плюрализм в России как один из основополагающих признаков правового государства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 100–110.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-100-110

FOR CITATION

T. Solovieva. Political Pluralism As One of the Main of Principles of Law-Based Government. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 1, pp. 100–110.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-100-110

УДК 316.4

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-111-124

РОЛЬ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Куркин В.А.

*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, 10а, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Российское школьное историческое образование рассмотрено как инструмент политической социализации личности. Автором выявлены современные факторы, меняющие содержание политической социализации: воздействие глобализационных процессов, развитие информационно-коммуникационных технологий, идейно-политический полифонизм и противоречивая позиция СМИ. Отмечено, что в указанных условиях именно школа призвана через положительную интерпретацию отечественной истории сформировать ценностно-поведенческие установки подрастающего поколения, которые были бы ориентированы на укрепление государства и консолидацию общества. Используя сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, автор пришел к заключению, что недооценка воспитательной роли школьного исторического образования, имевшая место в 1920-е и 1990-е гг., закономерно сменялась осознанием государственной властью важности данного инструмента политической социализации подрастающего поколения. В статье выделены недостатки, присущие современному школьному историческому образованию и намечены пути по их устранению.

Ключевые слова: политическая социализация, политизация истории, историческое образование, школьная образовательная среда, политические нормы и ценности.

THE ROLE OF SCHOOL HISTORY EDUCATION IN THE POLITICAL SOCIALIZATION OF STUDENTS

V. Kurkin

*Moscow Region State University
10a, build.1, Radio ul., Moscow, 105055, Russian Federation*

Abstract. School historical education in Russia is considered as an instrument of political socialization of a personality. The author singles out modern factors changing the content of political socialization. Among them: the impact of globalization processes, development of information and communication technology, ideological and political diversity and controversial policy of the media. It is stated that in such conditions it is school where the value attitudes of modern youth should be molded through the positive interpretation of native history. The attitudes should be oriented on strengthening of the state and society consolidation. Used by the author in the study, comparative-historical and problem-chronological methods allowed to come to the conclusion that despite temporary underestimation of the role of school history education in the

upbringing of the younger generation, which took place in the 1920s or the 1990s, there was a change to the government's growing awareness of this instrument significance for the political socialization of the youth. The article highlights the shortcomings inherent in modern school historical education. The ways to eliminate them are mentioned.

Key words: political socialization, politization of history, historical education, school educational environment, political norms and values.

Целью статьи является рассмотрение роли и места школьного исторического образования в политической социализации подрастающего поколения. Содержание исторического образования существенно изменилось под воздействием ряда факторов, в первую очередь, значительного расширения числа агентов социализации в контексте тиражируемой либеральной модели общественного развития и совершенствования информационно-коммуникационных технологий. Так, помимо официальной пропаганды, семьи, школы и микросреды подростка, на политическую социализацию в настоящее время активное влияние оказывают конкурирующие друг с другом СМИ, разнородное содержание Интернета, космополитическое по своему характеру массовое искусство. Другими факторами стали девальвация суверенитета государства в определении внутривнутриполитических приоритетов и формировании национальной идентичности в условиях глобальных процессов; возросшее влияние на социализацию молодежи «сетевое», слабо контролируемое взаимодействие, что снижает роль традиционных агентов социализации (прежде всего, государства и семьи) в этом процессе.

Исходя из сказанного, автор видел задачу в том, чтобы выявить характер изменений, происходящих в содержании политической социализации; причины, обусловившие возрастание

значимости школы в политической социализации молодежи; обосновать особую роль школьного исторического образования в политической социализации подрастающего поколения, в том числе по причине беспрецедентной политизации истории, различные интерпретации которой (часто фальсифицируемые) активно используются в политическом противостоянии как внутри страны, так и за рубежом.

Меняющееся содержание политической социализации

Сложность феномена политической социализации обусловила неоднозначность подходов в трактовке её сущности и содержания. В широком смысле под политической социализацией традиционно понимают процесс усвоения индивидом ценностей и норм политической культуры, присущих конкретному обществу и позволяющих индивиду эффективно выполнять те или иные ролевые функции в рамках принятых в политическом процессе норм и ценностей. В этом случае подрастающее поколение воспринимает «политические идеи, политическую позицию и поведение, типичное для данной общности» [8, с. 236].

По мнению политолога К. Рубчевского, в ходе политической социализации личность усваивает социальный и политический опыт, который ранее был накоплен обществом и сконцентрирован в нормах статусного и роле-

вого поведения, культурных традициях и коллективных ценностях [15, с. 149]. В рамках такого подхода под политической социализацией понимается весь комплекс изменений количественных и качественных характеристик человека, связанных с развитием его политического сознания, поведения и ценностно-ориентационной системы [4, с. 35]. В свою очередь, американский политолог Ф. Гринстайн придерживается мнения о том, что о политической социализации может идти речь только в том случае, если усвоенные индивидом нормы и правила стали устойчивыми регуляторами политического поведения индивидов [19, р. 190–191].

Существенные политические трансформации, происшедшие в мире в конце XX в., привели к уточнению теоретических подходов к определению данного явления. Стало очевидным, что политическая социализация, благодаря вовлеченности цивилизации в активные информационно-коммуникационные и «сетевые» процессы, во многом утратила свой прежний «вертикальный», управляемый со стороны государства характер, следствием чего стала девальвация значимости прежних агентов политической социализации. Согласно этой точке зрения, молодежь перестала быть пассивным социализируемым объектом, в настоящее время она все чаще стремится самостоятельно формировать и ретранслировать свои политические предпочтения и убеждения без оглядки на старшее поколение, что привело к существенному переформатированию прежнего механизма «наследования» политических взглядов и ценностей подрастающим поколением. Утрата значимости прежних агентов

социализации сопровождается расширением числа институтов, влияющих на процесс политической социализации, прежде всего разнородных по содержанию контенту СМИ, а также многочисленных политических и общественных организаций.

Теоретической рефлексией на изменившуюся социально-политическую реальность стал предложенный американским политологом и социологом Р. Мерелманом принципиально иной механизм усвоения политических ценностей и установок, который, с определенной долей условности, можно охарактеризовать как «горизонтальную» (lateral) политическую социализацию [20, р. 279–319]. В соответствии с этой концепцией индивид стоит перед необходимостью постоянного выбора из широкого спектра конкурирующих между собой образов политического мира, истинных и суррогатных ценностей и соответствующих моделей поведения. В отличие от «вертикального», на «горизонтальном» уровне отношения между агентами социализации и индивидами (в современном формально-демократическом обществе) носят относительно равноправный и динамичный характер, лишенный признаков «завершенности». Подобный вывод, низводящий роль и значение традиционных агентов социализации до маргинального уровня, представляется, однако, чрезмерно категоричным. Более адекватным, на взгляд автора, представляется подход, исходящий из того, что вертикальный и горизонтальный уровни политической социализации не отрицают, а взаимно дополняют друг друга [21, р. 8].

Относительно новый взгляд на проблему предлагает синергетическая

парадигма, активно используемая исследователями в последнее время. В соответствии с ней, социализация представляет собой процесс двоякого свойства. С одной стороны, она носит целенаправленный характер (через обучение, воспитание и пропаганду), а с другой – стихийно-реактивный. В первом случае речь идет об организации политической социализации на основе соответствующих институциональных механизмов. Во втором – о самоорганизации, которая осуществляется в рамках многоаспектных социальных связей человека, обусловленных его принадлежностью к различным социальным (прежде всего, профессиональным) группам, ролевыми функциями, условиями жизни и быта, личным и семейным опытом взаимодействия с политико-правовой сферой общества.

Исходя из этого, политическая социализация индивидов нередко принимает деформированное состояние, выражаясь в негативистском, пассивно-безучастном или лишь внешне лояльном отношении субъекта к властным структурам и проводимой ими политике. Однако по мере нарастания кризисных явлений в обществе политическое поведение индивида достаточно быстро оказывается в точке бифуркации, прохождение через которую может завершиться или стойким политико-правовым отчуждением личности или, напротив, осознанием жизненной необходимости (ради сохранения государственности) принимаемых властью политических решений. В этом противоречивом процессе огромную роль играет содержание исторического сознания индивида: в период кризисного этапа в развитии общества люди, как правило, ищут от-

вета на насущные вопросы бытия через исторические параллели.

Что касается узкого (инструменталистского) подхода, то, в соответствии с ним, политическая социализация понимается как процесс непосредственной включенности индивида-носителя в политико-правовую жизнь конкретного общества [13, с. 52]. При этом основное внимание уделяется изучению особенностей электорального поведения индивида, его политических предпочтений в ходе избирательных кампаний различного уровня. Наиболее продуктивной при изучении процесса политической социализации личности, на взгляд автора, является близкая к синергетическому подходу объектно-субъектная теория, которая трактует индивида одновременно и как объект, и как субъект политической социализации, способного самостоятельно формировать свои политические взгляды, приоритеты и ценности, подвергая критическому анализу содержание внешнего воздействия на этот процесс.

Оптимальным в этом отношении является определение социализации, предложенное социальным психологом Г.М. Андреевой, которая понимает под ней «двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей, с другой стороны, процесс активного воспроизводства системы социальных связей индивидом за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду» [1, с. 214]. В этом многогранном процессе индивид вынужден как приспособливаться к доминирующим в обществе политиче-

ским отношениям, так и стремиться повлиять на них, исходя из своих собственных или корпоративных интересов и социальных ожиданий. Задачами политической социализации в этом контексте (если говорить о её консолидирующей, а не разрушительной функции) является формирование желательных (приемлемых) для государственной власти модусов политического поведения граждан [9, с. 11–12].

Сложность подобной задачи обусловливается тем, что политической социализации присущи два ведущих аспекта: мировоззренческий (взгляды и вызванное ими устойчивое отношение) и практически-политический (деятельный). Если мировоззренческий аспект находит выражение в конкретной личностной позиции относительно содержания и характера политической жизни в стране, то практически-политический аспект предусматривает сформированный характер ценностно-поведенческих установок индивида, проявляющихся в ходе его той или иной включенности в политическую жизнь.

Роль школы в политической социализации молодежи

Большинство психологов и социологов сходятся в том, что основными в социализации личности (в том числе, политической) являются первичная и вторичная стадии. Первичная социализация охватывает ранние этапы жизни человека, детство и юность (с 3 до 13 лет), когда происходит приобретение начальных представлений о мире и обществе. Вторичная социализация, предполагающая овладение индивидом инструментальными навыками и умениями, необходимыми для

успешной адаптации к соответствующей социальной и политической среде, приходится на возрастной период с 13 до 18 лет. Соответственно, первые осознанные (как правило, наиболее устойчивые) политические взгляды и предпочтения, а также ценностно-поведенческие установки молодежь приобретает как в семье, так в рамках школьного образования, где на основе полученных исторических и обществоведческих знаний происходит формирование исторического сознания и первичного политического «я».

В современных условиях, когда политическая социализация молодежи подвергается воздействию различных, в том числе конкурирующих информационных источников, школа, реализуя государственный заказ в сфере политической социализации подрастающей молодежи, остается едва ли не единственным институтом, способным придать процессу управляемый, контролируемый характер [16, с. 398–421].

Особая роль школьного исторического образования

Особая роль школьного исторического образования заключается не только в том, что оно формирует такой важнейший элемент мировоззрения как историческую память, под которой понимают «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим, выражение «процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей...» [17,

с. 4]. А историческая память, в свою очередь, лежит в основе национальной идентичности. Не менее важно то, что на основе положительных примеров историческое образование способно формировать поведенческие стереотипы патриотической направленности, побуждать молодежь к созидательной деятельности в интересах государства.

Есть еще один важный момент, обуславливающий государственную значимость исторического образования. Проблемные вопросы истории, как никогда прежде, стали предметом острого идейно-политического противоборства как внутри страны, так и в межгосударственных отношениях. Одним из феноменов политической жизни целого ряда восточноевропейских государств стала институционализация относительно нового вида государственной политики – исторической, осуществляемой, по заказу и под контролем государства, специализированными научными учреждениями. Реализация такой политики сопровождается неизбежной мифологизацией истории, в интересах тех или иных политических сил.

Так, в реинтерпретацию истории с активным использованием мифотворчества в настоящее время вовлечены Институты национальной памяти на Украине и в Польше. В частности, в период президентства В. Ющенко (2005–2008 гг.) на Украине был открыт «музей советской оккупации», в областных музеях – экспозиции о «Голодоморе» на Украине (1932–1933 гг.), якобы преднамеренно инспирированного из Москвы. Тема «голодомора» при Ющенко была возведена в ранг национальной идеи, вокруг которой власть пыталась консолидировать украинскую нацию.

В 2006 г. Верховная Рада Украины приняла закон, квалифицирующий голод 1932–1933 гг. как геноцид украинского народа.

При принятии закона украинские законодатели не озаботились тем фактом, что от массового голода, ставшего во многом следствием череды неурожайных лет (1927, 1929, 1931), форсированной коллективизации, пострадала не только Украина, но и значительная часть Поволжья, Казахстана, Северного Кавказа и ряда других территорий бывшего Советского Союза [2, с. 230–231]. Одновременно на Украине развернулся процесс реабилитации ОУН–УПА, воевавших на стороне нацистов [6, с. 139]. Антироссийский характер украинской исторической политики после государственного переворота в феврале 2014 г. принял одиозную форму. Последнее предполагает, в том числе, обращение к «археологической войне» (по удачному выражению Н.А. Комлевой), в ходе которой осуществляется уничтожение неугодных материальных памятников как национальной, так и коллективной истории, целью которой является переформатирование национальной идентичности [10, с. 3–4]. Отметим, что эта «война» происходит не только на Украине, но и в Молдове, Польше, ряде других постсоветских республик.

Проблема политизации истории, ставшая необъемлемым атрибутом внутrigосударственной и международной жизни, усугубляется разобщенностью сообщества историков, придерживающихся различных политико-идеологических позиций, что влечет за собой конфликтующие друг с другом интерпретации спорных моментов отечественной истории. Раз-

личные версии истории циркулируют в СМИ, влияя на историческое сознание широкой аудитории, в том числе молодежи. В таком идейно-политическом полифонизме у молодежи формируются зачастую искаженные мировоззренческие взгляды и установки. Это неизбежно ведет к деформации традиционного механизма «наследования межпоколенческих ценностей как основных скреп общественного сознания» [20, р. 289].

Что касается семьи как агента политической социализации, то её роль в последнее время носит всё более неоднозначный характер. Это обуславливается, прежде всего, нестабильностью самого института брака в современной России (вместо официальных брачных отношений – распространение сожительства; рост числа матерей-одиночек), что не позволяет ребенку социализироваться здесь на полноценной основе. Но даже в полных семьях родители могут оказать значимое воздействие на политическую социализацию детей только в том случае, если своим примером они сумели доказать успешность своей жизненной позиции. В настоящее время жизненный успех отождествляется с достижением карьерных высот и финансового благополучия, что не только является уделом единиц, но и вступает в противоречие с задачей достижения общественного блага, неотделимого от утверждения принципа воздаяния равным за равное. Нельзя забывать также о том, что в настоящее время более 800 тыс. детей проживают в интернатах и детских домах, а свыше 1 млн., по различным оценкам, являются беспризорниками, то есть остаются вне контролируемого пространства социализации [4, с. 37].

Определенную роль на политическую социализацию молодежи оказывают многочисленные политические и общественные движения – «Российский союз молодежи», «Ленинский комсомол Российской Федерации», молодежный проект «Сеть», созданный в 2014 г. усилиями бывших функционеров проправительственной молодежной организации «Наши» и др. В настоящее время каждая из крупных политических партий стремится обзавестись собственным молодежным движением. У «Единой России» – это «Молодая гвардия единой России», у ЛДПР – «Соколы Жириновского»; у «Справедливой России» – «Справедливая сила», у «Родины» – «Тигры Родины» и т.п. Широкое распространение получили различные неформальные молодежные общественные организации и движения (как проправительственного, так и несистемного характера) [12, с. 3].

Однако, находясь в конкурентном политическом пространстве, они стремятся навязать своим сторонникам и потенциальному электорату собственный образ политического процесса в стране и мире, что далеко не способствует консолидированной политической социализации молодежи, ориентированной на повышение нормы солидарности в обществе. Неоднозначное воздействие на историческое сознание молодежи, помимо прочего, оказывает сама российская действительность.

С одной стороны, укорененность российского патриотизма в качестве ценностно-смыслового ядра личности российского гражданина проявилась в оценке событий, связанных с присоединением Крыма (2014 г.) к России.

Согласно многочисленным опросам, подавляющая часть россиян одобрила присоединение Крыма, рассматривая это как акт восстановления исторической справедливости [14]. С другой стороны, общественно-психологический срез российского общественного сознания подвержен существенным колебаниям, в зависимости от состояния политической и социально-экономической конъюнктуры в стране. Так, большинство россиян (около 90%), согласно одному из опросов ВЦИОМ, гордятся историей, культурой и сильной армией, но уровень жизни в стране вызывает гордость лишь у 20% населения, что создает предпосылки для лабильности политических взглядов и установок [5]. Схожие данные следуют из социологических опросов, проведенных Левада-Центром [7].

Своим содержательным и оценочным контекстом школьное историческое образование должно, по мере возможности, купировать негативные тенденции и настроения, проникающие в школьную среду из внешнего мира. Осуществить это можно только путем формирования у подрастающего поколения позитивного исторического сознания, которое предполагает не «вымарывание» неудобных эпизодов истории, а их причинно-следственную объяснительную интерпретацию. В данном случае происходит не избегание разъяснения причин серьезных проблем пережитых страной в различные исторические эпохи, но и акцент внимания на генеральном тренде исторического развития России. Этот тренд заключается в том, что стране не только удалось (в отличие от многих других) сохранить свою государственность, но и построить мощную,

по совокупному потенциалу, державу. Это тем более важно, что именно историческое сознание, под которым понимают совокупность «...идей, взглядов, чувства, настроений, возникающих в процессе познания и оценки прошлого» [17, с. 14], оказывает прямое или опосредованное воздействие на личностную модель поведения.

Возрастание роли школы в качестве агента политической социализации означает, что она не может ограничиться в преподавании истории лишь когнитивным аспектом, то есть решением сугубо познавательных задач. Как справедливо отмечает ряд историков, в школе в настоящее время должны реализовываться «...все культурно-политические функции истории...», а исторические факты использоваться «...как материал для воспитательных и нравственных уроков». Более того, познавательные аспекты должны, в определенной степени, носить подчиненный этим задачам характер» [18, с. 42].

На этом пути школьное историческое образование в настоящее время сталкивается с рядом препятствий как содержательного, так и институционального характера. Если прежде, в советское время, школьное образование ориентировалось на формирование целостной (холистской) мировоззренческой картины мира у учащихся (с объяснением основных социологических законов общественного развития), то ныне в образовательном пространстве доминирует ценность узкоспециализированного, прагматичного знания, предназначенного для достижения быстрых успехов в профессиональной карьере. Такой подход трудно совместим с задачами патриотического воспитания, предполагающего формиро-

вание ценностного ряда, нацеленного не только на обслуживание частных интересов, но и служение обществу.

Не меньшую проблему для школьного исторического образования и, соответственно, патриотического воспитания представляет официально закрепленный принцип «деидеологизации», санкционирующий возможность плюралистического подхода к изложению отечественной истории, что предполагает различные, в том числе конфликтующие, трактовки отечественной истории. На практике оказалось, что деидеологизация школьного образования, во многом, фиктивная – на место марксистско-ленинской идеологии пришли различные идейно-политические суррогаты, претендующие тем не менее на истинность своего концепта в изложении отечественной истории. Подобная ситуация входит во всё большее противоречие с государственными установками в этой области.

Трансформация исторического образования в интересах позитивной политической социализации

Впервые мысль о необходимости «единой» концепции учебника была высказана президентом РФ В.В. Путиным на заседании Совета по международным отношениям 19 февраля 2013 г. Подобный подход был не только целесообразен в условиях развития постсоветской российской государственности, но и оправдан предшествующим как отечественным, так и мировым опытом. В частности, французский историк М. Ферро, один из представителей французской научной школы «Анналов», в своем исследовании «Как

рассказывают историю детям в разных странах мира», пришел к выводу, что в любой стране, в той или иной степени, реализуется механизм государственного и общественного контроля за преподаванием истории» [3, с. 184].

В российском образовательном пространстве выход, как известно, был найден в принятии в 2015 г. концепции нового учебно-методического комплекса (УМК) по отечественной истории и включенного в его состав единого историко-культурного стандарта, ориентирующего авторов на объективный показ как впечатляющих достижений, так и драматических страниц в истории России. Не отвергая возможность презентации различных идейно-политических подходов, содержательный компонент учебников истории отныне должен выполнять консолидирующую функцию в обществе, быть ориентированным на укрепление, а не на разрушение российской государственности.

Вместе с тем принятие единого историко-культурного стандарта не решило всех проблем в сфере преподавания истории. В новой концепции УМК приведен перечень «трудных» вопросов истории, которые нуждаются в дальнейшем историко-теоретическом обосновании на соответствующих тематических комиссиях. В то же время проблемное поле истории не исчерпывается данным перечнем. Речь идет даже не о недавнем советском прошлом – практически каждая историческая эпоха или крупная историческая личность по сей день вызывают спорные трактовки и оценки, которые могут быть использованы, в том числе, и для фальсификации отечественной истории.

Проблема неизбежных разночтений в интерпретации прошлого поднимает вопрос о необходимости консолидированного подхода учительского сообщества к преподаванию истории. В советский период проблема выработки «единого» подхода среди педагогического состава по спорным проблемам решалась в рамках обязательной и бесплатной для прохождения системы повышения квалификации учительских кадров. В настоящее время система повышения квалификации является платной и трудно реализуемой в силу необходимости отрыва учителей от плотного графика учебного процесса. При этом для самостоятельного повышения квалификации у них фактически не остается свободно времени [11].

Приоритетность внимания к системе повышения квалификации учительских кадров объясняется и тем, что, помимо достижения консенсуса в освещении дискуссионных исторических проблем, она должна «вооружить» педагогов как знаниями, так и умениями по аргументированному разоблачению в рамках соответствующей тематики распространенных фальсификаций отечественной истории, способствующих размыванию ценностных основ национальной идентичности россиян. Для России, вынужденной и поныне отстаивать свою «самобытность» в контексте многочисленных вызовов и рисков развивающейся, конфликтной по своей сути, глобализации, эта проблема более чем актуальна.

Одно перечисление циркулирующих в информационном пространстве мифов относительно новейшей истории России требует немалого времени. Среди них – возложение равной

ответственности за развязывание второй мировой войны на СССР и нацистскую Германию; отождествление политических режимов в СССР и нацистской Германии; насильственная оккупация и советизация прибалтийских республик; о коллаборационистах как патриотах России; о решающей роли западных союзников в победе над Германией и Японией; об исключительной виновности Советского Союза в развязывании «холодной войны»; о победе западного мира в «холодной войне» благодаря преимуществам капитализма как общественно-экономической формации и др.

Система повышения квалификации предполагает тематико-содержательное согласование учебных курсов истории и обществознания, которое, наряду с историческим образованием, является важнейшим средством первичного ознакомления учащихся с политико-правовой действительностью. Но даже повышение профессионального уровня учителей истории еще не способно в полной мере обеспечить задачу гражданско-патриотического воспитания молодежи. Для этого историческое образование должно быть подкреплено формированием соответствующей школьной образовательной среды, где целевая установка по формированию у школьников базовых патриотических ценностей должна пронизывать весь уклад школьной жизни, определять как урочную, так и внеурочную деятельность обучаемых.

Эта работа должна включать в себя не только традиционную внеурочную активность, связанную с посещением исторических мест или организацией празднования памятных дат, но и привлечение школьников к активной крае-

ведческой работе, направленной на дальнейшее изучение истории своей «малой» родины, а также решение конкретных социальных, экологических, культурных, экономических и иных проблем по благоустройству родного края, города и поселка.

Особое место во внеурочной деятельности должно принадлежать военно-патриотическому воспитанию, поскольку наиболее славные страницы истории России связаны с её военной историей. При организации этой работы должен быть учтен советский опыт, при условии его разумной адаптации к существующим реалиям российского образования. К сожалению, в настоящее время возрождение ряда институтов советского военно-патриотического воспитания (введение спортивного комплекса «ГТО», военно-спортивных игр «Орлёнок» и «Зарница», учреждение в школах военно-патриотических клубов и схожих организаций и др.) носит, во многом, формальный характер.

Выводы

Автор пришел к следующим выводам. Во-первых, под воздействием ряда новых факторов содержание политической социализации в настоящее время существенно изменилось, что ограничивает возможности государства по обеспечению его позитивной направленности. Во-вторых, в этих условиях именно школа, реализуя государственный заказ в сфере политической социализации подрастающей молодежи, остается едва ли не единственным ин-

ститутотом, способным придать ей контролируемый, управляемый характер. В-третьих, особая роль в этом процессе по-прежнему принадлежит школьному историческому образованию. Это обусловлено не только тем, что положительная интерпретация отечественной истории способна сформировать у молодежи ценностно-поведенческие стереотипы созидательного характера. В настоящее время школьное историческое образование призвано противостоять негативным тенденциям, связанным с усиливающейся политизацией истории, распространением фальсифицированных версий в трактовке отдельных периодов и фактов национальной и коллективной истории. Тиражируемая различными недобросовестными СМИ искаженная интерпретация отечественной истории способна существенно деформировать процесс политической социализации подрастающего поколения. Не допустить этого тем более важно, что российская политическая система, сможет обеспечить необходимый уровень интеграции и стабильности только в том случае, если ей удастся сформировать у подрастающего поколения совокупность политических знаний, ценностей и установок, направленных на конструктивную деятельность по развитию общества. В-четвертых, исследование показало, что, несмотря на предпринимаемые государством усилия, потенциал школьного исторического образования в качестве инструмента политической социализации используется далеко не в полной мере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 290 с.
2. Багдасарян В.Э. Антироссийские исторические мифы. М.: Питер, 2016. 270 с.
3. Багдасарян В.Э., Абдулаев Э.Н., Клычников В.М., Ларионов В.Э., Морозов А.Ю., Орлов И.Б., Строганова С.М. Школьный учебник и государственная политика. М.: Научный эксперт, 2009. 376 с.
4. Бычков Д.В. Особенности процесса политической социализации молодежи в современном российском обществе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 49. С. 35–40.
5. ВЦИОМ: более 80% россиян гордятся историей, наукой и армией страны // РИА-Новости [сайт]. – URL: <https://ria.ru/society/20160916/1477090931.html> (дата обращения: 02.02.2018).
6. Вяземский Е.Е., Болотина Т.В. Третий Всероссийский съезд учителей истории и обществознания: информационный повод к осмыслению системы историко-обществоведческого образования в российской школе // Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. 2016. № 2. С. 137–146.
7. Гордость и стыд // Левада-Центр [сайт]. – URL: <https://www.levada.ru/2017/03/01/> (дата обращения: 01.02.2018).
8. Громов И. А., Мацкевич И.А., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб.: «Издательство ДНК». 2003. 286 с.
9. Иванников Б.Д., Панкратов А.В., Сергеев В.В. Личность в политической сфере: социализация в контексте проблем безопасности современного российского общества. Ставрополь: [б/и], 2003. 268 с.
10. Комлева Н.А. Глобальная концентрическая война: основные тренды // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 2. С. 1–17.
11. Лихачева Н. Написать историю // Российская газета. 2016. 12 апр.
12. Мосоликов С.А. Пропрезидентские молодежные объединения современной России: основные направления деятельности // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. С. 1-19.
13. Политическая культура: теория и национальные модели / Отв. ред. К.С. Гаджиев; сост. Д.В. Гудименко. М.: Интерпракс, 1994. 351 с.
14. Референдум о статусе Крыма (2014) // Википедия [сайт]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 02.02.2018).
15. Рубчевский К.В. Социализация личности: интериоризация и социальная адаптация // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 147-151.
16. Савельева И.М. Перекрестки памяти // Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 398–421.
17. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–15.
18. Федорова Н.Г. Историческое сознание, историческая память и учебник истории: взаимосвязь и взаимовлияние (к вопросу о формировании социальной идентичности средствами школьного обучения) // Вестник Чувашского университета. 2007. № 4. С. 40–46.
19. Grenstein F. A note on the Ambiguity of “political socialization”: definitions, criticism and strategies of inquiry // Journal of Politics. 1970. Vol. 32. Pp. 969–978.
20. Merelman R.M. Revitalizing Political Socialization // Hermann M. (ed.) Political Psychology. San-Francisco: Jossey-Bass, 1986. Pp. 279–319.

21. Washburn Ph. A Life Course Model of Political Socialization // *Politics and Individual*. 1994. Vol. 4. № 2. Pp. 1–26.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2001. 290 p.
2. Bagdasaryan V.E. *Antirossiiskie istoricheskie mify* [Anti-Russian historical myths]. Moscow, Piter Publ., 2016. 270 p.
3. *Shkol'nyi uchebnik i gosudarstvennaya politika* [School textbooks and public policy]. Bagdasaryan V.E., Abdulaev E.N., Klychnikov V.M., Larionov V.E., Morozov A.Yu., Orlov I.B., Stroganova S.M. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2009. 376 p.
4. Bychkov D.V. [Features of process of political socialisation of youth in contemporary Russian society] In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2008, no. 49, pp. 35–40.
5. VTSIOM: bolee 80% rossiyan gordyatsya istoriei, naukoj i armiej strany [VTSIOM: more than 80% of Russians are proud of the history, science and army of the country]. [RIA-Novosti [website]. Available at: <https://ria.ru/society/20160916/1477090931.html> (accessed: 02.02.2018).
6. Vyazemskii E.E., Bolotina T.V. [Third all-Russian Congress of teachers of history and social science: cause to understand the system of historical and social science education in Russian schools] In: *Sovremennoe dopolnitel'noe professional'noe pedagogicheskoe obrazovanie*, 2016, no. 2, pp. 137–146.
7. Gordost' i styd [Pride and shame]. Levada Center [website]. Available at: <https://www.levada.ru/2017/03/01> (accessed: 01.02.2018).
8. Gromov I.A., Matskevich I.A., Semenov V.A. *Zapadnaya teoreticheskaya sotsiologiya* [Western theoretical sociology]. SPb., «Izdatel'stvo DNK» Publ., 2003. 286 p.
9. Ivannikov B.D., Pankratov A.V., Sergeev V.V. *Lichnost' v politicheskoi sfere: sotsializatsiya v kontekste problem bezopasnosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Identity in the political sphere: socialisation in the context of security problems of modern Russian society]. Stavropol, [b/i] Publ., 2003. 268 p.
10. Komleva N.A. [Global consciential war: main trends] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)*, 2015, no. 2, pp. 1–17.
11. Likhacheva N. *Napisat' istoriyu* (To write history). In: *Rossiiskaya gazeta*, 2016, 12 Apr.
12. Mosolikov S.A. [The pro-presidential youth organizations of modern Russia: the basic directions of activities] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)*, 2016, no. 4, pp. 1–19.
13. *Politicheskaya kul'tura: teoriya i natsional'nye modeli*. Otv. red. K.S. Gadzhiev; sost. D.V. Gudimenko [Political culture: theory and national models / Ed. K.S. Hajiyev; D.V. Gudimenko]. Moscow, Interpraks Publ., 1994. 351 p.
14. Referendum o statuse Kryma (2014) [Referendum on status of the Crimea (2014)]. [Wikipedia [website]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed: 02.02.2018).
15. Rubchevskii K.V. [Socialization of personality: the interiorization and social adaptation] In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2003, no. 3, pp. 147–151.
16. Savel'eva I.M. *Perekrestki pamyati* [The crossroads of memory]. In: *Khatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati* [Hutton, P. History as an art of memory]. SPb., Vladimir Dal' Publ., 2003, pp. 398–421.
17. Toshchenko Zh.T. [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state] In: *Novaya i noveishaya istoriya*, 2000, no. 4, pp. 3–15.

18. Fedorova N.G. [Historical consciousness, historical memory and textbook of history: interrelation and mutual influence (the question of social identity formation by means of schooling)]. In: *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2007, no. 4, pp. 40–46.
 19. Grenstein F. A note on the Ambiguity of “political socialization”: definitions, criticism and strategies of inquiry. In: *Journal of Politics*, 1970, vol. 32, pp. 969–978.
 20. Merelman R.M. Revitalizing Political Socialization. Hermann M. (ed.) *Political Psychology*. San-Francisco: Jossey-Bass, 1986, pp. 279–319.
 21. Washburn Ph. A Life Course Model of Political Socialization. In: *Politics and Individual*, 1994, vol. 4, no. 2, pp. 1–26.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куркин Виталий Алексеевич – соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: v.kurkin01@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaliy A. Kurkin – competitor for the candidate degree of the Department of Political Sciences and Law, Moscow Region State University;
e-mail: v.kurkin01@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Куркин В.А. Роль школьного исторического образования в политической социализации учащейся молодежи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 111–124.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-111-124

FOR CITATION

V. Kurkin. The Role of School History Education in the Political Socialization of Students. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 1, pp. 111–124.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-111-124

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте журнала (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
2018. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор О.О. Волобуев
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор Н.Л. Борисова
Компьютерная верстка – А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 8,5, усл. п.л. 8.
Подписано в печать: 27.02.2018. Выход в свет: 22.03.2018. Заказ № 2018/02-07.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А